

с е т е в о й н а у ч н ы й ж у р н а л

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

R E S E A R C H R E S U L T **Том 2, № 1(7), 2016**

СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SOCIAL STUDIES
AND HUMANITIES

ISSN 2408-932X

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

Сайт журнала:
rr.bsu.edu.ru

Том 2, №1(7). 2016

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издаётся с 2014 г.
ISSN 2408-932X

Volume 2, № 1(7). 2016

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2408-932X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Ольхов П.А., доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Заместитель главного редактора: Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Заместитель главного редактора – выпускающий редактор: Мотовникова Е.Н. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Редактор английских текстов: Ляшенко И.В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета

Ответственный секретарь: Мусаелян Е.Н., кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета

ЧЛЕНЫ РЕДАЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Жиров М.С., доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Липич Т.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Пенской В.В., доктор исторических наук, профессор кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Денисова И.В., кандидат исторических наук, директор музея Белгородского государственного национального исследовательского университета

Майданская И.А., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Носова Т.В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

Ряпухина В.Н., кандидат экономических наук, доцент кафедры стратегического управления Института экономики и менеджмента Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Пружинин Б.И., доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Вопросы философии», Россия – *председатель*

Антанасевич И., доктор филологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой славистики филологического факультета государственного Белградского университета, Республика Сербия

Аронов А.А., доктор культурологии, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой истории, истории культуры и музееведения Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, Россия

Атлагич С., доктор политических наук, доцент факультета политических наук государственного Белградского университета, Республика Сербия

Буксинова О.Б., доктор искусствоведения, заведующая кафедрой теории и методики хореографического искусства факультета режиссуры, актёрского искусства и хореографии Белгородского государственного института искусств и культуры, Россия

Быстрянец С.Б., доктор социологических наук, профессор кафедры истории и политологии Санкт-Петербургского государственного экономического университета, Россия

EDITORIAL TEAM

Editor-in-chief: PAVEL A. OLKHOV, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Deputy chief: OLGA A. VOLKOVA, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Social Work, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Deputy chief – make-up editor: ELENA N. MOTOVNIKOVA, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

English text editor: IGOR V. LYASHENKO, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, National Research University "Belgorod State University"

Executive secretary: ELENA N. MUSAEALYAN, Ph.D. in Education, Associate Professor, Department of Foreign Languages of Pedagogical Institute, National Research University "Belgorod State University"

EDITORIAL BOARD

Mikhail S. Zhiron, Doctor of Education, Professor of the Department of Social Work, Dean of the Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Andrey D. Maidansky, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Vitaly V. Penskoj, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Irina V. Denisova, Ph.D. in History, Director of the University Museum, National Research University "Belgorod State University"

Irina A. Maidansky, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Tatiana V. Nosova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy and Theology, Faculty of Theology and Social Sciences, National Research University "Belgorod State University"

Victoria N. Ryapukhina, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Strategic Management, Economics and Management Institute, Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov

CONSULTING EDITORS

Boris I. Pruzhinin, Doctor of Philosophy, Professor, editor-in-chief of "Voprosy Filosofii", Russia – *Chairman*

Irina Antanasijević, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Philology, University of Belgrade, Republic of Serbia

Arkady A. Aronov, Doctor of Cultural Studies, Doctor of Education, Head of History, History of civilization and Museum management studies department, Institute of Cultural Studies and Museum management studies of Moscow State University of Arts and Humanities

Siniša Atlagić, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, State University of Belgrade, Republic of Serbia

Olga B. Buksikova, Doctor of Art study, Head of the department of theory and methodology of choreography, producing, dramatics and choreography faculty of Belgorod State Institute of Arts and Humanities

Sergey B. Bystryantsev, Doctor of Sociology, Professor, Department of History and Political Sciences, St. Petersburg State University of Economics

Sarah Wendt, Doctor of Science, Professor, Deputy Head of the Faculty of Psychology, Social Work and Social Policy, Chief Researcher at the Center for Gender Studies, the University of South Australia

Вендт С., доктор наук, профессор, заместитель руководителя факультета психологии, социальной работы и социальной политики, старший научный сотрудник Центра гендерных исследований Университета Южной Австралии, Австралийский Союз

Вересов Н.Н., доктор философии, кандидат психологических наук, профессор, университет Монаша, Австралийский Союз

Винчигуэрра Лоренцо, профессор философии и эстетики, Пикардийский университет Жюль Верна (Амьен), директор Центра искусствознания и эстетики, Франция

Денчи (Михайлович) Сунчица М., доктор филологических наук, профессор, декан Педагогического факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Иванова И.И., доктор философских наук, профессор кафедры философии науки Кыргызско-Российского Славянского университета, Республика Кыргызстан

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, Почетный профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Капцын В.М., доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Института переподготовки и повышения квалификации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия

Кожемякин Е.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета

Лапина С.В., доктор социологических наук, заведующая кафедрой государственного управления социальной сферой и белорусоведения Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Республика Беларусь

Липич В.В., доктор филологических наук, профессор кафедры филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Лобанов К.Н., доктор политических наук, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России, Россия

Максимович Г., доктор филологических наук, профессор, декан философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Малай В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Маркович Д., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы философского факультета государственного Нишского университета, Республика Сербия

Микешина Л.А., доктор философских наук, профессор, Почетный профессор Московского педагогического государственного университета, Россия

Митрович Л., доктор наук, профессор-эмеритус, Центр Балканских исследований, государственный Нишский университет, Республика Сербия

Ойтинен Веса, доктор философии, профессор-исследователь, Хельсинкский университет – Александровский институт, Финляндская Республика

Окладникова Е.А., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия

Порус В.Н., доктор философских наук, профессор, руководитель Школы философии, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследования философии Центра фундаментальных исследований Национального Исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия

Романова А.П., доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета, Россия

Старостенко К.В., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, культурологии и политологии государственного университета – учебно-научно-производственного комплекса в г. Орле, Россия

Талига Х., кандидат философских наук, директор Taliga Consulting (Таллинн), эксперт Международной организации труда, Эстония

Хамидов А.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан

Харченко В.К., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой филологии историко-филологического факультета Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия

Чжу Цзяньган, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологического факультета Университета Сучжоу (провинция Цзянсу), Китайская Народная Республика

Чович Б., доктор филологических наук, академик, профессор Паневропейского университета, Республика Сербская Босния и Герцеговина

Щедрин Т.Г., доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, Россия

Юбара Анет, доктор философии, доцент Майнцского университета Иоганна Гуттенберга (земля Рейнланд-Пфальц), Федеративная Республика Германия

Nikolaj N. Veresov, Doctor of Philosophy, Ph.D. in Psychology, Professor, The Monash University, Australia

Lorenzo Vinciguerra, Professor of Philosophy and Aesthetics at the University of Picardie Jules Verne, Amiens, director of the Center for Research in Arts and Aesthetics – professeur de Philosophie et d'Esthétique à l'Université de Picardie Jules Verne d'Amiens, directeur du Centre de Recherches en Arts et Esthétique, France

Sunčica M. Denić (Mikhailović), Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Education, State University of Nis, Republic of Serbia

Irina I. Ivanova, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy of Science, the Kyrgyz-Russian Slavic University, Kyrgyz Republic

Ilya F. Isaev, Doctor of Education, Professor, Emeritus Professor of National Research University "Belgorod State University"

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Sociology and Political Sciences, Institute for Professional Development, Lomonosov Moscow State University

Eugene A. Kozhemyakin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Communication, Advertising and Public Relations, Faculty of Journalism, National Research University "Belgorod State University"

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism of the Faculty of Journalism, National Research University "Belgorod State University"

Svetlana V. Lapina, Doctor of Sociology, Head of the Department of Public Administration and Social Sphere and Belarusian Studies, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus

Vasily V. Lipich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Philology of Pedagogical Institute, National Research University "Belgorod State University"

Konstantin N. Lobanov, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Administrative Law, Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry, Russia

Goran Maksimović, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Vera V. Malaj, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of International Relations and Ukrainian studies, Institute of Cross-cultural Communications and International Relations, National Research University "Belgorod State University"

Dejan Marković, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, State University of Nis, Republic of Serbia

Lyudmila A. Mikheshina, Doctor of Philosophy, Professor, Emeritus Professor of Moscow State Pedagogical University

Ljubiša Mitrović, Doctor of Science, Emeritus Professor at the Center for Balkan Studies, State University of Nis, Republic of Serbia

Vesa Oittinen, Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Aleksanteri Institute), Finland

Elena A. Okladnikova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

Vladimir N. Porus, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the School of Philosophy, a leading researcher of the Laboratory of research of Philosophy, Center for Basic Research of the National Research University "Higher School of Economics", Russia

Anna P. Romanova, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Humanities Institute, Astrakhan State University

Konstantin V. Starostenko, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Cultural Studies and Political sciences at the State University – Educational, Research and Manufacturing Complex in Oryol

Harri Taliga, PhD in Philosophy, Director of Taliga Consulting (Tallinn), International Labour Management Expert, Estonia

Alexander A. Khamidov, Doctor of Philosophy, Professor, Senior Researcher, Institute of Philosophy, Political Science and Religious Science, Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Vera K. Kharchenko, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Philology of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University

Zhu Tszyanan, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the department of Philology at the University of Suzhou, The People's Republic of China, Jiangsu Province

Branimir Čović, Doctor of Philology, Member of the Academy of Sciences, Professor of Pan-European University, Republika Srpska Bosnia and Herzegovina

Tatiana G. Shchedrina, Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State Pedagogical University, Russia

Annett Jubara, Dr. Phil., Docent, The Johannes Gutenberg University of Mainz, Germany

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod State National Research University»

*Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year*

СОДЕРЖАНИЕ**CONTENTS*****СЕРБСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ:
XXI ВЕК И ТРАДИЦИЯ******SERBIAN IDENTITY:
THE XXI CENTURY AND TRADITION******ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК******SPECIAL ISSUE***

ИССЛЕДОВАНИЯ	RESEARCHES
Антанасиевич И. Адаптации русской классики в комиксах королевской Югославии 4	Antanasijevic I. Adaptation of Russian classics in comics of royal Yugoslavia 4
Атлагич С. Сербия в начале XXI века: Европейский путь коммерческого национализма как стратегия развития (перевод В.Н. Ряпухиной) 15	Atlgic S. Serbia at the beginning of the XXI century: European commercial way of nationalism as a development strategy (translated by V. Ryapukhina) 15
Братина В., Братина Б. Гипертрофированное Я: ego cogito à la serbe (перевод В.Н. Ряпухиной) 20	Bratina V., Bratina B. Hypertrophied ego: ego cogito à la serbe (translated by V. Ryapukhina) 20
Денич С. М. Поэтика страданий и бегства в новейшей сербской литературе Косово и Метохии 30	Denic S. The poetics of suffering and refuge in newer Serbian literature of Kosovo and Metohija 30
Миличевич Н. М., Миленович М. Б., Маркович Д. Война и психотравма: размышления о психиатрических потерях в войнах XX столетия 40	Milicevic N., Milenovic M., Marković D. War and mental trauma: reflections on psychiatric losses in wars of the twentieth century 40
Изотов М. З., Турысжанова Р. К. Философские проблемы социально-гуманитарного познания 46	Izotov M. Z., Turyszhanova R. K. Philosophical problems of social and human cognition 46
Савинов Д. Г., Окладникова Е. А. Археология и герменевтика (опыт совместного размышления) 53	Savinov D. G., Okladnikova E. A. Archaeology and hermeneutics (experience of joint reflections) 53
Венидиктов С. В. Евразийское информационное пространство: унификация или координация? 60	Venidziktau S. V. Eurasian information space: unification or coordination? 60
MISCELLANEOUS: ЭССЕ, ДИСКУССИИ, СООБЩЕНИЯ	MISCELLANEOUS: ESSAYS, DISCUSSIONS, MESSAGES
Копривица Ч. Д. Черногорцы (перевод В.Н. Ряпухиной) 66	Koprivitsa C. D. Who is Montenegrin? (translated by V. Ryapukhina) 66
Кущев Н. П. Практика и перспективы развития системы подготовки кадров для агротуризма 71	Kushchev N. P. Practice and prospects of developing the system of training specialists for agrotourism 71
Пучкова В. В. Определение правовой природы и роли юридической ответственности медицинских работников в правовой защите пациентов 77	Puchkova V. V. Identifying the legal nature and the role of legal responsibility of health care providers in patients' juridical protection 77
Сараева Л. П. Феномен музыкального фольклора (философско-культурологические аспекты) 83	Sarajeva L. P. Phenomenon of folk music (philosophical and cultural aspects) 83

СЕРБСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ: XXI ВЕК И ТРАДИЦИЯ
ТЕМАТИЧЕСКИЙ ВЫПУСК

SERBIAN IDENTITY: THE XXI CENTURY AND TRADITION
SPECIAL ISSUE

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

UDC 821.16:003.21

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-4-14

Антанасиевич И.

**АДАПТАЦИИ РУССКОЙ КЛАССИКИ
В КОМИКСАХ КОРОЛЕВСКОЙ ЮГОСЛАВИИ**

Антанасиевич Ирина, доктор филологических наук, профессор. Филологический факультет Белградского университета. Студенческая пл., д. 3, 11000, Белград, Сербия. E-mail: antiira@mail.ru

Аннотация

В статье излагаются результаты авторского исследования истории русского рисованного романа в 30-е годы в Югославии, а также разработки основных элементов поэтики комикса как сложного синтетического явления. Даются основные представления о природе и художественных приемах графической/рисованной литературы, а также краткий обзор истории русского комикса как формы национальной рисованной литературы в Королевстве Югославия. Показывается, как в процессе адаптации, которая берет за основу известный сюжет, переводит его в форму комикса и перерабатывает в согласии с требованиями нового жанра, удается сохранить идейно-философский смысл оригинального произведения и подчинить его законам динамики рисованной истории.

Ключевые слова: комикс; рисованный роман; русская литература за рубежом; традиция; семантика; визуализация; адаптация текста.

Antanasijevic I.

**ADAPTATION OF RUSSIAN CLASSICS IN COMICS
OF ROYAL YUGOSLAVIA**

Antanasijevic Irina, Doctor of Philology, Professor. Faculty of Philology, University of Belgrade 3 Studentski Trg, 11000, Belgrade, Republic of Serbia. E-mail: antiira@mail.ru

Abstract

The article presents the results of the author's study of the history of the painted Russian novel in the 30s in Yugoslavia, as well as the development of the basic elements of the poetics of comics as a complex synthetic phenomenon. The author provides a basic understanding of the nature and methods of graphic art/drawn literature, as well as a brief overview of the history of Russian comics as a form of national literature drawn in the Kingdom of Yugoslavia. The study shows how adaptation takes a well-known story as a basis, translates it into a form of comics and processes it in accordance with the requirements of the new genre, while maintaining the ideological and philosophical meaning of the original work, and subjects it to the laws of dynamics of drawn stories.

Keywords: comics; drawing novel; Russian literature abroad; tradition; semantics; visualization; adaptation of the text.

Русская эмиграция сделала много для Королевства Югославия: архитектура и мостостроительство, балет и опера, театральное искусство, лесоводческое дело и медицина, машиностроение и философия – всюду встречаются русские имена. А когда речь идет о развитии такого жанра как рисованная сюжетная

история, то русских имен там настолько много, что возникает искушение назвать югославский комикс периода до Второй мировой войны русским явлением.

В так называемый «белградский круг» художников, которые начали рисовать то, что в Югославии называлось стрип (так здесь

сократили американское *comics strip*, взяв из него вторую часть), включают следующие имена: Джордже Юрий Лобачев, Николай Навоев, Сергей Соловьев, Константин Кузнецов, Джордже Джука Янкович, Алексей Ранхнер, Иван Шеншин, Себастьян Лехнер, Мича Димитриевич¹.

Девять художников – шесть русских эмигрантов. Нужно отметить, что рисованные истории появились в королевстве Югославия одновременно с появлением подобной традиции в Европе: первый комикс-журнал вышел из печати во Франции 21 октября 1934 года (журнал «Le journal de Mickey», издатель Поль Винклер), и в тот же день в Югославии на страницах «Политики» вышел первый комикс под названием «Тайный агент Икс-9». Неделями раньше стартовал итальянский журнал подобного профиля «L'avventuroso» («Искатель приключений») флорентийского издателя Марио Нербини. Очевидно, королевская Югославия вполне уверенно чувствовала себя в рамках европейской традиции рисованного рассказа.

Русские художники довольно часто в качестве сценарной основы для своих комиксов выбирали тексты русской классической литературы, что сделало югославский комикс того времени явлением крайне неординарным, поскольку перенос текста в комикс как особую форму требует высокого мастерства и глубокого понимания сути эстетической природы комикса. Хотя мы и называем перенесение текста в новую для него графическую форму словом адаптация, но все же должны заметить, что термин *адаптация* не совсем отвечает тому процессу, которому подвергается художественный текст, когда его не просто переводят в новую форму, требующую нового «чтения» (визуализируют), но делают форму функционально иной, поликодовой. Эта «инаковость» текста и вызывает наибольшее число споров, причем не только когда речь идет о комиксах, а и тогда, когда мы говорим о других формах визуализации художественных текстов, например, об экранизации.

Сложность анализа механизмов подобных переводов заключается в том, что в науке пока еще не выработана система объективных критериев, которые позволяли бы охарактеризовать отношения художественного текста с его визуальной реализацией. Точно определиться мешает сама природа преобразований, обусловленная именно

функциональной спецификой той формы, в которую транспортируется текст (фильм ли это или комикс / графический роман). Так, специфика комикса / графического романа требует иной, чем экранизация, структуры организации повествования, которая при внешнем сходстве (фрагментарность) и функциональности (средство массовой коммуникации) всё же будет к тексту относиться иначе, адаптируя его в иную форму, имеющую свой механизм рецепции, отличающийся от того, который существует в кинематографии, поскольку кино обладает вербальной составляющей. Такая адаптация, подчиняясь законам комикса как «открытой семиотической системы, включающей в себя набор лингвистических знаков и элементов визуального ряда» [4], меняет не только коммуникативную направленность текста, но символы внутри текста.

Сложность анализа адаптаций художественных текстов, переведенных на язык комикса, а также несколько пренебрежительное отношение к самому процессу транспозиции, который стереотипно воспринимается как упрощение, связана с тем, что упускается самый важный момент, а именно – когда речь идет о комиксе / графическом романе, забывается то обстоятельство, что это креолизованный текст или же текст, имеющий собственную структурную организацию, где графика и текст взаимосвязаны и равноправны. Это уже не просто текст, сопровождающий картинку, а всё сигнификативное пространство новой формы представляет собой единое целое, что, кстати, является основным отличием комикса как «рассказа в картинках» от книжной иллюстрации как «картинки к рассказу».

Кроме того, комикс требует активного участия читателя, который должен быть не просто созерцателем или читателем, но созерцателем и читателем одновременно, причем читателем знающим, понимающим и воспринимающим те инновативные формы, которые являются обязательными для рисованной литературы: «Комикс намного ближе к литературе, чем к кинематографу и мультипликации, в связи с активной перцептивной деятельностью реципиента, который должен, читая присутствующие тексты и переходя взглядом от одного кадра к другому, суметь воссоздать в своем восприятии весь мир звуков и движений, производимых персонажами и предметами. <...> Таким образом, мы видим, что среди других экранных искусств, комикс требует большей активности реципиента, который для адекватного восприятия вербально-иконического

¹ В «белградский круг» по разным причинам не включают имена еще трех русских художников комиксов – Всеволода Гулевича, Владимира Жедринского и Николая Тищенко.

сообщения должен заняться сотворчеством, маркирующим коммуникативность комикса» [1].

Транспозиция художественного произведения в рисованный роман требует учитывать основные типологические характеристики последнего, которые, если отталкиваться от особенностей формы (фрагментарность и принцип монтажа), на уровне жанра дают форму достаточно синкретичную, соединяющую в себе высокие и низкие жанры, т.е. являют жанровую диффузию и в таком виде включаются в более широкий культурологический контекст. При этом обязательно при анализе адаптаций помнить, что все тело комикса представляет политекстуальное образование, насыщенное не только внутритекстовыми аллюзиями, но и графическими и культурологическим реминисценциями.

Даже краткое перечисление адаптаций художественной классики в югославской рисованной литературе вызывает восхищение, и каждый такой комикс требует отдельного анализа, поскольку представляет собой поликодовый текст, опирающийся на литературный оригинал, но зависящий от него лишь отчасти.

Так Юрий Лобачев, зачинатель авторского графического романа² (первый югославский авторский рисованный роман был напечатан в 1935 году и назывался «Кровавое наследство»; сюжет для него написал Вадим Павлович Курганский – друг и кум Лобачева, который подписывался *В. Чилич*, и роман в анонсе именовался: «Современный детективно-авантюрный роман из нашей жизни»), был автором романа «Дубровский», который печатался в 1937 году в журнале «Мика-Миш». В данном случае речь идет об адаптации, которая берет за основу известный сюжет, переводит его в форму комикса и перерабатывает в согласии с требованиями нового жанра. Поэтому история подается как серия эпизодов-действий, а повествовательность, присущая повести Пушкина, смещается во вставки, которые или находятся в титульном кадре, или представляют собой вставки-пробелы между кадрами³.

Дубровский в интерпретации Лобачева – человек, восстанавливающий справедливость. Он не просто мститель, а именно благородный разбойник, гайдук: комикс Лобачева в подзаголовке называется историей об

аристократе-гайдуке. Именуя Дубровского аристократом-гайдуком, Лобачев не просто делает Дубровского мстителем-одиночкой, но вводит в роман явление гайдучества как понятного балканскому читателю феномена. История долга, рассказанная Пушкиным, заменяется историей о человеке, который, отстаивая справедливость, решает и свои личные дела. Впрочем, пушкинская история в новой художественной форме и с новым окончанием является увлекательным чтением и не вызывает отторжения, выступая в качестве новой художественной формы, где переосмысливается или обыгрывается на уровне другого жанра известная тема, сюжет и герои.

Обращался к русской классике Николай Навоев – молодой, рано умерший (в возрасте двадцати семи лет от туберкулеза) талантливый художник. В наше время, когда исследования о природе визуального в искусстве актуальны, анализ адаптации его романа «Тарас Бульба» (а он дважды предпринял попытку визуализировать роман) представляется нам интересным, поскольку художнику удалось показать психологическую драму одинокого отца, пережившего свою трагедию – измену одного сына и гибель другого.

Рис. 1. Страница комикса «Тарас Бульба»
Fig. 1. Page of comic book «Taras Bulba»

² Слово «стрип» в сербский язык ввел также Лобачев совместно с Дудой Тимотиевичем, редактором газеты «Политика», где печатался роман.

³ Кстати сказать, текст в кадры в этом и многих других рисованных романах того времени вписывал шурин Лобачева Валериан, брат его жены Лизы, сын генерала К.В. Апухтина, в то время выпускник кадетского корпуса.

Навоев, не теряя необходимую для комикса динамику, создает верные психологические портреты героев. Рыцарство, фанатичное служение идее, это не только индивидуальная характеристика Андрия, а в интерпретации Навоева – специфичная особенность всех героев романа. Фанатично предан своей идее Тарас, и месть его – не личной природы. Тарас не просто должен наказать одного сына и спасти другого, но в этом его долг, это его вклад в то дело, которому он служит. О том, что это его личное последовательное служение, свидетельствуют моменты, которые в рисованной версии романа становятся ключевыми – одиночество, почти дон-кихотовское, Тараса, которого в его походе против поляков поддерживает лишь малое количество верных людей, и полное одиночество, когда единственными его друзьями и помощниками остаются презираемые им евреи.

Графически роман представляет собой единый композиционно цельный и сильный текст, где каждый лист имеет собственное ядро – семантический и изобразительный центр, от которого отталкивается автор, развивая историю. Сочетая статичные крупные планы с динамикой остальных кадров, которые иногда даются как одно действие, показанное с разных точек / позиций наблюдателя, Навоеву удалось сделать одновременно и очень динамичный, и очень философский роман, и мы можем констатировать, что перевод известного гоголевского сюжета в рамки новой формы дал интересные результаты, которые не являют собой упрощенный, облегченный его вариант, а скорее заставляют по-новому посмотреть на известное произведение.

Также творчество Навоева интересно тем, что он первый из художников-эмигрантов обращается к адаптации произведений советской литературы. Комикс «Великий комбинатор Бендер» по роману Ильфа и Петрова «Золотой теленок» нарисован в 1935 году для журнала «Стрип». Комикс принадлежит совсем раннему периоду творчества Навоева: он еще совсем «сырой», еще не выработан узнаваемый авторский стиль, плох и не до конца последовательно сделан сценарий, который Навоев писал лично, но для нас он представляет особый интерес – это первый комикс по произведениям Ильфа и Петрова, причем комикс, появившийся в эмиграции всего через четыре года после публикации романа в СССР, где он сначала печатался с продолжениями в

журнале «30 дней» за 1931 год⁴, а отдельной книгой впервые был опубликован в 1933 году в издательстве «Федерация». Мы можем предположить, что Навоев его читал в парижском русском эмигрантском журнале «Сатирикон», который с мая 1931 года перепечатывал роман из советского журнала. Впрочем, хотя история о похождениях Великого комбинатора, по всей видимости, лично очень нравилась молодому художнику, но справиться с ней он не смог и потому постарался выдержать только одну сюжетную линию – историю с автопробегом. Но и с ней совладать Навоеву не удалось, поэтому художник принимает решение закончить неудавшуюся попытку.

Как мы уже сказали, адаптаций советской литературы в творчестве художников-эмигрантов немало. И один из самых интересных эмигрантских комикс-романов – роман «Казачи» Сергея Соловьева, который представляет собой адаптацию 1938 года романа «Тихий Дон» Шолохова. И этот небольшой по объему роман – культурологическое явление по ряду факторов: это первая графическая адаптация совсем недавно написанного романа⁵ (напомню, что роман «Тихий Дон» опубликован в 1935 году). Это графическая адаптация художником-эмигрантом произведения советского писателя, которое касается очень большой темы – темы Гражданской войны. Этот рисованный роман выходит в Югославии – центре русской казачьей эмиграции, и именно Югославия приняла самое большое количество казачьих соединений из Галлиполи (прежде всего кубанцев, а затем и казаков Дона). Здесь создавались даже целые казачьи поселения-хутора, и многие казаки мечтали о создании территории Свободная Казачья в рамках государства Югославия⁶. Даже одного из перечисленных моментов достаточно, чтобы этот рисованный роман стал событием, а по совокупности мы должны признать, что появление этого романа – чрезвычайно интересное явление, требующее отдельного анализа как механизмов его появления, так и самого романа.

Комикс представляет собой своеобразный пастиш, где частично сохранен и авторский

⁴ В номерах 1-7, 9-12.

⁵ За исключением четвертого тома, который написан Шолоховым позже и напечатан в 1940 г.

⁶ См. подробнее: Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940. М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2005.

шолоховский стиль, и время действия, и персонажи. Повторяя некоторые сюжетные ходы оригинала, Соловьев всё же в комиксе дает собственную версию исторических событий: он не просто меняет сюжет, а меняет его в соответствии с тем идеологическим вектором, который ему близок и, таким образом, его комикс имеет собственную художественную независимость. Все военные сцены Соловьевым показаны гиперреалистично: война показана мазками яркими, жесткими, сильными. И сражения, и плен нарисованы человеком, видевшим и знающим это войну. Кадры эти являются единственным русским комиксом о великой войне, что увеличивает ценность самого комикса.

Рис. 2. Титульный лист комикса «Козаки»
Fig. 2. The title page of the comic book «The Cossacks»

Соловьев создал удивительный комикс-роман, чей сюжет, хоть и в некоторой мере основан на сюжете «Тихого Дона» и повторяет роман Шолохова (в комиксе присутствует прием романа-эпопеи, когда жизнь и судьбы героев изображаются на фоне крупных исторических событий), но тем не менее являет собой не

просто рисованную адаптированную версию романа. Кроме всего прочего, комикс Сергея Соловьева – это еще и великолепный пример того, как интегрируются сюжеты одной сферы искусства в другую, как включаются в вымышленный мир реальные исторические события, как формируется пространство так называемых «фикциональных»/«вымышленных» миров⁷, и с опорой на чужой фикциональный мир создается новый, авторский.

К советской тематике обращался и Иван Шеншин – автор комикса «Волшебник Хоттабыч» (Чаробњак Хоттабић) по роману Лазаря Лагина «Старик Хоттабыч». Этот комикс Шеншин начинает рисовать в конце 1940 года. Принимая во внимание тот факт, что «Старик Хоттабыч» Лагина печатался по частям в 1938 году в газете «Пионерская правда», потом в 1939-ом в журнале «Пионер», а отдельное книжное ее издание увидело свет лишь в 1940 году, сам факт такой быстрой адаптации на язык новой формы советской детской повести-сказки впечатляет. Тем более что в Югославии книга Лагина переведена не была.

Каким образом повесть попала к Шеншину, мы ныне не знаем, но знаем, что происхождения советского пионера Вольки Костылькова и древнего арабского джинна Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба оказались настолько интересными, что он без размышления начал создавать рисованную версию их приключений. Правда, все моменты идеологической природы, встречающиеся в повести (кстати сказать, их в версии 1938 года было не так много⁸, особенно если сравнить с редакцией 1955 года), Шеншин нивелировал, поэтому советский пионер Волька стал русским гимназистом, а комикс Шеншина так и назывался – «Волшебник Хоттабыч: приключения одного гимназиста». Шеншин переносит время действия в период до революции, что окрашивает весь комикс, озорной и авантюрный, в дополнительный оттенок мягкой ностальгии.

Особый интерес для исследователя представляют и комиксы Константина Кузнецова в тандеме с переводчиком Павлом

⁷ В данном случае термин «фикциональный» используется в значении, которое возникло с развитием концепции перформативных высказываний Д. Остина и Д. Сёрля.

⁸ Хотя существует легенда о том, что Сталин лично правил рукопись Лагина.

Поляковым. Совместно они создали дилогию по сказкам Пушкина «Сказка о царе Салтане» (Байка о цару Салтану) и «Сказка о Золотом петушке» (Скаска о златном петлићу), а также комикс по сказке П. Ершова «Конек-горбунок» (Коњиц-вилењак).

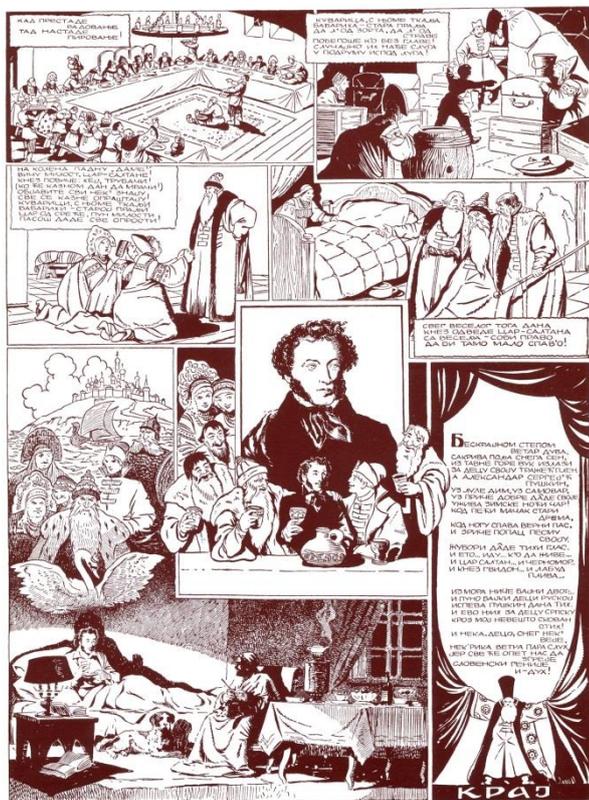

Рис. 3. Заключительная страница комикса «Сказка о царе Салтане»

Fig. 3. The final page of the comic book «The Tale of Tsar Saltan»

Эта графическая трилогия Полякова и Кузнецова создала новый русский сказочный мир, где гений Пушкина и Ершова визуально поддержали талантливые рисунки Кузнецова, а текст переведен Поляковым с большим вкусом и тонким пониманием культурологических нюансов. Перевод Полякова очаровывает не только удачным выбором лексики, которая передает легкость пушкинского стиха, но и той ритмической выдержанностью, той музыкальной гармонией, которая так была присуща Пушкину и которая делает таким сложным искусство переводов его произведений. Перевод Полякова – редкий образец удачного соединения стиля, музыки и смысла, которое отличает оригинал. А с учетом того, что это всё представляет собой адаптацию текста, которая вместе с изображением создает новый жанр комикса, мы

получаем гениальное творение, читать и рассматривать которое – наслаждение.

Еще один графический роман Константина Кузнецова на основе русской классики – «Пиковая дама» – интересен особенно тем, что обладает собственным механизмом адаптации литературного оригинала, что делает его незаурядным явлением, когда речь идет об адаптированной графической истории. Сама сюжетная линия, хоть и часто довольно точно цитирует текст, все же отличается от истории, рассказанной Пушкиным, поскольку ее начало является своеобразным приквелом к пушкинскому произведению.

Кузнецовская история о трех картах и несчастном Германне начинается с истории о том, как бабушка Томского пристрастилась к картам, и виноват в этом оказался... влюбленный в нее герцог Ришелье⁹. По крайней мере, эта вина приписывается в графической истории Кузнецова именно ему. Поэтому история начинается не привычным пушкинским «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова», а вполне в стиле романа Александра Дюма: «В 1775 году Париж был самым роскошным городом мира...».

Предыстория молодой красавицы описывается довольно подробно и занимает в общем объеме графического романа Кузнецова приблизительно солидных сорок процентов, что делает историю вполне оригинальным произведением. Сама же графиня показана орудием мести, она тоже не властна над высшими силами, которые сначала заставили графиню сообщить Германну тайну трех карт, а потом его наказали, заманив в ловушку, поскольку Германн нарушает не только законы, принятые в человеческом обществе, но и вторгается в иные сферы, нарушает иные законы – и ни о какой пощаде не может быть и речи. Подводя итог, мы можем сказать, что рисованная история Кузнецова – не просто сюжетная адаптация повести Пушкина, а авторская интерпретация пушкинского текста, рассказанная языком новой формы.

⁹ Судя по описываемому периоду, это не тот знаменитый герцог, герой «Трех мушкетеров» Дюма, а скорее всего, третий герцог Ришелье, а именно Луи Франсуа Арман де Виньберо дю Плесси, также герой романов Александра Дюма «Шевалье д'Арманталь», «Дочь регента», «Жозеф Бальзамо» и «Ожерелье королевы».

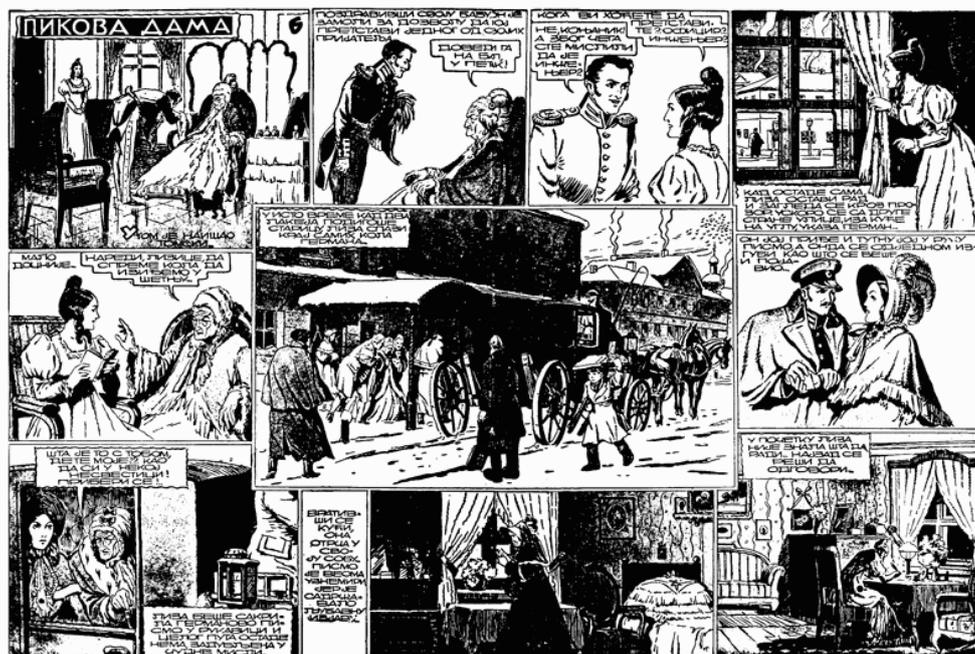

Рис. 4. Страница комикса «Пиковая дама»
Fig. 4. Page of comic book «Queen of Spades»

Несколько иной механизм адаптации Кузнецов использует в комиксе «Хаджи-Мурат», который появился на свет в 1937 году. Сама сюжетная линия, хоть и опирается на текст Толстого, с повестью Хаджи-Мурат имеет мало общего и создана как авторская история о присоединении Кавказа¹. Для романтизации образа Хаджи-Мурата Кузнецов включает неожиданный персонаж – дочь Шамиля Дину (аллюзия на девочку – героиню «Кавказского пленника»), которая видит героя Кавказа не в лице отца, а в Хаджи-Мурате. Совмещая два кавказских текста Толстого, Кузнецов создает оригинальный авторский комикс, и хоть кузнецовская интерпретация сюжета, конечно, далека от текстов Толстого, но некоторым образом художнику удалось передать основной посыл текста, рассказать историю человека – не сдающегося репейника на вспаханном поле.

Обращается Кузнецов в своем творчестве и к текстам Гоголя. В 1938 году он создает комикс «Ночь перед Рождеством». Кузнецов и в этом комиксе продолжает эксперименты по соединению текста и изображения, но сценарно комикс представляет детальный пересказ рассказа Гоголя и отличается от него разве что тем, что из рассказа исчезает довольно выигрышный для комикса персонаж – Пацюк. Вообще, в этом

комиксе текст Гоголя наименее подвержен изменениям: Кузнецов старательно переносит дух и букву гоголевского текста, позволяя себе вольности разве что в сценах с Солохой. Сама же повесть сознательно рассказывается Кузнецовым как сугубо рождественская история: с таинственными мистическими событиями и счастливым концом. В ней есть и обязательная для рождественской истории дидактичность, и обязательный счастливый конец.

Для Кузнецова важно, что история входит в сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки»: он пытается сохранить присущую сборнику повествовательность, старательно создавая не просто условное село, а именно украинское село, тщательно выписывая детали. Комикс читается скорее как этнографический очерк, и даже в выигрышных для комикса сценах с чертом Кузнецов не отходит от выбранной им позиции. Черт, ведьма и остальная мистика комикса лишь подчеркивает, что речь идет о доброй рождественской сказке, рассказанной с добродушным юмором. Кузнецов поэтизирует сельскую жизнь, перемежая панорамные картины, идеализирующие простой быт, с картинами веселой рождественской суматохи. Тонкий юмор сюжета строится так, что становится вполне понятен балканскому читателю.

Впрочем, нужно отметить, что комикс как сложная структура различных по своему происхождению и иерархической сложности

¹ Тема весьма популярная в то время: например, еще один графический роман на эту тему «Газават» нарисовал Иван Шеншин.

элементов, всегда создает тексты универсальной природы, а отдельные элементы комикса (вербальные и визуальные), призванные подчеркнуть его национальный характер, по сути являются элементами внешними, декоративными, и не способны изменить правила, по которым создается комикс.

Может быть, одной из самых интересных особенностей графического романа в Югославии в период между двумя войнами была его изумительная способность верно адаптировать и переносить в систему визуальной подачи довольно сложные произведения русской классической литературы. И особая заслуга в этом принадлежит, прежде всего, художнику Алексею Ранхнеру, который является создателем эпических по стилю и идее графических романов, основой которых была русская классика: «Ревизор», «Воскресенье», «Капитанская дочка» и т.д. Как мы видим, тематика выбрана совсем серьезная, и таким же серьезным было и воплощение, которое сложно назвать адаптацией классики для детей. Это новый подход к классической русской литературе, новый взгляд на нее.

Прекрасный рассказчик, создающий свой текст, Ранхнер использует своеобразную сценарную технику, вводит инновативные элементы, меняя произведение так, что оно не теряет авторский стиль, но органично становится новой формой, становится рисованной историей. Такой процесс перевода в область другой коммуникативной системы требует от автора не только чуткого понимания текста художественного произведения, но и умения подогнать его под природу другой художественной формы, которая опирается на несколько иные авторские и читательские стратегии. Ранхнеру, выбирающему для своих романов серьезные классические произведения, удается сохранить тот идейно-философский смысл, который в них вложил писатель, и подчинить его законам динамики рисованной истории.

Исследование романов Ранхнера дает не только материал для изучения подобных процессов, но и предоставляет возможность анализировать процессы чтения и восприятия рисованного романа как единства визуального текста. Необходимо отметить, что произведения Ранхнера учитывают все особенности рисованной истории, которая является другой коммуникационной системой и требует

принципиально иного, нежели «традиционный» текст, подхода. Поэтому многие произведения Ранхнера – не просто визуализация текстов, а их переработка, причем изменение у Ранхнера часто не сюжетное², а скорее представляющее новое авторское чтение произведения.

В романе «Воскресенье» Ранхнер делает центральной предысторию падения Катюши Масловой, которая в оригинале занимает небольшой по отношению к остальному тексту объем. Отправной сюжетобразующей точкой он делает сцену пасхального поцелуя, которая детально описана в романе. Опираясь на символику данной сцены, Ранхнер включает в свой роман еще две подобные сцены, т.е. усиливает символику первой сцены и доводит число сцен до классического числа три, выстраивая их в нечто, имеющее подобие кумулятивной цепочки: поцелуй пасхальный, описанный Толстым, поцелуй в церкви, где Дмитрий видит Катюшу после своего приезда к тетюшкам – сцена, введенная Ранхнером, – и поцелуй с нищим, должный подчеркнуть чистоту души Катюши. Конечно, Ранхнер упрощает сюжетную линию романа, сводя ее к истории Нехлюдова и Масловой, которую выстраивает как сугубо любовную историю, что подчеркивается и способом изображения.

Графическая версия драмы «Ревизор» Гоголя в серии романов Ранхнера по мотивам классической литературы также обращает на себя внимание своеобразным подходом к оригинальному тексту, что, в свою очередь, обогащает адаптацию еще и возможностями нового чтения известного произведения. Ранхнер интерпретирует Городничего в гоголевском ключе: «очень неглупый по-своему человек». И добивается того, что карикатурно-узнаваемый самодур вдруг начинает приобретать более человеческие черты: он растерян, обескуражен, сбит с толку. Над ним можно посмеяться, но ему можно и посочувствовать. Также в графическом романе Ранхнера смещены акценты в отношениях Осипа и Хлестакова, причем фигура Осипа

² За исключением романа «Дочь почтальона», который лишь именами героев и классическим пушкинским началом напоминает об оригинале – рассказе «Станционный смотритель», а на самом деле представляет собой совершенно новое произведение, своеобразный кроссовер, где встречаются сцены и мотивы из многих произведений русских классиков: из «Что делать?» Чернышевского, из «Анны Карениной» Толстого, из «Идиота» Достоевского и пр.

выходит на первый план. Такой подход делает образ Осипа более «хлестаковским», т.е. более самоуверенным и развязным. А образ Хлестакова, хоть и представлен в анонсе в привычном «хлестаковском» стиле, отличается от иллюстраций как Кардовского, так и Боклевского. У Кардовского он хвастлив и труслив, а у Боклевского – воинственен и нагловат, пройдоха. У Алексея Ранхнера Хлестаков предстает перед нами в том виде, в котором его описал Гоголь: «приглуповат и, как говорят, без царя в голове». Такая трактовка образа делает характер Хлестакова более мягким, создает из него типичного «маленького человека», петербургского чиновника. Как мы видим, хотя в версии Ранхнера нет сюжетных изменений, но интерпретация персонажей отличается от стереотипной, предлагая читателю новое прочтение давно известного произведения.

позволяло ему создавать не просто шедевры комикса как жанра, но и давать новую оригинальную интерпретацию известных произведений. Подобное чуткое чтение текста, которое по сути является творческим диалогом автора с текстом литературным, мы видим в комиксе «Капитанская дочка». Это юбилейное издание 1937 года сознательно выстраивается автором так, чтобы подчеркнуть, с одной стороны, величие пушкинского текста, а с другой, показать его потенциальные возможности, раскрыть их, используя иную художественную форму. Создавая свой комикс в неразрывной связи с оригиналом, Ранхнер все произведение оформил как цитату, но цитату переосмысленную. Часть приключений Гринева отстывает от известного нам пушкинского текста и является переработкой пушкинской же главы, известной в пушкинистике под названием «Пропущенная глава», которая сохранилась в черновой рукописи³. Филологическая серьезность Ранхнера, тщательность анализа текста при составлении сценария – все это подтверждается и комиксом «Капитанская дочка». Пушкин, рассказывая историю Гринева, особенно его «пугачевские» симпатии, в какой-то момент самостоятельно отказался от такого развития сюжета. Некоторые исследователи считают, что он это сделал, опасаясь того, что роман утратит историческое правдоподобие [см.: 3, с. 202-204]. Но есть и иное мнение, связанное с эволюцией взглядов Пушкина: «Сильное правовое начало сопровождает работу над ранними редакциями романа, думается, потому, что оно в сознании Пушкина лучше соответствует историческим реальностям XVIII столетия... Выходом из этой реальности служит утопия – «герой сердца», действующий в другом, негосударственном измерении, добивающийся справедливости не на основе закона, а скорее вопреки ему. Таков Пугачев, нарушающий установления своего мужицкого государства; такова сильно идеализированная Екатерина II, пренебрегающая имперским законом ради влюбленных. «Героям сердца» на тронах соответствуют «герои сердца» в быту – Петр Гринев, Маша Миронова. Пушкин в «Капитанской дочке» готов кое-где поступиться узко понимаемым историческим правдоподобием, но зато вносит в роман опыт своего времени...» [2]. Таким образом, прочтение Ранхнера возвращает нас к первоначальной идее Пушкина, а сильное правовое начало, упоминаемое в исследовании В. Листова,

Рис.5. Страница комикса «Ревизор»

Fig. 5. Page of comic strip «The Government Inspector»

Ранхнер, возможно, единственный из всех художников и сценаристов комикса, обладал великолепным филологическим чутьем, которое

³ В тексте этой главы Гринев именуется Буланиным, а Зурин – Гриневым.

прочитывается во введенном автором понятии справедливости: Маша не самостоятельно, а с благословения отца и матери Гринева едет к императрице, надеясь на справедливость, а не на случай. Как мы видим, и в этом произведении Ранхнер чутко и внимательно интерпретирует текст, ясно понимает сложное взаимодействие формы и содержания и подчиняет ему и внутреннюю сторону художественного конфликта, и логику действия, перенося все это в новую визуальную форму.

Известный художник, сценограф и театральный деятель Владимир Жедринский не входит в так называемый «белградский круг художников», он к комиксу как творческой форме обратился лишь дважды, но его стиль рисунка и способ повествования были настолько сочными, оригинальными и мощными, что обойти его стороной в рассказе об истории русского югославского комикса просто невозможно.

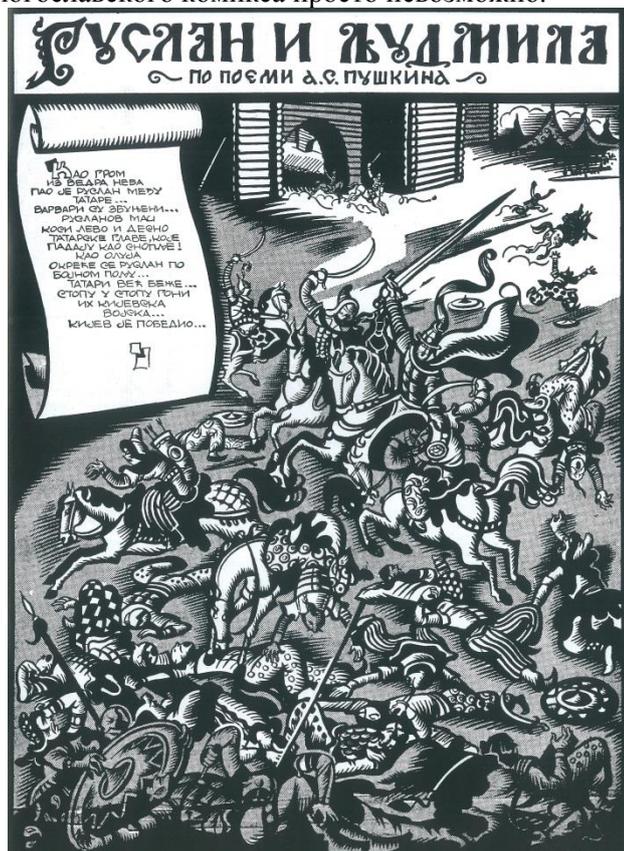

Рис. 6. Страница комикса «Руслан и Людмила»
Fig. 6. Page from comic strip «Ruslan and Lyudmila»

Комикс «Руслан и Людмила» Владимира Жедринского отличаются оригинальная композиция, совершенно не отвечающая правилам листа комикса, своеобразная адаптация Пушкинского текста, непривычная для того времени и используемого жанра цветовая гамма – резкая монохромность: все делает этот роман непохожим

на остальные. Свою рисованную историю он выстраивает на самом элементарном и самом сильном контрасте черного и белого цветов. И это дает неожиданные результаты: прежде всего, рассказ приобретает добавочную определенную символичность, чего, собственно, и добивался Жедринский, превосходно понимая, что столкновение базовых цветов дает возможность внести в текст дополнительное мировоззренческое содержание. Умело используя контраст, Жедринский создает лаконичный и цельный роман, где черное и белое совместно выстраивают образ. Это и похоже и не похоже на популярную в России гратто-графию, которую активно с начала 1920-х использовал М.В. Добужинский, создавая свои фантастические, гиперэкспрессивные произведения. Похожесть заключается в подчеркнутом ахроматизме, а различие в том, что Жедринскому удалось создать не серию закрытых лаконичных плоскостных изображений (к чему тяготеют произведения, сделанные в подобной технике), а, используя лишь черный и белый цвета, передать и динамику, и пространство, и объем, а также придать тексту более глубокий идейный смысл.

Рисованный роман «Руслан и Людмила» Жедринского – это одиночный эксперимент. Эксперимент свежий и дерзкий. Это явление вне рамок тогдашнего комикса. Эксперимент, который удивляет своим новаторством нас нынешних, и эксперимент, который изумил читателей тридцатых годов, не привыкших к такой форме изложения. Изумил и ...оставил в некотором недоумении. Роман восприняли несколько настороженно, а Жедринский, не получив поддержки, охладил к комиксу как форме художественного выражения.

Рассматривая историю появления комикса в королевстве Югославия, пытаюсь выделить, описать и систематизировать основные специфические черты, а также перечислить темы, механизм и способы сюжетной переработки известных литературных текстов, которые «переводились» на другой художественный язык, переходили в сферу иной художественной формы, мы можем заметить, что механизмы адаптации текстов, ставших основой для комикса, универсальны и близки многим механизмам, созидающим новые художественные формы с опорой на исходную форму другого искусства: экранизации, новеллизации и пр. Терри Гройнштен именно поэтому в свое время предлагал отказаться от определения комикса как объекта, а рассматривал комикс как «систему, которая станет концептуальной рамкой для любых определений “девятого искусства”, которые найдут свое место в этом

исследовательском поле и будут входить в отношение друг с другом» [5]. Монтажность комикса, фрагментарность как базовая философская основа явления также имеет универсальный характер: в «Диалектике просвещения» Т. Адорно и М. Хоркхаймера отмечается, что важнейшей характеристикой индустрии культуры является ее «монтажный характер». Данное свойство как нельзя лучше характеризует двойственную сущность комикса, который сочетает в себе черты текста и семиотической системы. Причем комиксу присуще постоянное расширение возможностей семиотической системы: он активно включает новые знаки в систему и активно использует знаки комиксовой семиотики вне границ текста комикса, активно использует новые темы и активно употребляет, подчиняет потребностям комикса художественные приемы других видов искусства, поэтому изучать комикс необходимо только как открытую систему, которая позволит проанализировать не только функционирование системы комикса, но и сам феномен комикса и феномен художественных приемов, им используемых, в контексте развития культуры как части общества и развития культуры как индустрии.

Литература

1. Козлов, Е.В. Коммуникативность комикса в текстуальном и семиотическом аспектах. Дис. ... канд. филологических наук. Волгоград, 1999. 235 с.

2. Листов, В.С. «Пропущенная глава» «Капитанской дочки» в контексте двух редакций романа // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Т. 14. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. С. 246-252.

3. Макогоненко, Г.П. Исторический роман о народной войне // Пушкин А. С. Капитанская дочка. Л.: Наука, 1984. С. 200-232.

4. Полякова, К.В. Становление семиотической системы американского комикса и японского манга. Дис. ... канд. филологических наук. СПб., 2004. 203 с.

5. Groensteen, T. Why Are Comics Still in Search of Cultural Legitimization? // J. Heer & K. Worcester (Eds.), *A Comics Studies Reader*. University Press of Mississippi, 2009. Pp. 3-11.

References

1. Kozlov, E. V. *Comics Communicativity in the Textile and Semiotic Aspects*. Dis. ... Cand. Philology. Volgograd, 1999. 235 p.

2. Listov, V. S. «A Missed Chapter» of «The Captain's Daughter» in the Context of the Two Editions of the Novel. *Pushkin: Research and Materials*. Vol. 14. Leningrad: Nauka, 1991. Pp. 246-252.

3. Makogonenko, G. P. The Historical Novel about People's War. *Pushkin A. S. The Captain's Daughter*. Leningrad: Nauka, 1984. Pp. 200-232.

4. Polyakova, K. V. *The Formation of Semiotic System of American Comics and Japanese Manga*. Dis. ... Cand. Philology. St. Petersburg, 2004. 203 p.

5. Groensteen, T. Why Are Comics Still in Search of Cultural Legitimization? J. Heer & K. Worcester (Eds.). *A Comics Studies Reader*. University Press of Mississippi, 2009. Pp. 3-11.

УДК 32.019.51:341.231

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-15-19

Атлагич С.

перевод Ряпухиной В. Н.

СЕРБИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ЕВРОПЕЙСКИЙ ПУТЬ

КОММЕРЧЕСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА КАК СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

Атлагич Синиша М., доктор политических наук, доцент. Белградский государственный университет
ул. Йове Илича, д. 165, Белград, 11000, Республика Сербия. E-mail: sinisa.atlagic@fpn.bg.ac.rs

Ряпухина Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, доцент. Белгородский государственный
технологический университет им. В.Г. Шухова, ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 308012, Россия
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. E-mail: viktorer_r@mail.ru

Аннотация: В своей работе автор рассматривает ценностную сферу, в которой движущие силы системы *Pax Americana* используют *nation branding* для реализации своих интересов. На примерах того, какие темы политические субъекты поднимали в рамках предвыборных кампаний в Сербии, показана ценностная переориентация, которая наблюдалась в этой стране на рубеже веков и которая является базовым условием «национального брендинга».

Ключевые слова: общественное мнение; «национальное брендинг»; внешняя политика; *Pax Americana*; национальная идентичность.

Sinisa Atlagic;

translated by

Viktorina N. Ryapukhina

**SERBIA AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: EUROPEAN
COMMERCIAL WAY OF NATIONALISM AS A DEVELOPMENT
STRATEGY**

Atlagic Sinisa M., Doctor of Political Science, Associate Professor. Belgrade State University
165 Jove Ilića St., Belgrade, 11000, Serbia. E-mail: sinisa.atlagic@fpn.bg.ac.rs

Ryapukhina Viktorina N., PhD in Economics, Associate Professor. Belgorod State Technological University named after
V.G. Shukhov. 46 Kostyukova St., Belgorod, 308012, Russia. Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: viktorer_r@mail.ru

Abstract

The author considers the value frame within which the actors of the *Pax Americana* system utilize nation branding in order to pursue their interests. Taking the issues that political actors used to run in Serbian election campaigns as an example, the author depicts the process of value reorientation as a precondition of "national branding" of this country at the turn of the centuries.

Keywords: public opinion; "national branding"; foreign policy; *Pax Americana*; national identity.

Как и в конце прошлого века, сегодня в Сербии нет единого общественного мнения по поводу базовых аспектов ее развития. Одним из таких аспектов является внешняя политика. Проблема позиционирования страны на политической арене в динамичных условиях глобальной экономики является предметом жаростных дискуссий, как среди широкой общественности, так и в профессиональной среде. Политические силы, пришедшие к власти в Сербии после 2000 года, реализацию национальных интересов видят в современной экономически сильной Сербии в рамках Европейского союза. Противники данного направления внешней политики видят альтернативу в экономической и политической ориентации на Россию. И хотя представители

последнего подхода в настоящее время не занимают мест в сербском парламенте, реакция на такие важные события на международной арене, как украинский кризис и европейский миграционный кризис, или отношение к вопросу партнерства Сербии и НАТО, показывают, что поддержка этих взглядов в народе велика. На это указывают и результаты исследований общественного мнения, в соответствии с которыми популярность России в Сербии значительно выше популярности ЕС.

Однако позитивный в целом имидж России в Сербии не является достаточным условием для политического и экономического «разворота» сербского сообщества и отдельных индивидов. Граждане Сербии тяготеют к западному, европейскому уровню жизни, а в системе их

представлений о России не фигурирует экономически сильный индивид, образ жизни которого мог бы быть целью [1, с. 116-117]. Этому также способствовала пропаганда политическими субъектами мировоззрения, в основе которого – «свободный» и финансово обеспеченный индивид. Речь идет, прежде всего, об идее сделать страну привлекательной для инвесторов, банкиров, туристов, студентов и т.п. и такими образом обеспечить ее экономическое процветание и политическую стабильность. Другими словами, речь идет о том, чтобы сделать страну узнаваемой; при этом демонстрацию качеств, отличных от качеств конкурентов, в современных политических коммуникациях принято называть «национальным брендингом» (*nation branding*).

Во избежание ошибки отождествления со сферой, известной прежде как пропаганда на зарубежные страны, что сегодня на Западе ассоциируется с закрытым, антидемократическим, тоталитарным обществом, теоретики так называемой «мягкой силы» отрицают эксклюзивную роль власти в деятельности по *национальному брендингу* и делают акцент на участии граждан, то есть частного бизнеса, в деле продвижения имиджа страны за рубежом¹. Роль частного бизнеса сводится здесь к выходу на международный рынок, условия деятельности которого диктуют существующие глобальные экономические бренды, т.е. крупные компании и финансовые организации, штаб-квартиры которых чаще всего находятся в США. Таким образом частный бизнес косвенно продвигает национальный имидж страны, в то же время и национальное правительство стремится «продать» положительную репутацию этим глобальным экономическим и финансовым «игрокам». И те, и другие действуют в рамках международных рынков, которые функционируют в соответствии с правилами системы, о которой Эрик Лоу пишет как о *Pax Americana* [4].

Построенная таким образом политическая концепция в случае Сербии и других территориально малых стран без военной мощи и серьезного политического влияния могла бы быть приемлемой, если бы она не имела серьезных последствий для их национальной и

государственной индивидуальности. Нельзя забывать о том, что за продвижением *nation branding* как альтернативы политической пропаганде кроется угроза национальной идентичности. Подтверждение этому мы находим и у современного гуру *nation branding* Саймона Анхолта, который говорит, что «If the world's governments placed even half the value that most wise corporations have earned to place on their good names, the world would be a safer and quieter place than it is today» [2]. Это особенно ярко выражено в случае таких стран, как Сербия, где еще свежа память о недавних войнах. В подобных случаях промоутеры *nation branding* позиционируют его как альтернативу политической пропаганде. З. Волчич (Zala Volcic) и М. Андреевич (M. Andrejevic) говорят об ожиданиях Ван Хама (van Hum, P.) касательно того, что «экономическая конкуренция могла бы заменить политическую пропаганду» [8, р. 606]. Они ссылаются на С. Анхолта, который идет в своих рассуждениях еще дальше и указывает на преимущество упомянутого «пост-политического рынка наций», делая вывод о том, что посыл, заложенный в продвижении бренда, сводится к тому, что исторические, как и культурные (в широком смысле этого слова), виды национальной идентичности являются архаичными барьерами для современных экономических интересов. Другими словами, «рынок должен уничтожить архаичные формы социально-культурных конфликтов, разбить коллектив на индивидов, занятых собственными интересами, а затем снова объединить их в общество-бренд» [8, р. 606].

Акт «повторного объединения индивидов в общество-бренд» *nation branding* в рамках известного маркетингового хода удовлетворяет потребность человека в единении и объединении, а также соответствует ожиданиям социализированного человека получать стимулы и команды. Поэтому люди будут откликаться на действия власти, которая внутри страны в целях получения поддержки декларирует патриотизм, но в то же время на глобальном рынке избирательно использует элементы национальной идентичности, чтобы произвести благоприятное впечатление на ключевых игроков, попытаться привлечь инвестиции и достичь конечной цели, к которой она стремится – благосостоянию как безусловной ценности. Таким образом, определенное прямое продвижение национального во внутренней среде и его специфичная «упаковка» для покупателей вовне служит проводником обещания власти по

¹ Так, отвечая на вопрос, в чем ошибка Китая и России в понимании «мягкой силы», идейный создатель данной концепции Джозеф Най подчеркнул, что «ошибка России заключается в том, что главным инструментом "мягкой силы" она считает государство» [3, с. 268].

реализации «общего», «национального интереса» – лучшей жизни для каждого человека. Практически же современная наука говорит о глобализации как о коммерческом национализме, который в большой степени способствует сохранению установившихся видов экономического и политического доминирования в сфере международных отношений.

Действия, которые Сербия предпринимала в плане продвижения своего имиджа за рубежом, являются показательным примером того, о чем говорилось выше. В условиях затяжной гражданской войны, экономических проблем 90-х годов и формирования узнаваемого имиджа страны, в которой господствуют ретроградные ценности разлагающегося коммунистического блока, членство Сербии в *Pax Americana* было невозможно. Проще говоря, она не соответствовала принятым критериям. И хотя в данных процессах значительную, и скорее всего ключевую, роль сыграли стратегические интересы США и некоторых европейских стран, ответственность за негативный имидж Сербии нельзя возлагать только на них. Еще в ранние 90-е исследователи обращали внимание на процесс формирования негативного имиджа Сербии в мире. З. Славуевич говорит о том, что Сербия находилась в поисках собственной идентичности. Сильная тяга самоидентификации с Югославией привела к тому, что практически никакого внимания не уделялось собственной идентичности, на основе которой должен строиться мировой имидж. В контексте глубинных перемен в Югославии и странах коммунистического блока Хорватия и Словения сформировали собственное антикоммунистическое, антитоталитарное, анти-югославское самосознание и имидж, имидж жертв и угнетенных народов в плену централизованной и недемократической системы. В то же время Сербия настойчиво стремилась быть «колыбелью», «законным наследником федерации»², и поэтому на нее проецировались элементы идентичности и имиджа, связанные с негативным восприятием федерации – коммунизм, тоталитаризм, централизм... [5, s.83-84]. Помимо этого, формированию негативного имиджа Сербии способствовало и отсутствие широкого консенсуса по фундаментальным вопросам основ идентичности. Так, если в западных странах с

развитой экономикой политическая солидарность в области внешней политики обычно проявляется чаще, чем во внутренней, то сербская власть и оппозиция проводили «двойную дипломатию», каждая для себя. Конечно, ярко выраженными были и недостатки не до конца сформированной институциональной инфраструктуры продвижения Сербии за рубежом, как и база теоретических, и особенно практических исследований в данной области [7, s. 81-82].

Сегодня, спустя пятнадцать лет после внутреннего политического переворота и принятия условий игры *Pax Americana*, Серию можно причислить к ряду стран, которые с точки зрения глобальной политики не обладают ни экономической, ни военной силой, ни даже «мягкой силой». Однако с 2000 года все правительства Сербии, во всяком случае, в начале выражали стремление к улучшению баланса «мягкой силы» ради стремления к всеобщей цели – экономическому процветанию. Способ достижения, т.е. инструмент, который выбран для реализации данной цели – членство в Европейском союзе – не изменился. То, как к этому пришли, как произошли значительные перемены в ценностной ориентации, т.е. как способ продвижения идеи патриотизма на политической сцене внутри страны стал подготовкой к «внешней» имиджевой работе новых членов клуба *Pax Americana*, на наш взгляд, лучше всего иллюстрируют предвыборные кампании в Сербии со времен распада Югославии и до настоящего времени.

В начале на пути экономического развития стояло решение «вопроса существования нации» – прежде всего в форме сохранения государственных образований, частью которых была Сербия и территории которых населяли сербы, а уже потом – защита основ ее собственной территориальной целостности. Национальный и государственный интерес уже с 1992 года стал контекстом всех других вопросов, которые были подняты в тогдашних и последующих кампаниях, и не только политических, но и в узком смысле (помимо развития демократии, государственности, главенства права и т.д.) экономических и социальных вопросов. Из-за неудачной попытки стоящей в то время у власти партии заставить народ поверить обещаниям, что решение сербского государственного и национального вопроса уже близко (и сближения с ней по этому и ряду других вопросов некоторых оппозиционных партий) относительно быстро,

² В значительной степени это было обусловлено и тем фактом, что большая часть сербов проживала именно в северо-западных республиках бывшей Югославии.

уже в середине 1990-х, формируется тенденция видимого вытеснения данного вопроса из значимых и ключевых тем предвыборных кампаний. С тех пор и до настоящего времени удовлетворение конкретных потребностей людей провозглашается приоритетным, а реализация национальных интересов – залогом лучшей жизни как верховенствующей цели. Сохранение территориальной целостности государства является одним из вопросов, который и сегодня поднимают в предвыборных кампаниях, но это уже вопросы другого порядка. Так, в кампаниях во время парламентских выборов в 2012 и 2014 гг. позиционировались как ключевые вопросы экономического подъема, повышения уровня жизни, уменьшения безработицы и увлечения оплаты труда и пенсий. Участники данных кампаний обращались к так называемому «рациональному» избирателю и призывали его голосовать за того, кто предлагает самые приемлемые решения проблем, с которыми он ежедневно сталкивается в своей жизни. В предвыборной кампании 2012 года, по крайней мере, до второго круга президентских выборов не поднимались глобальные национальные вопросы, которые вызывают сильную эмоциональную реакцию. Так Косово осталось «забытой» темой. Тема евроинтеграции Сербии также не находилась в ряду приоритетов ни граждан, ни представителей политических партий. Однако есть особенность трансляции данной темы в предвыборных кампаниях по сравнению со способом передачи темы Косово, а именно то, что отношения с ЕС находились в тени всех других тем как их подтекст, т.е. как реальное условие выхода из глубокого экономического, финансового, социального, институционального, политического и даже морального кризиса. Таким образом, путь к реализации национальных интересов видели через членство единой и экономически сильной Сербии в составе ЕС, чье поведение остается за кулисами всех этих вопросов (6, s. 164-165).

Партии, которые побеждали на выборах, декларируя данные ценности, и сформированные затем правительства были готовы к реализации *национального брендинга* способом, о котором мы говорили выше. Представители власти после 2000 года, ссылаясь на вышеупомянутое отношение к России, могли бы сказать, что другого выбора и не было. Основанное на маркетинге мировоззрение, в

центре которого «свободный», т.е. финансово мощный индивид, очевидно, является функциональным рецептом. Это недвусмысленно подтверждается и на примере Сербии. Существует ли мировоззрение, которое бы могло бросить серьезный вызов данному положению дел, является особенно важным вопросом, в том числе и для России, судя хотя бы по недавним заявлениям ее президента В.В. Путина в связи с современными международными отношениями. Интересно, что говоря об объяснении различий между русским и западным мировоззрением, сербские СМИ приводят высказывание Путина о том, что «в основе русского мировоззрения лежат представления о добре и зле, о высших силах, божественной правде»³, в то время как в основе западного мышления находится (материальный – С.А.) интерес. Остается только данные фундаментальные основы довести до уровня рутинной жизни индивида, чтобы он увидел основанные на них возможности развития общества и свой собственный интерес, который в той или иной мере отличается от тех, которые предлагают конкурирующие мировоззренческие концепции.

Данная статья – результат работы над проектом «Политическое самосознание Сербии в региональном и глобальном контексте» (регистрационный номер 179076), который был реализован на базе Факультета политических наук Белградского государственного университета при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Сербия.

Литература

1. Атлагич, С. К вопросу об имидже России за рубежом – на примере Сербии // Философский журнал. 2015. Том 8. № 1. С. 107-120.
2. Anholt, S. Branding Places and Nations // Clifton, R., Simmons, J. & Ahmad S. (eds), Brands and Branding. London: Princeton, NJ: Bloomberg Press, 2004. Pp. 213-226.
3. Kosović, N. Meka moć Ruske Federacije // Meka moć država. Beograd: Udruženje za studije SAD u Srbiji & Centar za društvena istraživanja, 2013. S. 253-272.
4. Louw, E. The Roots of the Pax Americana: Decolonisation, Development, Democratisation and Trade. Manchester University Press, 2015. 256 p.

³ Ср.: Акопов П. Запад должен признать наступление новой эпохи // Взгляд. 22 октября 2015. [Электронный ресурс] URL: <http://vz.ru/politics/2015/10/22/773917.html> (дата обращения: 05.02.2016).

5. Slavujević, Z. Od lošeg identiteta do još lošijeg imidža // *Novinarstvo*. Year XXVII. № 2-4. Beograd: Jugoslovenski institut za novinarstvo, 1992.

6. Slavujević, Z., Atlagić, S. Vreme neispunjenih obećanja: Teme u izbornim kampanjama u Srbiji 1990-2014. Beograd: IP Dobar naslov, 2015.

7. Srbija u medijskom ratu // *Novinarstvo*. Year XXVII. № 2-4. Beograd: Jugoslovenski institut za novinarstvo, 1992.

8. Volcic, Z. and Andrejevic, M. Nation Branding in the Era of Commercial Nationalism // *International Journal of Communication*. 2011. №. 5. Pp. 598-618.

References

1. Atlagic, S. Towards the Problem of Russia's Image Abroad: the Example of Serbia. *The Philosophy Journal*. Vol. 8. Issue 1 (2015). Pp. 107-120.

2. Anholt, S. Branding Places and Nations. *Brands and Branding*. Clifton, R., Simmons, J. & Ahmad S. (eds.). London: Princeton, NJ: Bloomberg Press, 2004. Pp. 213-226.

3. Kosovic, N. Soft Power of the Russian Federation. *Soft Power*. D. Simić, D. Živojinović and N. Kosović (eds.). Belgrade: Udruženje za studije SAD u Srbiji i Centar za društvena istraživanja, 2013. Pp. 253–272.

4. Louw, E. *The Roots of the Pax Americana: Decolonisation, Development, Democratisation and Trade*. Manchester University Press, 2015. 256 p.

5. Slavujević, Z. From Bad Identity to Yet Bad Image. *Novinarstvo*. Year XXVII. No. 2-4. Belgrade: Jugoslovenski institut za novinarstvo, 1992.

6. Slavujević, Z. and Atlagić, S. *Time of Unfulfilled Promises: Topics in Election Campaigns in Serbia 1990-2014*. Belgrade: IP Dobar naslov, 2015.

7. Serbia in the Media War. *Novinarstvo*. Year XXVII, No. 2-4. Belgrade: Jugoslovenski institut za novinarstvo, 1992.

8. Volcic, Z. and Andrejevic, M. Nation Branding in the Era of Commercial Nationalism. *International Journal of Communication*. No. 5 (2011). Pp. 598-618.

УДК 130.2(930.85)

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-20-29

**Братина В.
Братина Б. Р.
перевод Ряпухиной В. Н.**

ГИПЕРТРОФИРОВАННОЕ Я: EGO COGITO À LA SERBE

Братина Вишня, доктор философских наук. Институт философских исследований. Философский факультет, Белградский университет. Студенческая пл., д. 1, г. Белград, 11000, Республика Сербия. E-mail: ubuntera@mail.ru
Братина Борис Рудолфович, доктор философских наук, доцент. Философский факультет, Университет в Приштине с временным пребыванием в Косовска-Митровице. Филипа Вишньича бб, г. Косовска-Митровица, 38220, Республика Сербия. E-mail: bokibor@yahoo.com

Ряпухина Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, доцент. Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 308012, Россия. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
E-mail: viktorer_r@mail.ru

Аннотация

В статье представлено историко-философское и историко-культурное исследование творчества мало известного современному академическому сообществу сербского мыслителя Владимира Дворниковича (1888–1956). Основное внимание уделено его наиболее значительной и оригинальной философской работе «Характерология южных славян», в которой автор провозглашает необходимость отхода от кантовско-гегелевской традиции и выдвигает на место «чистого Я» как субъекта мироустройства и миропонимания – Я конкретного индивида, в единстве его национальных и социальных характеристик, формирующихся в историческом опыте и передающихся по наследству. Излагаются основные положения анализа В. Дворниковичем сербского национального характера в широком историческом и культурном контексте, в динамике становления и разрушения его отдельных черт. Делается вывод о правоте Дворниковича в указании на главную тенденцию «кристаллизации формы гипертрофированного Я», которое стало доминирующей моделью во взаимоотношениях внутри сербского общества и в отношениях сербского общества с другими. Показано, как проявления инерции этой тенденции в настоящее время препятствуют формированию адекватного современного сербского национального самосознания.

Ключевые слова: национальный характер; южнославянская психика; характерология; гипертрофированное Я.

**Bratina V.
Bratina B. R.;
translated
by Viktoria N. Ryapukhina**

HYPERTROPHIED EGO: EGO COGITO À LA SERBE

Bratina Višnja, Doctor of Philosophy. Institute for Philosophy of Faculty of Philosophy, University of Belgrade 1 Studentski trg, Belgrade, 11000, Serbia. E-mail: ubuntera@mail.ru

Bratina Boris R., Doctor of Philosophy, Docent. University of Prishtina (Kosovska Mitrovica) Filipa Visnjic bb, Kosovska Mitrovica, 38220, Serbia. E-mail: bokibor@yahoo.com

Ryapukhina Viktoria Nikolaevna, PhD in Economics, Associate Professor. Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov. 46 Kostyukova St., Belgorod, 308012, Russia. Belgorod State National Research University 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. E-mail: viktorer_r@mail.ru

Abstract

The article presents a historical, philosophical, and cultural research into the creative work of Vladimir Dvorniković (1888–1956), a Serbian thinker, who is not generally known in the modern academic world. The research focuses on his most prominent and creatively different philosophical work «The Characterology of the Southern Slavs». In this work, the author declares a necessity to withdraw from the tradition of Kant and Hegel and proposes to replace «the pure ego» as a subject of the world order and world perception with the ego of a concrete individual in

the unity of his/her national and social characteristics, developing through historical experience and passing from one generation to another. The author discusses the main aspects of Dvorniković's analysis of the Serbian national character in a broad historical and cultural context, in the dynamics of development and obliteration of some of its traits. The author concludes that Dvorniković was right when pointing at the main trend of «crystallizing the form of the hypertrophied ego», which had become a dominant model of interaction of the Serbian society with others. The article demonstrates how this trend, as a result of inertia, is currently challenges the development of contemporary Serbian national identity.

Key words: national character; South Slavic psyche; characterology; hypertrophied ego.

В промежутке между началом XX века и Второй мировой войной под влиянием самых разных европейских философов и науки в целом в сербском сообществе текла активная и разнообразная теоретико-философская жизнь. Милош Джурич, окружение Бранислава Петрониевича (К. Атанасиевич и Н. Попович), Д. Стоянович, Неделькович, Ристич, Тасич, Митринович – вот только некоторые из имен философов, активно работавших в тот период (а в отдельных случаях и позднее), которые намечали и прокладывали путь сербской философской мысли. В этом многообразии выделяется Владимир Дворникович (1888–1956), чьи работы имеют исключительное значение как для сербской философии, так и для сербской культуры в целом. Однако, к сожалению, этот ученый недостаточно знаком современной широкой общественности и недостаточно признан большей частью академического сообщества.

Научные интересы Дворниковича охватывают широкий спектр тем, а его наследие включает 472 работы, содержание которых не может быть всесторонне рассмотрено и описано в рамках одной статьи. Этот автор досконально знал всех релевантных мыслителей-теоретиков, интеллектуальные тенденции своего времени и критически их переосмысливал. В своем анализе он использовал междисциплинарный подход и даже «полевые» исследования. Он был первым из сербских писателей-философов, кто дал серьезную классификацию современной европейской и сербской философии. Он познакомил сербское философское сообщество с отдельными философами из других славянских стран; он же, с другой стороны, читал лекции и писал о сербских культурных событиях в Европе¹. Но кроме всего этого, Дворникович на

протяжении долгого времени проводил обширные и детальные исследования психологии южных славян и особенностей их характера, в результате чего появился труд «Психология южнославянской меланхолии» (1925), работа «Борьба идей» (1937) и самое его фундаментальное сочинение «Характерология южных славян» (1939). Мы можем сказать, что это последнее произведение – значительный вклад в сербскую философию, а также в развитие народного самосознания и в обсуждение вопроса о национальной идентичности.

Значение и роль «Характерологии южных славян» невозможно адекватно понять вне широкого контекста идей Дворниковича, прежде всего, идей философии жизни и идеи Югославии, которые он активно проповедовал и которые обусловили для него необходимость создания фундаментальных основ аутентичной философии и культуры южных славян. Находясь под влиянием философии жизни В. Дильтея, а в некоторой степени и иррационализма Ницше, Дворникович считал, что в качестве основы философии необходимо рассматривать не абстракции, а саму жизнь [6, с. 265-266]². Взаимосвязь эта была разрушена в европейской культуре из-за варварского доминирования технико-технологического аспекта над гуманитарным – Дворникович видел в этом главную причину того, что Европа его времени находилась в кризисе. Этот кризис автор понимал не только как интеллектуальный, но также как этический и духовный. Возможность выхода из состояния

(1930), «Индивидуальная психология Адлера» (1934), «Борьба идей» (1937).

² Лучшим свидетельством того, что и сам стиль Дворниковича был живым и природным, свободным от сложных и пустых конструкций, являются похвалы К. Атанасиевич, которая назвала его типичным представителем «рабочей философии, не скованной цепями школьной догматики», заслугой которого «несомненно <...> является то, что помимо бездумного и безжизненного пересказывания философем, на некоторых кафедрах нашего университета, в нашей среде зазвучала и животворящая и самобытная речь о мировой мудрости» [1, с. 225].

¹ Назовем отдельные работы Дворниковича, где прослеживается данная тема: «Современная философия» в двух томах (1919-1920), «Вильгельм Вундт и его значение» (1920), «Исследование психологии пессимизма» в двух томах (1923-1924), «Философия в современной Чехословакии» (1923), «Сербская культурная ориентация в современной Европе»

упадка он связывал со славянами, так как считал, что доминантами их этноса (в отличие от романо-германского) являются обостренное чувство справедливости (правдолюбие), вообще чувства, и интуиция. Однако для осуществления этой возможности необходима была аутентичная национальная культура отдельных славянских народов и единство общей славянской мысли. По Дворниковичу, мышление определяется психологией народа – как, например, на основе греческой психологии формировалась греческая философия или немецкая психология определила немецкую философию, – так и сербская психология должна определять сербскую философию.

Идея определяющего значения психологии в формировании мировоззрения взята из практики психоанализа; отсюда же и идея о том, что на фундаменте определенной психологии, типичной для отдельной территории или народа, создается соответствующая философия. Дворникович как член Сербского общества психоанализа был знаком с идеями Фрейда и говорил о том, что национальная философия является продуктом психологии и идентичности народа. Эта точка зрения базируется на подходе, основывающемся на применении типологического метода и психогенетической процедуры, который еще в 1918 году был представлен Дворниковичем в книге «Die beiden Grundtypen des Philosophierens», а в 30-е годы оформился окончательно. Дворникович, движимый идеей необходимости создания аутентичной южнославянской культуры, как и М. Джурич и Д. Митринович, был сторонником так называемой югославской ориентации³ и верил, что сербскому народу нужна собственная аутентичная философия. Поскольку такой южнославянской (как и сербской) философии не существует, то необходимо ее создать на жизненных началах, под которыми понимается всё, от биологической формы жизни (так называемый биотип или раса), психологического типа, климатических и исторических условий жизни, национальной литературы и искусства (например, музыка и эпос, которым уделяется много внимания не

только в «Характерологии») до материальной культуры, т.е. народного костюма, орнамента, предметов резьбы по дереву или по металлу, фольклора и т.д. Дворникович не обходит вниманием и гегелевских «выдающихся личностей», т.е. политических деятелей и деятелей искусства, которых, однако, выбирает и анализирует на основе того, в какой мере и каким образом они воплощают в себе типичные характеристики психологии народа и этноса. Влияние В. Дильтея тут неоспоримо, но неоспоримо и то, что Дворникович пошел дальше немецкого философа, интегрировав в свои «основные взгляды» опыт Фрейда и Юнга о филогенетической наследственности и архетипах коллективного бессознательного, а также работы Йована Цвийича и множество материалов по этнологии и искусству, которые он изучал *in vivo*. С его точки зрения, все это было необходимо для создания аутентичной южнославянской философии. Поэтому стала нужна «Характерология южных славян», которая объединяет базовые исследования психологии и жизни сербского народа и которая представляет основу для философской надстройки.

Философия, конечно, всегда претендует на то, чтобы быть универсальной мыслью. Однако довольно долго многие известные авторы настаивали на том, что она – исключительная привилегия иудейско-христианской цивилизации. Фактом является то, что и европейский, и заокеанский Запад в том смысле, который мы вкладываем в это понятие в разговорной речи, и раньше, и сейчас в основном пренебрежительно и не дружелюбно относился к философии, родившейся по другую сторону его мыслительных границ. Если допустить нарушение универсальности философии как таковой и свести ее значение к условиям одной цивилизации с претензиями на универсальность, это однозначно дает повод продумать и другой путь, т.е. в философии еще могут проявиться некоторые черты обособления или даже отстранения от имеющихся общих истоков. Этот путь, несомненно, возможен, однако он ведет не к разрушению философии, а является реализацией попытки уважительного отношения к различным точкам зрения (которая выходит за рамки индивидуалистического смысла позиции отдельного Я и имеет более широкое идентификационное значение в группе), а после соблюдения уважения к этим различиям, реализацией некой новой попытки создания философии всего человечества. Так или иначе, на пути развития философской мысли многие его этапы определялись «всматриванием» в то, что есть

³ Этот круг включал самых разных представителей молодежи в университетах и вне их, которых объединяли югославские, панславянские и пангуманистические идеи и сопротивление технико-технологической модернизации Европы и университетской метафизической догматике. Помимо упомянутых Дворниковича, Джурича и Митриновича, к данному кругу принадлежали и такие личности как Н. Велимирович, Д. Стоянович, П. Евтич, В. Вуйович, М. Видович, П. Сланкаменац, Б. Лазаревич и другие [см.: 6, с. 267-269].

человек. Например, Локк искренне задавался вопросом, являются ли чернокожие людьми, а у Гегеля олицетворение человечества принадлежит только так называемым «историческим» народам, в то время как не исторические – это «остатки варварских орд», и в это понятие им включены и славяне, в том числе и сербы. Несмотря на то что и сегодня существуют подобные дилеммы и «перегибы», мы, однако, принимаем единое минимальное сократовское мерило, что человек – это каждый, кто может про себя сказать Я и противопоставить свою личность Другому в диалоге с Другим. Мы также придерживаемся идеи создания философии человечества (пангуманизм) и именно поэтому стремимся с уважением относиться к различным точкам зрения.

Дворникович отмечал культурную разобщенность, неоригинальность и искусственный характер сербского академического сообщества своего времени (что не изменилось и в наши дни), как и обозначенную выше потребность создания специфической сербской философии и культуры. В этой связи К. Атанасиевич писала, что «господин Дворникович прав, первоочередной заботой для нас является создание специфически сербской культуры» [1, с. 224]. И хотя «Характерологию южных славян» Дворниковича невозможно полноценно осмыслить вне контекста условий в то время еще молодого южнославянского государства, ее не следует рассматривать исключительно лишь с этой позиции. По поводу современной сербской философии можно сказать, что она не аутентична, «больна» психологией и имеет еще гораздо худшие симптомы, чем философия времен Дворниковича. Сербский народ всегда был более заинтересован художественной литературой, чем философской, что не означает, что так будет и в будущем. Философия конкретного народа является выражением его потребности высказаться чисто мыслительно, уважая при этом не только мыслительно-культурный, но и мыслительно-познавательный и мыслительно-этический аспект. Эта мыслительная этика и мыслительное познание в конечном итоге, принимая во внимание общие истоки морали и познания, в важных вопросах могут соотноситься и с точкой зрения характерологии.

Это не значит, что философию можно (и нужно) сводить к характерологии – это противоречило бы идеям и самого Дворниковича – это значит, что аутентичный философский потенциал отдельного народа можно найти или

построить на фундаменте его характера. Это дает представление и о действительном значении «Характерологии» Дворниковича для сербской культуры и философии, при беглом рассмотрении которой и сегодня можно сказать, что она имитативна, как говорил Чаадаев о русской культуре двести лет тому назад. Кроме того, в период, когда сербская национальная идентичность, мягко говоря, находится в «кризисе», произведение, которое доброжелательно указывает на потенциально общие генетические источники кризиса психологии южных славян, несомненно, представляет большое значение для самоочищения и сдвига сербского народа с «мертвой точки», на которой он уже много лет находится.

Прежде чем перейти непосредственно к характеристикам «сербского динарского человека», необходимо привести некоторые пояснения о том, что дает нам основания говорить о целостном психологическом типе конкретного народа и анализировать его с этих позиций. В этой связи некоторые факторы играют важную роль не только для сербского народа, но и в целом, применительно к каждому народу: раса, природные и погодные условия, а также исторический фактор. В соответствии с учением Дильтея, а также исходя из положений психоанализа, Дворникович считает, что для психологии нации, как и для психологии индивидуума, из всех вышеназванных факторов самое большое значение имеет его история.

В психологическом подходе Дворниковича преобладает рассмотрение в качестве объекта исследования динарского человека; так как сербы в основном населяют динарскую часть территории бывшей Югославии. История данной территории и Балканского полуострова в целом с давних времен и до настоящего времени насыщена перемещениями его жителей, т.е. миграционными процессами и параллельно уменьшением степени неоднородности населения. По мнению Дворниковича, которое разделяют многие авторы, можно выделить несколько этапов этих перемещений и смешений: 1) приход первых переселенцев, иллирийских племен, на бывшие территории древних балканских народов, так называемых алародийцев и паласгов⁴; 2) приход славян на Балканский полуостров; 3) эпоха турецкий завоеваний. К этому мы можем добавить

⁴ К ним можно отнести, например, винчанскую неолитическую культуру.

4) период Второй мировой войны и особенно послевоенный период, а также 5) военные конфликты на территории так называемой бывшей Югославии в 90-е гг. XX века и позже. Что было, то прошло – мнение Дворниковича в этом случае выражено ясно: в османский период произошло повсеместное национальное смешивание, «как никогда ранее... переселение целых народов с одних территорий на другие, <...> прямое сталкивание и слияние различных национальных элементов настолько сблизило и уоднообразило балкано-югославянскую массу на 4/5 всей территории, что на самом деле нельзя больше различать между собой сербов и хорватов, панонских и центрально-балканских динарцев, восточные и западные блоки» [5, с. 311]. В период турецкой оккупации наблюдалось такое взаимопроникновение и взаимопритяжение в каждом аспекте – телесном, душевном, языковом, материально-культурном, – что «наверное нигде больше на свете нет народа, который бы на такой большой территории имел так много общего, как в случае с сербским народом» [5, с. 311]. Именно такой взгляд на историю позволил Дворниковичу, несмотря на очевидную многовариантность этнической культуры и вопреки мнению чешского философа Эмиля Утица, выдвинуть тезис о возможности создания единой для южных славян характерологии. Этим обосновывается применение положений «Характерологии южных славян» к сербскому народу, тем более что, как мы уже сказали, так называемую динарскую часть территории бывшей Югославии в основном населяют сербы.

О первых иллирийских поселенцах на Балканском полуострове известно очень мало, как и о самих иллирийцах. Дворникович утверждает, что динарские психологические и физические особенности, т.е. преимущественно темные волосы, высокий закрытый лоб, голова круглой формы и плоский затылок (т.н. брахикефалия) берут начало не от турок, а от старейших жителей Балкан паласгов. Что касается иллирийских психологических особенностей, то Дворникович называет в качестве таковых агрессивность, характерный динарский суровый взгляд («соколиный»), склонность к восстаниям и затяжной борьбе (Батонново восстание или Великое иллирийское восстание – крупнейший военный конфликт между несколькими иллирийскими племенами и Римской империей с 6 по 9 гг. н.э.), коварство (описанное в «Одиссее»), но в тоже время и

разбойничий дух или, говоря точнее, дух благородных разбойников; это последнее качество, по его мнению, должно было быть под стать иллирийскому пиратству. Мы не можем согласиться с тем, что упомянутые психические особенности являются типично иллирийскими по той простой причине, что об иллирийцах известно мало, а эти особенности можно также объяснить и на основе анализа психологии и исторических условий, в которых жили древние славяне. Помимо этого, античные летописцы, например, Прокопий, Маврикий (Псевдо-Маврикий) или Иордан, сходятся в том, что славяне с давних пор жили в демократии и анархии, не терпя никакой власти над собой. Это были мирные земледельцы, чьей прародиной, по Дворниковичу, были лесистые и болотистые земли между средним течением Днепра, Вислой и Карпатами; под давлением германских и монгольских племен они переселялись на юг. Этот факт особенно важен потому, что их постоянное пребывание, как говорит Дворникович, «между двух огней» германцев и монголов влияло на формирование древнеславянского народного характера. В отличие от Дворниковича, мы считаем, что славяне являлись основным населением Паннонской равнины, так же как и долины Днепра. (Конечно, приход венгров изменил такое положение, однако от чего другого пошло название Паннония как не от панов, господ? Ведь название венеды переведено на латинский как *nobili*.) Также, в отличие от Дворниковича, сербский лингвист Милан Будимир почти во всех своих трудах доказывал наличие в античный период связи славян и Балкан, а также славян и Апеннинского полуострова [см.: 2; 3; 4]⁵. Конечно, некоторые славяне на протяжении веков мигрировали и с территории Украины, как и из бывшей Восточной Германии, и, конечно, в ходе переселения они пересекали и Саву, и Дунай.

В этом смысле исторические и географические условия частично объясняют склонность к анархии: миграции и относительная малонаселенность новых земель значительно усложняли интеграцию и управление рассеянным народом, но способствовали индивидуалистическому образу жизни. Однако анархизм славян объясняется, прежде всего, эгалитарным типом взаимоотношений. Там, где

⁵ Профессиональные достижения Милана Будимира (1891–1975) и сегодня остаются еще не в полной мере известны широкой публике, при том что его главными собеседниками были ведущие современные ему лингвисты.

формировались укрепленные города, славяне жили демократично, на принципах эгалитарности и соборности. Например, при заселении новой территории место для жилища и подсобного хозяйства каждый выбирал сам, а раздел обрабатываемой земли осуществлялся по жребию, и она каждые несколько лет перераспределялась, поэтому, в конце концов, все обрабатывали землю одинакового качества. На общественные цели выделяли примерно 1/100 личного дохода. Можно сказать, что в условиях постоянной угрозы нападения других народов только принятие христианства изменило подобные взаимоотношения между славянами. Эгалитаризм древних славян выражался и в равноправии полов, которое проявлялось в том, что женщины имели равную наряду с мужчинами роль и в культе, и в быту. (Из-за этого многие германские народы презирали славян – у германских племен, как мы знаем, ничто подобное было немыслимо ни до, ни после прихода христианства). На этой основе у сербского народа и сегодня сохранилось глубокое уважение к матери как наивысшей святыне. Только в данном контексте, и ни в каком другом, справедливо утверждение квазитеоретика Отто Вейнингера о славянах как о «феминном народе».

Еще с давних пор, а также в новейшей истории после Гердера, широко известны, с одной стороны, описания кроткого характера славян, а с другой, описания их коварства и порочности и даже военной свирепости. Славяне любили мирную жизнь земледельцев и ни на кого не нападали, но в случае агрессии защищались всеми возможными способами, часто до последнего члена племени. Коварство и порочность, которые славянскому характеру приписывают, в основном, германские летописцы (как и византийские), объясняются как фактом, что славяне были намного слабее агрессоров и поэтому, чтобы выжить, должны были защищаться всеми доступными средствами⁶, так и тем, что авторы данных описаний были пристрастны. Вместо открытого противостояния, в котором они не могли победить, славяне предпочитали партизанскую войну и нападения из засады. Римляне, например, своим солдатам советовали избегать лесов, где славяне имели абсолютное преимущество. Фактор продолжительной обособленной жизни сказался в том, что славяне долгое время не развивали

военное дело (а стратегию и тактику нападений так и не развили никогда), в отличие от германцев, которым свойственно и то, и другое. (Строго говоря, и германцы военному искусству научились лишь от римлян, а их агрессивный характер можно с частичной долей уверенности объяснить холодным и суровым северным климатом и средой, где они часто находились на грани выживания).

Дворникович ссылается на чешского социолога Яна Душека, который болотистую и неприглядную равнину (мезологический фактор) идентифицирует как главную причину вселения полабских и балтийских славян с конца VII века в нынешнюю Германию. Этот автор считает, что та же причина лежит и в основе славянской характерологической трагедии так называемых бесформенности и податливости, депрессивного жизненного настроения без малейшего элемента бойцовской энергии⁷. Как бы то ни было, кое-что из этого верно. Так, например, славяне населяли центральную часть Европейской равнины (а именно Паннонскую равнину) и вплоть до IX века были ее основными жителями. Равнину тяжело защищать. Отметим, что Дворникович фиксирует множество свидетельств о том, что все славяне начали миграцию из нижнего течения Дуная («Ипатьевская летопись» и др.), а территорию между средним течением Днепра, Вислой и Карпатами определяет исключительно как их прародину. По мнению Душека, это бескрайнее болотистое пространство (чешский историк Ян Пейскер⁸ его называл «охотничьими угодами рабов») является главной причиной долговременного порабощения, как и главной причиной отсутствия духа государственности у древних славян.

О том, в какой мере название, данное Пейскером, соответствует горькой истине и о том, какой ясно выраженный характер имело отношение к славянам других народов (германцев и монголов), свидетельствуют записи Иордана. По его мнению, славяне хранят на себе отпечаток самого ужасного в истории человечества народного мученичества. Другое свидетельство дает нам язык. Начиная с античных времен, обозначение для рабов отождествлялось с названием славян: латинское

⁷ «Nizina kletbou Slovanstva!» (Jan Dušek, Sociologie: Úvod do myšlení biosociologického. Прага, 1926. – цит. по: [5, с. 278].

⁸ Пейскер в целом был сторонником тезиса о всеобъемлющем дуализме мышления славян, начиная еще со времен Заратустры. Этот тезис он пытался материально подкрепить доказательствами из области топонимики, на примере: Белобог и Чернобог в Чехии, Дайбог и Дайбаба у сербов и т.д. В своей основе тезис не был доказан, а только сформулирован.

⁶ Однако в случае необходимости и когда это было в их силах, они сражались «лучше, чем сами римляне», как когда у стен города Салоники появилось пять тысяч славян «отборных воинов, искусных в ратном деле» (Иоанн Эфесский).

sclavus, греческое *Σκλαβηνοί* или *Σκλαβοί*. В этой аналогии особенно необходимо выделить германские языки: немецкое *der Slave* (Дворникович пишет о том, что, царь Вильгельм II, и не только он, славян называл *Bedientenvölker* – рабский народ), итальянское *Schiavoni*, *Schiavi*, французское *esclave*, английское *slave*, а кроме того и прилагательное *sloven* в значении неприятный, грязный. В целом, германская культура продемонстрировала значительную ненависть и презрение по отношению к славянам. Мы очень хорошо можем это видеть у Гегеля. В голове не укладывается то, что он писал о славянах в «Философии истории», «Основных чертах философии права» и др. [7, с. 368, 434–435; 8, с. 464, § 351]⁹; никакая неосведомленность не может оправдать такую точку зрения Гегеля, как не может оправдать и универсальность его системы, как ее до сих пор может себе представлять какой-нибудь правверный гегельянец.

Попутно заметим, что Дворникович иногда проявляет способность делать выводы

⁹ Имеются в виду известные суждения Гегеля о том, что славяне представляют собой единую «огромную славянскую нацию» азиатского происхождения, варварские племена, способные к государственности и мужественной борьбе, в том числе за христианскую Европу против нехристианской Азии, что «часть славян приобщилась к западному разуму. Однако вся эта масса исключается из нашего обзора потому, что она до сих пор не выступала как самостоятельный момент в ряду обнаружений разума в мире. Здесь нас не касается, произойдет ли это впоследствии, так как в истории мы имеем дело с прошлым». – Гегель Г.В.Ф. Философия истории. СПб.: Наука, 2000. С. 368. Также здесь присутствует ссылка на гегелевское объяснение непринятия славянами реформации, толкуемой Гегелем как движение освобождения субъективного духа: «Славянские нации занимались земледелием. Но благодаря этому занятию возникает такое отношение, при котором существуют господа и холопы. В земледелии главную роль играет деятельность природы; человеческая деловитость и субъективная активность в общем менее применяются при труде. Поэтому у славян медленнее и труднее основное чувство субъективной самостоятельности, сознание всеобщего, то, что мы прежде называли государственностью, и они не могли стать причастными к зарождавшейся свободе». – Там же. С. 426. В «Философии права» Гегель рассматривает первоначальное государство патриархального народа как формальное, не дающее ему права на признание со стороны других народов с более развитой государственностью: «его самостоятельность, будучи, не обладая объективной законностью и для себя прочной разумностью, лишь формальной, не есть суверенность». – Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 373. Эта же логика движет и рассуждением об иерархии народов в указанном § 351: «...цивилизированные нации рассматривают другие народы, отстающие от них в субстанциальных моментах государства (скотоводческие народы – охотничьи; земледельческие народы – те и другие) как варваров и неравноправных им, а самостоятельность этих народов – как нечто формальное и соответственно относятся к ним». – Там же. (Прим. ред.)

настоящего структуралиста, как, например, говоря о сербской музыке, он видит, что аутентичная мелодия формируется не в самом нотном тексте, но посредством меандрирований (извилистых изменчивых очертаний, вариаций) около него. Однако он не идентифицирует схожее явление, когда речь идет о наименовании «славянин». Так, правильным названием для славян является «словяне», а не «славяне». «Славяне» или другие имена славян, очевидно, на самом деле происходят от глагола «словити» (в смысле «умно говорить»). Рассмотрение этого понятия самого по себе не открывает его истинного смысла, так как непонятно, зачем нужно специально подчеркивать данное качество. Его настоящее значение открывается только в противопоставлении с названием самых больших врагов славян, немцев. Все славяне, в том или ином варианте, немцев называют «немцы». Таким образом, это, очевидно, обозначает тех, кто лишен способности к умным речам, а не просто возможности говорить. Возможно, это был способ закрепить отличие от тех, кто не договаривается и не ведет переговоров, а завоевывает, чиня резню, а потом это называет миром (Тацит).

В современной историографии (и не только в современной) обращает на себя внимание необычный факт, что термин «славянин» впервые употребляется так поздно (в 491 г.); как будто бы какие-то другие имена скрывали славян, о которых летописцы говорят как о славянах практически только с VI века. Поэтому Йозеф Павел Шафарик предполагал, что славяне, возможно, скрывались под каким-нибудь иным именем. Этот великий филолог XIX века к решению данной проблемы подошел с эмпирической, а не националистической или расистской точки зрения, как это часто делали германские исследователи (например, последователь Энгельса Франц Меринг, как и вообще для немецкой историографии характерно пристрастно негативное отношение к славянам). Так или иначе, Шафарик, найдя упоминания о сербах, замеченных на Кавказе во II веке (по свидетельству Плиния Младшего), зная о лужицких сербах – так называемых вендах или сорбах в Лузании, а также о сербах на Балканах (как и о венедах, которые основывают Венецию и дают название Вене и чье название, по утверждению Милана Будимира, с лингвистической точки зрения сопоставимо с таким этнонимом как вятичи – восточные славяне, которые вплоть до XVIII века возводили

над могилами курганные насыпи), сделал вывод о том, что в этой триаде сокрыто название сербов, которое являлось предшествующим названием для того самого народа, который с конца V века и до настоящего времени именуется славянами. Таким образом, именно Шафарик, а не Ольга Лукович-Пьянович является основоположником теории о сербах как «старейшем народе»; и, как и она, он на самом деле говорит о более старом названии народа, а не о балканских сербах как предках всех славян. К сожалению, точку зрения Ольги Лукович-Пьянович сербская общественность извратила самым позорным из всех возможных способов. Аргументы Шафарика, которыми он дополнительно подкрепляет тезис о балканском происхождении древних славян в противовес мнению о том, что они пришлый народ, Ольга Лукович-Пьянович задокументировала, исходя из историко-лингвистических принципов, – в ответ на это политически ангажированная общественность заклемила ее позором. В продолжение данной работы мы еще будем говорить о том, что такой прием опорочения используется и сегодня.

Исторические условия долгого рабства славян оказали решающее влияние на формирование двух характерных особенностей, которые Дворникович выделяет в сербском динарском типе: это героическая сила терпения и сопротивления, с одной стороны, и свободолюбие и правдолюбие, с другой стороны. Он подчеркивает, что славяне как народ пережили всех своих завоевателей, выстояли и сформировали в ходе истории собственные государства – таким образом «остатки варварских орд» закрепились в облике гегелевского «исторического народа». Большую роль в этом сыграла их сила терпения, совершенно непостижимая для завоевателей. Дворникович говорит: «Не считает ли захватническая нордическая и тираническая татаро-монгольская душа эту сугубо славянскую победу “смирением” самой опасной из всех славянских “славянских хитростей”?» [5, с. 281]. С древнейших времен моральной основой этой пассивной силы, как и свободолюбия, славян является сильное, типично славянское чувство правдолюбия. Правда является высшей этической ценностью всех славян и общеславянской основой характера, из которой проистекают все другие особенности. Это объясняет их чуждость духу завоеваний и сильный инстинкт защитника у славян. В связи с этим Дворникович цитирует польского историка Мачиовского, который утверждает, что у славян

развито чувство справедливости, в отличие от норманнов, которые понимают только язык силы¹⁰.

У Дворниковича метод определения характера и психологии югослава (динарца, в своей последней ипостаси – серба) базируется на гипотезе о существовании континуума психологической сущности сербского народа от древнейших праисторических времен до настоящего времени. Точнее, речь идет о единстве целого посредством соединения различных слоев в процессе приспособления и уменьшения физических, материально-культурных и психических различий южных славян с уже сложившейся динарской идентичностью (динаризация южных славян). При этом Дворникович косвенно поддерживает «гипотезу пеласгов» хорватского историка Ника Жупанича, который утверждает то же самое, однако только в физическом смысле. И тот, и другой считают, что присутствие динарского расового элемента у южных славян обусловлено происхождением от пеласгов, а не от иллирийцев, которые в данном процессе были лишь посредниками. Метод Дворниковича является более комплексным и основан на модели восходящей спирали, в которой «одна и та же основная душевная структура сильнее проявляется то на одном, то на другом круговом витке спирали» [5, с. 320]. По его мнению, динарские, преиллирийские и иллирийские особенности формируют глубинный, антецедентный атавистический слой психики, в то время как вторичные особенности получены от славян и, как таковые, представляют собой слой, который с точки зрения филогенетики сформировался позднее. Конечно, Дворникович отдает себе отчет в том, что генетическая гипотеза и модель имеют свои слабости, но полагает (вполне обоснованно), что их значение нельзя не учитывать при создании характерологии народа. Мы вполне с этим согласны. Однако, хотя мы не отрицаем целесообразность его метода и гипотезы о

¹⁰ Вацлав Мачиовски. *История славянских прав* (в переводе Николы Крстича), изд-во Матице Србске, Пешта, 1856. – цит. по: [5, с. 278]. Таким же образом рассуждал и Сайферт: «...славянин всегда боролся за «людскую справедливость»» (J. L. Seifert. Von Bogomil über Hus zu Lenin. Ein Beitrag zur europäischen Ideengeschichte. Zeitschr. f. Völkpsych. u. Soziol. Hrg. v. R. Thurnwald III, 1927. – цит. по: [5, с. 282]. И сам Дворникович делает схожий вывод: «В то время как некоторые народы считали национальной катастрофой то, что «они больше не могли властвовать над другими народами», славянин всегда страстно желал только того, чтобы быть «своим на своем месте» [5, с. 280-281].

постоянстве в генетическом смысле, думаем, что не было нужды преимущественно связывать этнос югослава с этносом преиллирийских или иллирийских народов. Недостаточность знаний и информации об этих древних народах не позволяют нам делать сколько-нибудь категоричных утверждений.

В соответствии с другой точкой зрения, динаризация славян на Балканах, а особенно на территории так называемой бывшей Югославии, могла произойти только благодаря самой среде. Неправильно было бы любой ценой стараться найти динарскую основу там, где очевидно славянское происхождение каких-то сербских ключевых особенностей. Такие особенности, как мы уже сказали, не могли возникнуть только благодаря среде. То малое, что нам известно об иллирийцах, в большей степени свидетельствует о добровольной ассимиляции со славянами, чем о какой бы то ни было динаризации славян. О самих иллирийцах мы знаем, что они, как и славяне, были светлокожие, русоволосые и долихоцефальные – данный тип наиболее выражен у сербских королей, изображенных на фресках древних церквей и монастырей (где и сам Иисус Христос часто изображен русоволосым)¹¹. Также не было засвидетельствовано ни одной битвы меду славянами и иллирийцами, а это, принимая во внимание то, что иллирийцы не благоволили римлянам, говорит о том, что они легко уживались со славянами. Известно, что на многих римских картах территории зарождения сербской государственности обозначены как «Трибалия», что говорит, по меньшей мере, о неосведомленности самих римлян или о сокрытии идентичности населения территории, которая якобы находится в их владении. Именно самобытность балканских народов, а не только завоевания Алариха, во многом способствовала падению Римской империи. Можно сказать, что заострить внимание на доиллирийских и иллирийских психологических особенностях, вероятно, Дворниковича побудила идея югославского единства, которая требовала обоснования присутствия всех народов на территории бывшей Югославии и рассмотрения

¹¹ Можно было бы сказать, что более поздний, и даже современный, имитационный характер сербской культуры обусловлен тем, что этот характерно славянский эталон красоты заменен византийским типом (маленькая, круглая голова, длинный тонкий нос и тонкие губы) – об этом говорят и материальные свидетельства.

всего исторического континуума Балканского полуострова в данном контексте¹².

Мы считаем, что приведенный нами обзор разрушает многие стереотипы, имеющие место, когда речь идет о территории проживания сербского народа и других близких ему народов. Это очень важно, т.к. ранее историографы, например, такие исследователи как В. Чорович и С. Станоевич, смотрели на эту проблему именно сквозь призму нордических стереотипов как обо всех славянах, так и о балканских сербах. Также большую важность для нас здесь представляли те базовые факторы, которые формируют сознание отдельного народа, и особенно его самосознание, которое, как мы считаем, у сербского народа недостаточно развито. Мы надеемся, что наш труд внесет вклад в развитие сербского самосознания. Мы считаем, что это очень важно в свете значительного ускорения исторического развития. Любое отставание в развитии народного самосознания и отношения к другим национальностям является угрозой существованию сообщества, которое идентифицирует себя как общество, несмотря на изменения своей идентичности в ходе исторического развития.

Окончание в следующем номере.

Литература

1. Атанасиевич, К. Српски мислиоци. Белград: Плато, 2006. 447 с.
2. Будимир, М. Антички становници Војводине–Амантини. ГИДНС. Кн. II. Св. 2. Сремски Карловци: Сербская монастырская типография. 1929. С. 165-175.
3. Будимир, М. Проблем букве и протославянинеке домовине // Работы югославской академии наук и искусств. Кн. 282. Загреб: Югославская академия науки и искусств, Секция филологии. 1951. С. 5–32.
4. Будимир, М. «Pelasto-slavica»: Предраг Р. Драгич Кијук, (перераб.) // Catena mundi: српска

¹² Поэтому он считает правдоподобным предположение Шуфлаева об албанской ипостаси иллирийцев (а не об иллирийском происхождении албанцев). Однако любой сепаратизм абсолютно чужд духу Дворниковича, поэтому такая точка зрения объясняется исключительно его желанием и попыткой найти способ интеграции албанцев в югославское сообщество. С исторической точки зрения, так называемая Иллирия в разные времена находилась на разных территориях. Иллирийцами называли то только народы, проживающие у Ормузского пролива, называемого иногда Отранскими вратами, то все племена адриатического побережья, а то и все народы, проживающие в бассейне Савы и Дуная. Конечно, почему бы какому-то народу не расселиться и на другом берегу реки?

хроника на светским веригама. Кн. I. Матица Срба и исељеника Србие. Краљево; Белград: Ибарске новости, 1992. С. 74–82.

5. Дворникович, В. Карактерологија Југославијана. Белград: Просвета. 1939. 881 с.

6. Жунџич, С. Историја српске филозофије. Белград: Плато. 2009. 503 с.

7. Хегел, Г. В. Ф. Филозофија повиести. Загреб: Наприед. 1966. 490 с.

8. Хегел, Г. В. Ф. Основне црте филозофије права (с Хегеловим властуручним маргинама у његовом приручном примерку филозофије права). Сараево: Веселин Маслеша – Светлост. 1989. 495 с.

References

1. Atanasievic, K. *Serbian Thinkers*. Belgrade: Plato, 2006. 447 p.

2. Budimir, M. *The Ancient Inhabitants of Vojvodina – Amantini*. GIDNS. Vol. II. Part 2.

Sremski Karlovci: Serbskaâ monastyrskaâ typography. 1929. Pp. 165-175.

3. Budimir, M. Problem of the Beech and Protoslavlic Matherland. *Papers of Yugoslav Academy of Sciences and Arts*. Vol. 282. Zagreb, Yugoslavian Academy of Sciences and Arts (Philological Department), 1951. Pp. 5–32.

4. Budimir, M. Pelasto-slavica. *Catena Mundi: A Serbian Chronical in the World Chains*. Vol. 1. Matitza of Serbs and Serbian Emmigrants. Kraljevo; Belgrade: Ibarskiye Novosti, 1992. Pp. 74–82.

5. Dvorniković, V. *Characterology of the Yugoslavs*. Belgrade: Prosveta. 1939. 881 p.

6. Šunić, S. *The History of Serbian Philosophy*. Belgrade: Plato. 2009. 503 p.

7. Gegel, G. V. F. *The Philosophy of History*. Zagreb: Napried. 1966. 490 p.

8. Gegel, G. V. F. *The Basic Features of Philosophy of Law*. Sarajevo: Veselin Maslesha – Svetlost. 1989. 495 p.

УДК 130.2(930.85)

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-30-39

Suncica M. Denic

**THE POETICS OF SUFFERING AND REFUGE
IN NEWER SERBIAN LITERATURE OF KOSOVO AND METOHIIJA**

Denic Suncica M., Doctor of Philology, Professor. Pedagogical Faculty in Vranje, The State University of Nis
14 Partizanska St., Vranje, 17500, Republic of Serbia. E-mail: suncicadenic@gmail.com

Abstract

In the paper, we talk about the newer Serbian literature of Kosovo and Metohija which deals with the problem of persecution and fleeing of people from their home places and hearths. Such poetics has been especially present during the last few decades as a proof of massive affliction. Partially colored by neo-patriotic nuances, this kind of literature has more epic qualities than lyric ones; it is more of an expression of general suffering and sorrow, than sadness over personal fate. Quiet and meditative, it is also a distinctive testimony about the suffering, which has more and more often been referred to as New Testament affliction. Some of the more significant representatives of the new poetics and canon of Kosovo and Metohija are Darinka Jevric, Radoslav Zlatanovic, Moso Odalovic, Dragomir Kostic, Blagoje Savic, and Aleksandar Lakovic.

Keywords: Kosovo and Metohija; homeland; literature; persecution; distinctive poetic world.

Денич С.

**ПОЭТИКА СТРАДАНИЙ И БЕГСТВА
В НОВЕЙШЕЙ СЕРБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОСОВО И МЕТОХИИ**

Денич Сунчица (Михайлович), доктор филологических наук, профессор. Педагогический факультет во Вранье, Нишский университет, ул. Партизанская, 14, Вранье, 17500, Сербия. E-mail: suncicadenic@gmail.com

Аннотация

В статье говорится о новой сербской литературе Косово и Метохии, в которой затрагиваются проблемы преследования и бегства людей из своих родных мест и очагов. Такая поэтика особенно заметна в последние десятилетия как доказательство массового бедствия. Частично окрашенная нео-патриотическими нюансами, подобная литература обладает больше эпическими качествами, чем лирическими; это в большей степени выражение общих страданий и горя, чем печали над личной судьбой. Тихая и медитативная, она также специфическим образом свидетельствует о страданиях, о которых все чаще упоминается как о новозаветной скорби. Некоторые из наиболее значительных представителей новой поэтики и канона Косово и Метохии Даринка Jevrić Радослав Zlatanovic, МоСо Odalovic Драгомир Kostic Благое Савич и Александар Lakovic.

Ключевые слова: Косово и Метохия; родина; литература; преследование; отличительный поэтический мир.

Poets who have placed their happiness and personal life in the frame of their outer being – the homeland of their soul – in their home place – are rare in world literature. They placed it in Kosovo, as the most mythical of all homelands. The Old Testament and New Testament one. On their Golgotha, and at their last judgment.

Slobodan Rakitic

INTRODUCTION

Serbian literature of Kosovo and Metohija has always been a reflection of the heritage, the same as it is now a current (actual) reflection of the most important problem – whether Serbian people should

leave Kosovo and Metohija, or survive in the land of their forefathers¹.

For the most part of it, this literature is *neo-patriotic*, due to its actualization of the past, but also

¹ More about this can be found in the book [2, pp. 1-215].

due to a certain chronological testimony of everyday exodus. „The poets from Kosovo and Metohija of the second half of the 20th century have not been studied systematically in literary criticism so far“, Danica Andrejevic wrote. “<...> From the literary and historical point of view, the question of affirmation and evaluation of poetry from so-called smaller areas has been affected by numerous prejudices, resistance, and beliefs about the marginal place of *provincial literature*“ [1, p. 23]. It is well known that a distinctive attitude towards the theme of Kosovo can be found in the writings of almost all contemporary poets from Kosovo. Most of the writers from Kosovo and Metohija have blended *national ethics and literary aesthetics* into the power of patriotic unity of the suffering populace who write about the new Kosovo apocalypse from the end of the 20th, and the beginning of the 21st century.

This kind of literature, is above everything else poetic in its nature, quiet, meditative, and for the most part - pious. The two phenomena: religion and poetry are almost synonymous in the works of Serbian writers from Kosovo. It is a so-called *deization* of God in the works of these writers, in which it is often the case that the tragic situation of people in Kosovo and Metohija is compared to and measured by *New Testament* torments. Considering that *southern sorrow* (a term used for writers from Kosovo from the end of the 19th, and the beginning of the 20th century), i.e. *Kosovo doom* as a specific characteristic of the poetry of these authors, it can be noticed that this kind of literature has created a specific theoretical ground for its singing, has modified the theme of sorrow, suffering, lack of freedom, lost homeland, migration, and persecution... Writers from this area, and these tragic times, have autonomously and unanimously presented their ethics, heroism, melancholy and aesthetics, as *New Kosovo poetics* which will in time function more and more as *New Testament poetics*, new and testamental *literature* of Serbs from Kosovo and Metohija.

The development of this literature had a specific path, one could say a synchronized one, until 1999. Then, that picture changed, lost its media, newspapers and journals, events and cultural meeting places, and it became limited, more or less, to personal engagement.

THE PHENOMENON OF REFUGE AS A PHENOMENON OF TEMPORARY LIVING

The theme of refuge and lost homeland appears as the theme of economic, social, political, cultural, and emotional drama. The literature of writers from

Kosovo and Metohija from the end of the 20th, and the beginning of the 21st century is a testimony, and a personal account, but also a documentary narrative which, similar to some literary genre with two planes (like in a fable or drama) has a narrator and the side of people in danger and lost people, but also that of the pursuer, as the only winner. A special aesthetic impression of this kind of singing and narration is created in this way.

Determined by the social, historical, and political moment, the works of writers who were forced to leave their homes in Kosovo express the view of their fate as a complete displacement. A lot of poets write about a space where *the direction is lost*, about the feeling of discomfort, loneliness and sorrow which can be measured by *the tear of eternity*. What is interesting in this absolute reality is literature for children, where a specific, new, and it seems unique poetic world has been created, a world in which a child stutters and shivers, and sends views and greetings from *shivering Serbia* (the Serbia which is endlessly shivering from cold and fear). Serbian literature from Kosovo and Metohija of the last few years can already promote volumes of literary pieces with the theme of lost homeland.

Although it speaks about national and personal, this literature is without heroics. It is detached from the national-romantic milieu, which was the case in epic folk poetry and romanticism, also in times of definite turbulences of newer times. This is another kind of literature which, above all other things, is a testimony of the phenomenon of helplessness and silence.

The emotional lyricism and purity in these literary endeavors exposes the ideology. However, there are examples in the poetry of Kosovo and Metohija where the epic has defeated Eros, or where **the myth of Kosovo** replaces Eros.

For its most part, that literature is tied to the being of Serbian people in Kosovo, to everything which constitutes tradition and heritage, as well as to that, which will be the poetic phenomenon and motive of our time: persecution as a doom and fate. That is a natural course of events after the dramatic devastation to the Serbian people in Kosovo and Metohija, who, having lost their jobs, homes, land, and homeland – returned to the existential, to the quest for the soul.

This might relate more to the period before 1999, that is, to the time before the bombing of Serbia, and the time before the complete disintegration of Kosovo – namely, before the persecutions and exodus. However, since *no other art form is so persistently national like poetry*, as Thomas Stearns Eliot would say, the question of poetry from Kosovo, is in a way a question of

Kosovo program, a question of the survival of Serbian people, and the pain for *the motherland and burial ground* – the land of Kosovo, as the essential archetype.

According to the strength of chronotope (the place and time of happiness) and the aesthetic code, Kosovo emerges as a mythopoetic theme in the works of many authors.

This *literature in exile or literature of persecution* can bear the consequences of pathos and subjective impulse as the result of heritage, but it has, no doubt, created recognizable verse, making literature more real than any kind of reality. Not only the aforementioned writers from the area of Kosovo and Metohija belong there, but also many others, not included in this text. Writers from the territories of former Yugoslavia also belong there, those who experienced the same fate, and thus have a similar poetics.

Unlike many others who said that postmodernism is **the end of time**, Mikhail Epstein (*Postmodernism*, Slovo, Belgrade, 1998) claimed that **postmodernism is what comes after the end**, it is a **time of possible future**. All that tells us to categorize the literature of Kosovo and Metohija there: into the literature which comes after the end or in time of possible future. „The ending of a historical story does not have to be an end, since the boundary is not a place where something ceases to exist, but is <...> a place from which something starts its existence“, says B. Homi in the text *Placing Culture* [5, p. 18].

Writing about the modern novel from Bosnia and Herzegovina, Enver Kazaz speaks about literature in a **post-apocalyptic desert** in the text *The Bloody Disintegration of Society and the Poetic Uprising of the Novel*, also in *Sarajevo Notebook*.

THE PHENOMENON OF HOMELAND AND EXILE

The question of Kosovo literature is in a way a question of Kosovo program, a question of the survival of Serbian people, and the pain for *the motherland and burial ground* – the land of Kosovo, as the essential archetype.

It has been said that Kosovo emerges as a mythopoetic theme in literature for children. Moso Odalovic and Aco Rakocevic are two important writers there, one a poet, the other one a novelist – both of them poetic recounters of Kosovo sorrow.

Aco Rakocevic writes letters about that to Milica, a girl from Krajina, a two-time refugee, whose stories about Krajina led to a novel *A Man Who Jumps Over Air*. Every story of Milica ends with a sentence: *Well, I always think about my father...*

The moment we go from Kosovo, we lose direction, is a verse by Moso Odalovic, which is a testimony of Kosovo endlessness and cosmos, of the homeland where one can only define the four cardinal directions – *and somewhere, nowhere, nowhere again...*, while Stojiljko Stanisic writes about a dog crying like rain while the home of its owner is burning, and when the Albanians stopped it from jumping into the fire, they saw that: *kaj geni si shi – the dog was crying like rain*.

Other authors also talk about the refuge, and migration from Kosovo and Metohija in their works².

In the novel *Cuckoo's Snow*, through the monolog of Krstinja Draskovic, Ratko Popovic speaks about man's connection to the land where everything is „between life and death, between home and thunder, between history and testament“. It is as if the character of Krstinja came out of epic tradition, and she does not function as an individual, but as a collective voice which is a painful chronicle of history and homeland.

The novel *Taken Homeland* by Milorad Roganovic bears witness to the events from 1968 until 1981, when the *Kosovo syndrome* was clearly defined, and also to the people whose homeland was taken away from them. The writer says that for him the Kosovo homeland is mythical and epic. It is an image of ceaseless persecutions, tragic destinies, and innocent victims.

Pera Stefanovic also writes about the exodus in two of his works: in the documentary prose *Gah, My Pristina* from 1999, and in the book *The Scent of Home*, published in 2007. In these books, Stefanovic evokes his days in Pristina, in which his ancestors lived for several centuries, important people for this quiet, and now a completely different city.

In the first book, Stefanovic bears witness to the bloody events of 1999, when he was driven out, together with thousands of his countrymen, of his home and homeland. The old, quiet, dignified Pera Stefanovic believed until his last day in Pristina that he should be the last one to go. And, after numerous attacks and blackmail, „beaten, sworn at, humiliated!“ In front of so many U.S.A. witnesses and pro-Europeans! And there, in his apartment, on the wall – A Certificate and Plaque of Acknowledgement and Recognition awarded to *A distinguished citizen of Pristina* for the contribution to the development and growth of his hometown. And the document *Man of the Year 1992*, by

² The author of this work also wrote about that in her novels *Three Worlds* (2008) and *The World Outside* (2014). Both novels were published by the publisher *Albatros plus*, in Belgrade.

American Biographical Institute! And a biography in a “prestigious” Cambridge biographical dictionary! And decorations for the contribution in the anti-fascist fight, from which he got out as a minor and a war invalid. A *Russian Medal* for „victory over fascism“! And a dozen of books, three of which on the topic of old Pristina, and in which some of the honorable men mentioned are Albanians! Some of the books were translated into Albanian and Turkish. And while a child on the street is painfully kicking him on the shins, he is thinking that perhaps this little “warrior” has been learning in school from the reader in which there are some of his stories. And many books of his Albanian friends which he has reviewed... He says: „I am standing by the truck, and watching for the last time the passers-by in *my* street, the very one I was inventory of!!! There are not many of my fellow citizens. When they come along, they turn their heads away in embarrassment! My friend Nazmi Rahmani did the same, and he was once the President of the Association of Writers of Kosovo and Metohija“ (p. 223).

An image of convoy which will be “protected” by KFOR armored vehicles until it leaves the territory of Kosovo and Metohija seems paradoxical. An impossible order in chaos, paying attention to the road and time, when you leave a whole life behind. Not only a geographical space! Amid all that sorrow and sobbing, an almost Shakespearean voice resounds, the voice of the musician Toza, an inimitable wedding-time violin maestro, and the song: *Are you sorry that we have to part!*³ The song of the player Toza is a collective lament for the homeless and displaced people who are passing by followed by heavy roaring of cars and various trucks and trailers. The author’s response to Toza’s lament: *Are you sorry that we have to part!*, is: *I am sorry, and my heart is aching* – empty and devastated. Also, the image of the bombed Pristina graveyard seems like a flood. If it were the time of herald drummers, says Stefanovic, „then Aleksa, a well-known and much loved *drummer* from Pristina, would do the rounds of Pristina crossroads to announce: „Hear and behold, citizens of Pristina! There has been a crime in the cemetery! Listen here, people, if you are still there; they killed the cemetery!“ (*The Scent of Home*, p. 143) The heaps and mounds at the cemetery look as if they were coming from the underworld, and that new *relief* (i.e. *elevations of land*), says the writer, is the relief of the new order of things.

In the latest book, Pera Stefanovic evokes his love for Pristina and Kosovo and Metohija, showing

to some new people the centuries-old heritage and culture whose glow turned into a cataclysm. *The Scent of Home* is a book which, in a fact-based and documentary way, put a stamp to a life together in “brotherhood and unity”, and to a false belief in that imaginary theory. Although the writer recounted everything to journalists and observers in a large number of pages, the end of the book confirms that those from whom he expected help turned a deaf ear and a blind eye to this. And „I can go anywhere“, says the writer. „Only I could not go through my hometown, to feel its breath, the scent of home and ancestors’ graves. They would not let us do that today, but *sneaked us out* of the town using some byroads and marginal paths, like haiduks, or outlaws“ (p. 343). The only thing left to him in this helplessness was to recite his verses to strangers (foreigners) who did not understand the words, but felt the lament.

You gouged my both eyes out!

In return you sent me

in a glossy wrapper:

dark glasses and a white cane.

(...) I can read you well without the Braille!

And I read you like a book!

And the new magna carta libertatum!

And I read what you are yet to write!

Stefanovic says that he was *exiled, persecuted, cast out*, a linguistic trilemma. *Displaced, scattered, blown away* like the chaff left after threshing grains on the threshing floor of the new world order. Circumstances took him to Obrenovac, where he now “lives”, not only without a desire but also without any thought that the Kolubara or the Sava could be a replacement for the Pristevka, Velusa, Gracanka, Lab, Sitnica, Drenica, Klina, Mirusa, Nerodimka, Lepenac, Kriva Reka, Binacka Morava, Drim, Ibar, and all the rivers named Bistrica in Metohija.

In his collection of short stories, Radosav Stojanovic „elongates“ the persecution time from the Second World War until the events leading to the exodus. The severity of such doom and martyrdom is compared to Christ’s wounds, making those tragic heroes Christ’s witnesses.

Out of many characters from different intellectual and social circles, we can single out the story *The Property Master*, with the main character Andras, i.e. Lajos Balog, an elderly actor „who slowly loses touch with reality, and immerses himself into the world of actor’s dreams and fantasies“. A young Albanian who worked as a property master in the theatre and was close to the actor, comes to take his apartment from him, playing the main role for the first part in his life, that of an executioner, severe and merciless. Although he feels

³ Serbian folk poem about a parting with family and friends.

somewhat uncertain and uncomfortable, knowing how an actor lives with all those characters and sense of justice, he does not fail to wrong his two old friends, in whose home he has always been a dear guest, almost a part of the family. The naïve Andras, forever on the stage, cannot believe that such is the harsh reality, but he continues the scene from the play *Costume Designer*, with passion, but to no avail: *What? The scene has already been set? The audience is coming in? Marija, my robe, please! My costume! I am late! God, Braim, where have you been*, the actor was stuttering, while Ibrahim was attacking him, taking him by the collar: *You fool, do you want a knife under your throat!*

To his question on the following day why he was being evicted from his apartment by masked men, he got an answer that he had been carrying a weapon. „I do not deny“, the actor said, „I have been carrying it on the stage, playing Albanians from Kosovo – people from Drenica, Rugovo, Labljane – beys, merchants, outlaws, and avengers, and victims from Pec and Djakovica. Ali Deda, Bashkim, Mic Sokolji. Better than Albanian actors from Kosovo. There was a time when I was called Andri Drenica. How quickly you have forgotten all that“.

The actor mentioned all those things, thinking that if Shalja and Shanija, well-known actors from Pristina were still alive, none of this would have happened.

A mistaken belief, shared by many in that area, led Andras Balat, an actor from the story *The Property Master*, and from real life, to a field belonging to the village Ugljare near Pristina, where he has been ever since in a makeshift accommodation shared with other sad people from Prizren and Urosevac. He has been roaming with dogs, in boots and with a beard down to his knees, forever grumbling to himself: *Mrekulli (just great), I was a better Schiptar than half people from Drenica!*

In the book *Christ's Witnesses*, Radosav Stojanovic speaks about the tragedy of individuals, who are both prisoners of the past and their homeland, in a constant desire to bring back the world or return to the world from which they were exiled.

In the book *Poet and Homeland*, Nikolaj Timcenko said about Stanislav Vinaver that he, being exiled from his homeland, was in fact exiled from the **homeland of meaning**. Being exiled from one's homeland is like being exiled from the planet.

It has already been said that this reality of Kosovo and Metohija, transformed into a metaphor and a symbol, perhaps even a hyperbole; into a verse or a story, is the result of the historic tragedy present in Kosovo and Metohija for several decades, if not centuries. In the aesthetic sense, it has been an all-around national search for a valuable literary

expression, but always with certain going back to regional themes, and regional values.

It would be good not to lose something at the point where it stops, but to hold something there where and for what something comes into existence!

Writing about *Homeland Elementary Reader* by Moso Odalovic, Olivera Vuksanovic, among other things, says that „no matter where we were born, where we go, are exiled from, flee from or stay at, one thing is more than clear – our homeland is the only place from which we can never go, and we cannot go anywhere else from there, we can never totally leave it, even when we have where to go, even when we are forced to go anywhere. The *Elementary Reader* by Moso Odalovic, devoutly and happily written and illustrated by hand, is a book about every one of our homelands, because the homeland is not only the place where you were born, the space that remembers the early sensitivity, the area we have chosen or which has chosen us, as it sometimes happens, God know why. (...) It is the only place to which you can go from any other place, because, as Moso says, „*I can only tell the sides of the world in my homeland, and nowhere, nowhere else.*“ Our homeland, as the third parent, has prophetically defined us.

Moso Odalovic has, like not many of us, revived Serbian literature for children with a big experience of being protected in time and space, enriched it with the memory of Kosovo, as God's settlement. Although it is not typical for poetry for children and youth to get readership with such *hard*, epic, even political themes, Moso Odalovic has, no wonder, conquered the world with his light, humane, sorrowful and cheerful poetry, writing about his childhood in his homeland. He writes about something which is encountered by every child nowadays?

In the book *Unfinishable*, the French poet Yves Bonnefoy writes:

*What to grab but the thing that escapes us,
What to see if not that which is disappearing
into the darkness,
What to long for if not for that which is dying,
Which speaks and tears apart?
(The Last Motion)*

The thing that escapes us, is disappearing into the darkness, is dying and tearing apart, is something familiar to all those who have Kosovo as their homeland. It is the subject of the purest of poems. By using his poetic imagination, Moso Odalovic turned the image of his parents' home, as well as everything that constitutes the image of childhood, and thus welfare, into an ideal, and a sort of the only and all-time shelter. His poem *M.O. Stole a Swallow* is Moso's "poem of poems" on this subject. It expresses in the best way children's fears and helplessness

before a necessary task: *the selling of the house as the selling of the soul.*

*Something serious is going on.
Sparrows are hiding in the bushes.
Somebody's haggling with Dad –
He's buying our house.
Also everything around it:
the path, the field, water...
Home, fairest home,
they are buying the nest and the stork!
They are buying the sides of the world.
Now everything is messed up.
It is summer, the frost is crackling,
the sun is fluttering snowflakes.*

The house as the homeland, as home, is an image of a ruined tower for the people from Kosovo. As if the people who fled from Kosovo are beings from a ruined tower, i.e. beings with a ruined soul. Without it, there is no foundation, there is nothing. A house is both the basement and the roof, the deep and the high. And the circle, the center of the circle, the same as the house is the infinity, and the ancient place of memory and imagination. The house is a nest. „*I dreamt about a nest where the trees stood up to death*“, another poet wrote, using the house and homeland as places against death, oblivion, and extinction.

The Great Battle of Kosovo, as a great calamity of Kosovo, was making our grand epic poetry for centuries. That is how we got the first expression of our national poetics. The current pogrom, as a great torment suffered by Kosovo people, creates a new and recognizable poetics of disappearance and helplessness, sorrow and dying, as the second expression of national poetics. It appears that Moso Odalovic, a cheerful poet much loved by children, who like to play with him, leads in melancholy, no matter if he tries to hide his tears, or fly with sparrows, or fly with that stolen swallow, which will show the sides of the world to him.

ESCAPE AND PERSECUTION

Fleeing as refugees is not the same as going willingly, changing the place of residence, accepting another space. It is an escape. By escaping, you can, in fact, change the place of life and work, but you cannot find solace and shelter from tragedy.

A large number of poets from Kosovo and Metohija compare the unwilling leaving of the homeland, birthplace and one's surroundings, to a loss of meaning and unobliterable roots. The tendency to preserve the national memory is a dominant tendency in the poetry of Blagoje Savic.

To keep the awareness of existence and belonging, of former life in Kosovo – like ashes – is a thought

imposed by Savic, which can be grasped from the very title of his selected and new poems: *Lock the Ashes*. **Lock the Ashes** can be understood in multiple ways: to lock the sorrow and nothingness behind you, lock them behind you and prevent evil from developing and spreading, lock, that is, preserve all personal and public heritage so far, protect and don't let the feeling of belonging and identity be lost. **Lock the Ashes** like a secret you have brought with you, although it might be worthless at the moment, unpleasant because of being loaded with layers, myths, and tradition... **Lock the Ashes** – preserve the images of ancestors and historical heritage.

Although the images in his poetry are associative, surreal, indicative of the chaos left behind; they anxiously give a surreal image of what there is or can be grasped. „Light is the power of small nations“, he writes in the poem *The Power of Small Nations*,

*Their past cannot find
Its sandy cove
to get a new home again.*

A failure to find direction, the feeling of despair and hopelessness, is the atmosphere in which the subject of his poetry is passing through or resides. It is chaotic and hopeless without any known faces, friends and family.

*What Now
Guided by an unfamiliar voice
Who can move
to anything
A chaotic place
increases the feeling of emptiness
breathes a mess*

(Kosovo, what now)

An apocalyptic image of fear which appears as „a ridicule of the mind“, is a testimony of the strength of the poet who is torn in a nightmare, endangered by many things due to somebody else's will.

Kosovo, what now? As if it were enough to pose this dilemma? To mention a name which is sufficient for a short or a long poem, a novel, a play. The drama of Kosovo doom has created an elegy „with a sober concept“, to use a term coined by Sasa Radojic.

Blagoje Savic's doubts and queries, which appeared after the bombing (1999), in exile, are a continuation of his poetic expressions. „Although its form is modern,“ according to Sasa Radojic, „this poetry do not cease to exploit mythic and folk symbolism. This can also be said in a different way: always rooted in tradition, it *searches* for its own measure of distinction“ [6, p. 16].

Speaking about the poetry of Darinka Jevric, one of the most significant Serbian poets from Kosovo and Metohija, is always a return to or a reference to the specific. That *specific* is not always in the spirit of

time, which is also true about today. To live in Kosovo and Metohija, and be a contemporary Serbian poet with a unique poetic style, does not have to mean that the causality and effects will be bound to appear as traditional, pathetic or anachronic. She spent a lifetime in Kosovo. When she moved from Kosovo (we don't say *left*), she stopped writing poetry, the way she stopped breathing. She remained faithful to Kosovo and Metohija until her last breath and last verse. The tragedy of Kosovo is followed by epic images, epic intonation, epic singing, as the most suitable metaphorical meaning. That epic note and form contributes to the general character of Kosovo drama in some poems with the theme of Kosovo reality. *Darkness dawning through rays / rainbows through dusk / cawing of crows over Gracanica. / Crows all day / blackness all day!*, in the poem *The Parliament of Crows in Pristina*. Somebody said that these poems are „a diary of a deep and personal experience of all Serbs and Montenegrins in Kosovo“. Darinka sang for all homeless and desperate people, turning hatred into goodness, wailing into duty, replacing skepticism with faith. In the poem *Sunset*, one of the last poems created as *Emissary from the Sunny Hill*, Darinka peacefully says goodbye to the day as if to life itself:

*Locking eyes in a golden evening
We look at each other: the sunset and me
We are somehow always late for the rising
Either the sun, or me, or the day.*

That is how silence and loneliness are compared to eternity, as Darinka would say „to the metaphysical awareness of ancient fear, which intensifies the fear for the destiny of the people“. The tone in her poetry often turns into solemn confession.

The author evokes that world by identifying with what she encounters, be it a fresco, the bells of Decani, a warrior's love. The aim of such poetic evocation is to give it a permanent substance and timeless value, to transport these things into eternity. We can thus say that Darinka Jevric transforms her poetic fluid, a moment, her lyrics, and a personal experience into the big picture, general matter, and wide movement. Therefore, we can say that she creates epic poetry by using lyricism. The lyric interweaves with the epic, which is an essential trait of the poetics of Darinka Jevric, and her own dramatic creation. That is her silent embroidery, her prayer, her wail, and her firm walk through the drama of Kosovo doom. It's a warrior's psalm and the prayer of the bells of Ljeviska, Decani, and Gracanica.

Radoslav Zlatanovic is one of the leading Serbian poets from Kosovo and Metohija of the so-called “new wave”, as the poetry of the second half of the 20th

century has been named by Danica Andrejevic. What can be grasped from his poetry after leaving Kosovo is a new patriotism and a new Kosovo theme.

In refuge, he writes the names of places and the dates of foundation, and based on the unpublished manuscript *Completed Verses*, we can see that Zlatanovic opted for a great number of toponyms, in order to speak about the nature of such important linguistic determiners. That is not just a simple confirmation of the etymology of words, together with all those grammatical, linguistic, morphological and other characteristics, but an idea to determine the belonging of places, towns and villages, rivers, and mountains based on the etymology of words. Not only in Kosovo, but in the wider region.

In the cycle of poems *Serbian Thresholds in Albania*, in the poems *Vraniste, The Tower, Dreams, Ashes*, Zlatanovic enumerates the places, river and settlement names, people and towns, where old forms with the Slavic, i.e. Serbian root and meaning are mentioned.

The poetic formation of this lexicon of words and names is connected to a wider and deeper semantics, to the questioning of origin and belongings, as well as to robbing an individual and wider community who left their “thresholds” of joy and life. The poet complains that nobody sees or hears the struggle of refugees, that everything has become chaotic, individuals and friends who disappear without a trace, but also total communities. Indifference is the true face of a great fall and misfortune, and people don't care what an individual will become or what will happen to him.

Aleksandar Lakovic tries to turn that historical space into a cosmic construction, softening it by generalizing it, focusing it not only on daily qualifications, but on the *Secret*, religious objectivity and devotion. Quietly and calmly, the way he lives and works, Lakovic respects the extremes and the scream of Kosovo daily life, trying to „close the window“, until *the storm passes*.

*Under the holy bones of the founders
We crawl,
Stooped over*

*Three times
There is no sound*

*We gain right for
a candle
a prayer*

*from the wall
the eyes of Jesus*

follow us

wherever

we move

even outside the fortification

Unlike the poetry of a lot of writers from Kosovo and Metohija, his poetry boldly relies to the “help from above”, to some cosmic harmony which will save us, if we just only protect ourselves better. Not save us now and here, and not in the physical sense – obviously, but in the spiritual sense, which is the most important one, as it has been proven throughout history.

Poets who have placed their happiness and personal life in the frame of their outer being - the homeland of their soul - in their home place - are rare in world literature. They placed it in Kosovo, as the most mythical of all homelands. The Old Testament and New Testament one. On their Golgotha, and at their last judgement.

Milica Jeftimijevic Lilic is almost uncompromising when she compares her life to Kosovo itself, where death is *less important* than losing the homeland. If one leaves, there is a danger of falling into despair and alienation. A departure from Kosovo would silence the prayers of apostles, the *Three-handed* Theotokos would go blind, and Decani would begin to see „to see the evil“, says the poet, everything would change for the worse: the essence of heaven and earth would be lost; man would not be whole any more, nor cosmos the same. It is clear here that, although the poet is not in her homeland, she thinks that a true apocalypse would happen if Kosovo was completely lost. Everything in her poetry is less important than the homeland. Death included! Her verses of sorrow and crying are very powerful.

Speaking about the poetry of Darinka Vucenic, Zoran Gluscevic said that: „The term of patriotism under the pressure of so-called mondialism remains something which is not only outdated but also ugly and antihuman; the old poetic vocabulary of patriotic poetry related to the liberation movement and the success of Serbian people after the 19th, and at the beginning of the 20th century has in time thinned out and lost its edge... and the theme is prone to risks“[4, p. 175].

The Kosovo propensity for myth and the cult of suffering is dominant in the poetry of Dragisa Bojovic. In the collection *Holy Elegy*, inspired by hagiographies and holy sermons, Dragisa Bojovic, as a theological aesthete, deals with the issues of meaning and existence of the world. Christian and local themes, formed by prayers, place this collection into the canon of Orthodox spiritual letter books. He related the centuries-long *suffering* in Kosovo to calvary, comparing the suffering of people from Kosovo to Christ’s suffering.

Bojovic evokes characters from old and new Biblical iconography in order to drive away the current suffering and call for salvation.

POETRY IN THE GHETTO

When we talk about the persecution of writers from Kosovo and Metohija we can talk about persecution from multiple aspects. We can talk about physical persecution, when one is forced to leave their home and hearth, the general space which contains the so-called Bahtinovski phenomenon of chronotopia, when one is left without *signs by the road*, without meetings, joy for going or coming back, without general synonyms for man: job, home, school, street, field, theatre...

We can (especially) talk about persecution, exodus, confinement, and punishment, when we talk about the group of Kosovo writers who accepted the ghetto as their destiny, and turned their inner struggle into wailing and writing about injustice and helplessness. *Returning backwards* is withdrawing into oneself, returning to one’s childhood, the past, a memory of happiness. When we talk about creators who devoted their life and work to Kosovo, still staying there as guardians, something can be noticed, something which will show itself as an interesting and theoretical characteristic for future research. Namely, after 1999, after the fall of Pristina, Kosovska Mitrovica takes over the role of the main Serbian city, the role of the cultural center, as well as the center for many other fields. Remaining until now (2015) the center of spiritual, scientific, political, and economic being of the Serbs in Kosovo and Metohija, Kosovska Mitrovica gathers a number of creative people; it renews, preserves, and initiates a lot of ideas and events. In the so-called *free zone*, next to central Serbia, the writers of Kosovo and Metohija have spoken about the reality of Kosovo in a more open, powerful and louder voice, in a more epic way. The circle of poets from Kosovska Mitrovica has the greatest number of authors. Namely, conditioned by its present state and status, Kosovska Mitrovica has taken over the responsibility and burden of the capital city, being the only city in which Serbs from Kosovo and Metohija can live and work in a dignified way. All important institutions of Kosovo and Metohija are in Kosovska Mitrovica, the University of Pristina perhaps the most important among them, especially regarding the theme we are talking about here, with all study groups that existed before 1999, and the Association of Writers of Kosovo and Metohija.

The most important representatives of contemporary Serbian literature in Kosovska Mitrovica are: Milan Mihajlovic, Novica Sovrljic, Lenka Jaksic, Vidosava Arsenijevic, and others.

Enclaves got the short end of the stick. Some centers, like Pec, Prizren, Urosevac, Gnjilane, and especially Pristina, have completely gone silent, numb... Nothing has remained in the possession of Serbs (at least during these last years), out of material culture, libraries, the University, schools, museums, publishing houses, associations... Small groups of artists gathered around Gracanica, near the City of Pristina, as a cultural center; around the Cultural Center and the monastery, as well as around the University branch. During the last few years, the greatest work has been done by enthusiastic individuals, those who have recognized the importance and value of spiritual survival. Here, the most significant one is Dragomir Kostic, a poet, researcher and university professor, who has been gathering people around him or joining those who were active before 1999. He is also one of the most significant representatives of Serbian literature of Central Kosovo. Apart from Kostic, the poets who also belong to that circle of poets and victims are Ratko Popovic, Dragan Nicic Cinoberski, Zivojin Rakocevic, Zivorad Milenkovic ... We should also mention Petar Saric here (living alone in Brezovica, under the mountain Sara)... As a poet, journalist, and public figure, Zivojin Rakocevic made a lot of problems of Serbs in Kosovo more visible, and informed the public about them. He has spoken on behalf of many people and for all of them. It has often been very risky for him to call from conflict-afflicted areas and situations, the way that his existence in Kosovo presents for many people some sort of hope and proof that it is possible to remain there, that it is important to endure. He gives an important contribution to the current kind-of-sufferable cultural and political life of Serbs in the central part of Kosovo and Metohija.

In a large number of poems, in an unexpected lyrical way, Dragomir Kostic has spoken as a folk bard being whispered to words and thoughts by stars. Gentle and pure as a child, the poet Kostic believes in light and beauty; he does not doubt or curse fate. That is why he believes that Gracanica will survive, and that *one hundred godlike beauties* will survive. Kostic believes that we are losing Kosovo because *we do not deserve it*.

*Perhaps we have not loved you enough
/Or cherished you much.
Or prayed to you (or for you)*

*Forgive us for possibly being coarse
Thinking more about ourselves
Being dedicated to ourselves
Sometimes in our history (Dedication)
of preserving our bare lives A daily
Worry simply forced us to*

*Forget not only where we live
But also that we
Live at all*

*Forgive us Forgive us But that's us
The way you
Kosovo
Made us*

(And perhaps we don't deserve you)

Like in a prayer, begging God to do everything possible to prevent that everyone leaves Kosovo, which would be the greatest evil so far, Kostic prays for forgiveness for the committed sins, selfishness in love, and oblivion, in the poem *To God of Kosovo*. He prays with a song over the ruins, over scattered bones, in grain fields, the pits of Volujak, with the cry of harvesters in the field, a frozen laughter of children – swimmers in a river, that at least in the *remaining parts* of Kosovo there is somebody left... A chronicler of the gravest Serbian reality in Kosovo and Metohija, at the most terrible time for the Serbian people, in the last decade of the 20th, and the first half of the 21st century, he says that there is no myth of Kosovo, meaning that that myth, related to the Battle of Kosovo, is now outdated and has been pushed into the background by what has been happening to Serbs in the newer history. Now, there is a myth about an exiled people. Or about a few remaining people there - all the same! Now, the myth of a taken-away country and a persecuted people is stronger, and the defeat greater. (In his defeat, a believer sees a triumph, Kierkegaard) In *the Map of Kosovo*, a poem-document, as in a „dead bible“, the poet gives all the places in Kosovo in the alphabetical order, from Ajkobila to Sumnik, making thus a unique and unusual dictionary of disappearing.

Dragomir Kostic is the most authentic poet from Kosovo and Metohija, and from the “old” central Kosovo, Kosovo around the Lab and Sitnica, Gracanica and Susica (the so-called Central Kosovo)... It will yet be written about the stylistic and poetic quality and value of this literature, because the contemporary quality of this poetry and a certain aggressive unusual quality of its form and essence make it the poetry of *future time*.

For a poet there is no award that can be measured by Kosovo, there is no eternity or happiness without Kosovo! There is no price or measure for Kosovo!

Due to his inability to distance himself from everyday current reality and politics, Dragan Nicic Cinoberski often presents himself as a critique of the new world order. These poems, although they have not lost their poetic or aesthetic qualities, but are under the risk of doing so (on purpose, one would say), can stand up to genocide and destruction as a program. We

believe that their task is wider, deeper and more all-round than to be used for political purposes!

INSTEAD OF A CONCLUSION

When we speak about the literature of Kosovo and Metohija, no matter when it was created, we can differentiate certain factors which make that literature unique and recognizable. It is characterized by:

- specificity of themes and motives;
- *The Battle of Kosovo* as a central starting point, especially in older works;
- Kosovo heroics and Kosovo doom;
- the relation between heaven and earth;
- a bad social situation;
- regionalism;
- ethical and aesthetic measure;
- noticeable ethical quality; fight for justice and purity;
- Genre dominance: prose from the beginning of the 20th century, poetry at the beginning of the 21st century;
- recognizable poetic-stylistic quality (use of localisms, archaisms, words of Turkish or Albanian origin, use of expressive figures, sensuous images, hyperbole ...);
- focus on religious themes;
- persecution and resettling;

- lost (taken-away) homeland;
- survival and suffering;
- emotional exclusivism;
- Kosovo and Metohija as a value measure of everything human

That kind of focus, like an archetype, could be seen in the works of older Serbian writers from Kosovo and Metohija who „depicted the clashes of irreconcilable sides which have been poisoned by hatred for anything foreign due to permanent animosity for each other.

References

1. Andrejevic, D. *The Panorama of Contemporary Serbian Poetry of Kosovo and Metohija*. *Bastina*, vol. 16. Pristina-Leposavic: Institute of Serbian Culture. 2003.
2. Denic, S. *Persecution and Homeland*, Institute of Serbian Culture, Pristina-Leposavic, 2011.
3. Epstein, M. *Postmodernism*, Slovo, Belgrade, 1998.
4. Gluscevic, Z. *On the Poetry of Darinka Vucinic, About the Soul of the Homeland*. // Vucinic, D. *The Throat of Peony Land*. Backa Palanka: Logos. 2010.
5. Homi, Bhabha K. *Placing Culture, Sarajevo Notebook*, no. 13, 2006.
6. Radojic, Sasa. *Lock the Ashes*, preface, Panorama, Pristina, 2009.
7. Timcenko, N. *Poet and Homeland*, Bagdala, Krusevac, 1964.

УДК 355.01:316.6(616.89)

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-40-45

**Миличевич Н. М.
Миленович М. Б.
Маркович Д.**

**ВОЙНА И ПСИХОТРАВМА: РАЗМЫШЛЕНИЯ
О ПСИХИАТРИЧЕСКИХ ПОТЕРЯХ В ВОЙНАХ XX СТОЛЕТИЯ**

Миличевич Небойша М., доктор психологических наук, доцент. Философский факультет Университета в Нише ул. Кирилла и Мефодия д. 2, г. Ниш, 18000, Республика Сербия. E-mail: nesa2206@gmail.com
Миленович Миодраг Б., доктор психологических наук, доцент. Философский факультет Университета в Нише ул. Кирилла и Мефодия д. 2, г. Ниш, 18000, Республика Сербия. E-mail: mbmilenovic@gmail.com
Маркович Деян, доктор филологических наук, профессор. Философский факультет Университета в Нише ул. Кирилла и Мефодия д. 2, г. Ниш, 18000, Республика Сербия. E-mail: dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs

Аннотация

В работе рассмотрены психические расстройства в истории военных конфликтов в различных регионах и способы их лечения. Психические расстройства в ходе военных действий довольно часто появляются не только у военных лиц, но и у гражданского населения. Поэтому отдельное внимание необходимо уделять профилактическим мерам и укреплению устойчивости к страху, тревожности и панике. В боевых подразделениях следует применять опыт прошлых войн, а также принципы поэтапного лечения психотравмированных лиц. Кроме рассмотрения феномена психиатрических потерь в последних войнах, на рассмотрение выносятся опыт авторов и военных психологов по работе с солдатами и офицерами, участниками военных действий на просторах бывшей Югославии. Большинство из них имели симптомы посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), которые становились все более интенсивными в мирное время. В статье рассказано о случаях солдат и офицеров, которые были направлены на специализированные психиатрические осмотры. Все приведенные данные говорят о необходимости проведения профилактических мероприятий, укреплении боевого духа и стрессоустойчивости, устранения тревожности и паники в чрезвычайных ситуациях.

Ключевые слова: посттравматический стресс; военный дух; страх.

**Nebojsa M. Milicevic,
Miodrag B. Milenovic
Dejan Markovic**

**WAR AND MENTAL TRAUMA: REFLECTIONS ON PSYCHIATRIC
LOSSES IN WARS OF THE TWENTIETH CENTURY**

Milicevic Nebojsa M., Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor. Faculty of Philosophy, State University of Nis 2 Cirila i Metodija, Nis, 18000, Serbia. E-mail: nesa2206@gmail.com
Milenovic Miodrag B., Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor. Faculty of Philosophy, State University of Nis 2 Cirila i Metodija, Nis, 18000, Serbia. E-mail: mbmilenovic@gmail.com
Marković Dejan, Doctor of Philology, Professor. Faculty of Philosophy, State University of Nis 2 Cirila i Metodija, Nis, 18000, Serbia. E-mail: dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs

Abstract

The paper reports on psychological disorders throughout the history of wars in different regions and various ways of their treatment. War related psychological disorders are common not only in war veterans and their superiors, but also in civilians. This is why preventive activities, such as strengthening the resistance to fear, anxiety and panic, are extremely important. The experience gained in previous wars should be relied upon when working with combat troops and the principles of treatment of psychologically traumatized should be applied in stages. In addition to discussing psychiatric losses in recent wars, we shall present our experiences as military psychologists with troops and commanders during recent wars on the territories of former Yugoslavia. The majority of cases reflected the symptoms of post-traumatic stress disorder (PTSD), while disorders occur and/or intensify after the war, in which trauma was suffered. The paper discusses the cases of several soldiers and commanders who were referred to specialists for psychiatric examination. The findings emphasize the importance of preventive activities to increase combat morale and of the necessity to strengthen resistance to fear and panic in war situations.

Keywords: post-traumatic stress disorder; combat morale; fear; prevention.

Во время военных операций часто возникают психические расстройства и нарушения. Эти расстройства психики в военных частях и подразделениях могут существенно ослабить их боеспособность. В истории проведения военных действий зафиксированы случаи так называемых *психиатрических потерь*, а их процент иногда даже превышал отметку в 50 % [4, с. 200–232; 10, р. 190–208]. В течение Первой мировой войны в сербской армии, находившейся в очень трудных условиях, болезненный личный состав которой противостоял многочисленному противнику, но в которой была очень высокая моральная подготовка, – зафиксировано всего два случая психотравмированных бойцов. Необходимо иметь в виду, что в этой войне погибло более четверти всех взрослых жителей Сербии.

Рис.1. Сербский солдат в Первой мировой войне. В этой войне (1914-1918) зарегистрировано всего несколько психиатрических расстройств.

Fig. 1. Serbian Soldier in the First World War (1914-1918). In the Serbian Army there were only few psychiatric disorders

Во Второй мировой войне в Народно-освободительной армии Югославии до 1943 года, пока модель пополнения армейских подразделений была добровольческой, зафиксировано очень мало психиатрических потерь. После 1943 года, когда была введена воинская обязанность и стали применять насильственную мобилизацию, этот показатель значительно вырос. Самыми частыми проявлениями стали истерические реакции («болезнь атакующих», «психоз Козары» и пр.), которые часто получали неправильный диагноз – эпилептический припадок [2, с. 7-142].

В Великобритании в период Второй мировой войны, согласно некоторым данным (Капор; Костич), было 33 % психиатрических потерь [2; 4, с. 207], в американской армии, по данным War Department 176 [3; 4, с. 207], эти потери составляли около 30 %. В Красной Армии [1], согласно Лобастову и Давыденко [2; 4, с. 206], процент психиатрических больных в специализированных госпиталях армейских и прифронтовых районов составлял 6 %, что говорит о высокой моральной подготовке советской армии (см.: рис. 2., табл. 1).

В немецкой армии во Второй мировой войне не зафиксированы психиатрические потери, так как таких солдат объявляли трусами и предателями, их сразу расстреливали или вешали [10, р. 190–208].

Рис. 2. Процент психиатрических больных в специализированных госпиталях армейского и фронтового района составлял 6 %, что говорит о высокой моральной подготовке советской армии (Белград, 1945).

Fig. 2. Percent of psychiatric disorders in the Russian Red Army in the Second World War was 6 %. That fact gives evidence for high morale of Russian soldiers (Russian Army in Belgrade, 1945)

Таблица

Представление данных о психиатрических потерях в некоторых армиях (согласно П. Костич [4]) / Table. Mental disorders in diferent armies [4]

Война / War	Армия / Army	Психиатрические потери / Mental disorders	Нарушения / Infringements	Комментарий / Comment
I мировая война	Великобритания (Англия)	7,4 %	Mackensie - Soldier Heart	346 солдат были расстреляны из-за плохой морали
I мировая война	Сербия	0 %	0	
II мировая война	США	14 %	На 1 отравленного приходилось 20 невротиков со схожими симптомами	50 % возвращены в строй, а 41 % в тыл
II мировая война	Германия	Нет данных		Все солдаты с психическими нарушениями расстреляны или повешены и объявлены трусами
II мировая война	Красная Армия	6-11 % (Н.М. Тимофеев)	истерия, неврастения, реактивный невроз	88,2 % возвращено в строй
II мировая война	Югославская армия	0,6 % до 1943 г. 52 % до 1945 г.	истерическая реакция, эпилепсия	Повышение показателя с введением военной обязанности

Интересен тот факт, что количество психотравмированных лиц в тылу было намного больше, чем на передовой, а самое меньшее количество таких лиц было в специализированных подразделениях. Больше психотравмированных было в атаках, чем в обороне. В начале и в конце войны и даже в мирное время существенно больше фиксируется психотравмированных лиц, чем во время самых ужасных военных действий.

Из опыта военных психологов в период бомбардировок НАТО Республики Югославии заметим, что довольно большое число резервистов из Пиротского района было направлено на психиатрические осмотры перед бомбардировками пригородных участков, гораздо больше, чем это было в начале бомбардировок и когда они стали интенсивными. В мирное время в течение службы в армии были замечены более частые случаи «самоволки» или нанесения самоповреждений в подразделениях по сравнению с периодом ведения военных операций [5; 8; 7, с. 77].

Прежде чем продолжать рассматривать настоящее явление, необходимо определить и разграничить такие понятия как стресс, травма и посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР).

Стресс представляет собой «тревожное событие жизни, которое сопровождают биохимические, физиологические и когнитивные изменения и изменения в поведении с целью долгосрочного приспособления и адаптации

человека к ситуации, в которой находятся под угрозой его жизненные ценности...» [4, с. 201].

В отличие от стресса травма определяется как «внезапное и жестокое событие, которое затрагивает личность настолько сильно, что она временно теряет психологическое равновесие и ведет себя неподобающим образом и/или у нее проявляются симптомы физического (телесного) либо душевного расстройства» [4, с. 202]. В этом смысле война представляет собой общественный стресс, который наступает, когда в высшей степени находится под угрозой выживание индивидуальной личности и целых социальных групп, к которым она принадлежит.

В соответствии с критериями диагностики ДСМ-4 (Самарджич, Шпирич) посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) обладает следующими характеристиками [9, с. 49].

А) Человек подвергся травматическому событию и при этом 1) пережил, присутствовал или столкнулся с одним или несколькими событиями, которые подразумевали фактическую или надвигающуюся смерть либо тяжелые физические повреждения или угрозу физической неприкосновенности его личности либо другого человека и 2) реакция этого человека подразумевает интенсивный страх, беспомощность и ужас.

Б) Симптомы повторного переживания травмы приводят к одному из следующих пяти симптомов:

1) рекуррентные (повторные), навязчивые и неприятные воспоминания о травматическом событии;

2) рекуррентные неприятные сны о травматическом событии;

3) впечатление о том, что травма снова происходит через а) сопереживание травмы; б) галлюцинации; в) диссоциативные эпизоды возвращения в травматическое событие при внезапном пробуждении;

4) очень выраженный дискомфорт при контакте с раздражителями, которые символизируют какой-либо аспект травмы либо напоминают о ней и

5) физиологическая реакция.

В) Симптомы забывания ситуаций, связанных с травмой или «обобщенное онемение» с проявлением не менее трех симптомов из следующих: 1) избегание размышлений, переживаний, чувств либо разговоров, которые касаются травмы; 2) избегание осуществления деятельности, мест или людей в связи с травмой; 3) невозможность вспомнить аспекты травмы; 4) снижение интереса к участию в деятельности; 5) чувство дистанции или отчуждения к другим людям; 6) сужение сферы чувствительности и 7) чувство бесперспективности по отношению а) планов работы, б) планов брака и семьи, в) ожиданий и планов старости и будущего.

Г) Симптомы раздражительности (два из пяти): 1) затруднительное засыпание или непостоянная фаза сна; 2) раздражительность или вспышки гнева; 3) трудности со сосредоточением внимания; 4) сверхнастороженность и 5) выраженная реакция испуга и подергивания и нервные тики на безобидные раздражители.

Д) Продолжительность данных изменений наблюдается дольше месяца и приводит к нарушениям в социальном, профессиональном и в других планах во всех важных областях жизнедеятельности.

Как мы уже упомянули, война представляет собой общественный стресс, который возникает в случае крайней угрозы выживанию индивидуальной личности либо целых общественных групп, к которым она относится. Это касается и представителей военных подразделений (солдат и офицеров), и мирного охваченного ужасами войны населения.

Посттравматическое стрессовое расстройство у солдат может проявиться разными способами (всего четыре): а) в самом бою, без предыдущего травматического опыта; б) в бою после пережитого травматического события; в) после проведения боя, в перерыве между боевыми действиями или после ухода с передовой линии и г) после войны, окончания боевых действий и после демобилизации в мирное время.

Во избежание значительных психиатрических потерь среди солдат необходимо принять меры для приобретения сопротивляемости к возникновению страха, тревоги, паники и психических расстройств [2, с. 106-111]. Некоторые из таких мер следующие:

1) Развитие личной и коллективной мотивированности к победе.

2) Реалистическая, своевременная и интенсивная боевая подготовка.

3) Развитие реалистического понимания опасности и ужасов войны.

4) Хорошая и своевременная информированность о глобальной и военной ситуации.

5) Личный пример офицеров для подражания, равнение на храбрых личностей.

6) Постоянное поддержание контактов с реальностью и организация деятельности.

7) Постепенный переход боевого состава от выполнения более легких к тяжелым боевым задачам.

8) Разъяснение, что страх – это нормальное явление.

9) Ознакомление личности с собственной психической жизнью.

10) Развитие солидарности коллектива и подразделения.

11) Навыки и мудрость управления и командования.

Что касается устранения боевой усталости, необходимо применять основные четыре принципа:

1) *Быстрота*. Необходимо как можно скорее реагировать, если это возможно, и на самой «боевой линии». На начальной стадии травмированное лицо доступно, восприимчиво к влиянию коллектива и может легче пройти через кризис. Этот принцип предотвращает попытку (часто неосознанную) достижения вторичной выгоды.

2) *Позиция ожидания положительного исхода*. Для солдата лучше всего, чтобы он лечился в среде и окружении, в которых он будет считать, что все заинтересованы в его выздоровлении. Следует избегать атмосферы больницы и предотвращать ятрогенизацию¹ и реализацию вторичной выгоды.

3) *Простота*. Солдату нужно говорить, что его болезнь не имеет серьезного характера и что она должна лечиться простыми методами.

4) *Централизация* подразумевает организованную госпитализацию через один

¹ Ятрогения – ухудшение психического (в данном контексте) состояния пациента из-за неправильного истолкования им слов и действий врачей. (Прим. ред.)

центр, который располагается как можно ближе к месту военных действий. Таким образом обеспечивается, чтобы профессиональная служба своевременно приняла более тяжелые случаи и чтобы не создавалась возможность моделирования и обострения психотравмы в целях достижения вторичной выгоды.

В процессе проведения военных действий в регионе бывшей Югославии, а также в период бомбардировок НАТО в 1999 году военные психологи в своих боевых подразделениях непосредственно работали с солдатами и офицерами с целью профилактики психических расстройств на войне.

Что касается лечения психически травмированных лиц, на фронте оно осуществлялось по поэтапному принципу. Военные врачи и психологи в подразделениях, которые не были охвачены войной, направляли своих солдат в психиатрические службы Военного госпиталя в Нише и в Военно-медицинскую академию в Белград. В Нишском регионе осуществлялось сотрудничество с психологом из Военного госпиталя [Божидаром Любишичем] [6], а также с высшим должностным командованием.

Интересно, что когда речь идет о ПТСР, главные расстройства проявлялись уже после окончания боевых действий, даже по прошествии нескольких лет после войны; в мирное время они в первую очередь выражались нарушениями в социальной, семейной, профессиональной деятельности и в прочих важных сферах жизнедеятельности. Об этом свидетельствуют многочисленные истории болезни и заключения бригадного психолога. В дальнейшем тексте мы приведем всего лишь несколько типичных примеров ПТСР у солдат и офицеров из подразделений Пиротского и Нишского гарнизонов.

Пример 1: капитан, 40 лет, женат, отец шестилетней дочери, с 20-летним стажем военной службы. Провел шесть месяцев на войне. Храбро и самоотвержено сражался. После возвращения наблюдаются проблемы со сном, его мучают кошмары и сны с картинками военных действий (чаще всего ему снятся три его погибших солдата). Чувствует усталость, бессилие, жалуется на головные боли в лобной области. Отчужден, с бурными вспышками гнева и агрессивным поведением. В недавней ссоре с женой сломал стол. Сам пугается своих неконтролируемых реакций, поэтому избегает контактов с ребенком и женой. На тесте умственных способностей показал высокие результаты, а тесты личности (ПИЕ, ММПИ-201) говорят о невротическом реагировании и о

симптомах ПТСР. Направлен в отделение невропсихиатрии Военного госпиталя в Нише и после терапии лекарствами симптомы у него стали чуть слабее, но позже появились подергивания и нервные тики на малейшие раздражители. Через десять лет переживает тяжелую семейную трагедию. После этого выявлены серьезные депрессивные отклонения, из-за чего несколько раз был госпитализирован.

Пример 2: солдат, 22 года, явился на прием к психологу из-за страхов, бессоницы, ночных кошмаров, тремора, потери аппетита и общего перевозбуждения. Появление своих проблем он связывает с травматическим событием, произошедшим два года назад, когда он присутствовал при ранении лучшего друга, которого ножом уколол один албанец. На службе в армии чувствует страх и стыдится, что не будет в состоянии выполнить обязательства, которых от него ожидают командиры. Родителям по телефону повторяет суицидальные мысли и намерения: «я убью себя». Интеллектуальные способности на уровне выше среднего, но в подразделении неэффективен. Личностные тесты говорят о том, что речь идет о гиперчувствительной личности с крайне низким порогом фрустрационной толерантности, упадком жизненного динамизма, что влияет на слабую мотивированность. Ночью иногда появляется сомнамбулизм, резко прыгает с кровати, бьет руками по тумбочкам в спальне комнате и кричит: «Вперед, бежим...». После нескольких психиатрических процедур и контактов с военным психологом его мотивированность улучшена, жизненный тонус поднялся и стабилизировался, а при поддержке боевых товарищей успешно закончил военную службу.

Пример 3: капитан, женат, имеет двух сыновей, семнадцати и пяти лет. Как командир роты неоднократно получал благодарности, имеет шесть медалей и два денежных приза от командования. Участвовал в боевых действиях в Хорватии и Косово. Чудом выжил при обстреле казармы, когда смело вытащил коллегу из-под завалов и вынес его на плечах. Получил удары в голову (спереди справа и в области шеи), после чего потерял сознание. Он отказался от осмотра, но в последующие дни у него возникают головные боли в височной области («как будто кто-то тыкает отверткой») и слабость в ногах и теле. При утреннем пробуждении чувствует сильное головокружение и потерю равновесия. Часто не может сосредоточиться, внезапно возникает разрыв и блокировка мысли в процессе работы. Он снова после трех месяцев был задействован в боевых операциях, но из-за психологических проблем отправлен в Военный госпиталь, где его госпитализировали. Жалуется на

больничную обстановку, отказывается от лечения, хочет вернуться на фронт. Со злостью, агрессивно реагирует на врачей и весь персонал больницы. После этого чувствует угрызения совести из-за такого своего поведения. Ночью часто просыпается внезапно с чувством страха и сильной тахикардии. Его мучают кошмары и навязчивые повторения травматических картин с поля боя. Внезапная потеря веса (около 15 кг), а в поведении преобладает подавленное настроение с падением динамики – аппетита, либидо и сна. Личностные тесты показывают замкнутость, склонность к отчуждению, снижение социальных интересов с предпочтением психосоматических реакций и конверсивным реагированием. Отмечается чувство собственной неполноценности, отсутствие перспектив, потеря воли и пессимизм. Со временем происходит улучшение адаптации к условиям мирного времени, но психосоматические расстройства остаются в виде артериальной гипертензии и тахикардии с чувствами отчуждения и изменения.

В приведенных выше примерах солдат и офицеров непосредственно видны симптомы ПТСР. В большинстве случаев речь идет о категориях появления дискомфорта после войны и окончания боевых действий в мирное время, когда возникают серьезные нарушения в социальном, профессиональном плане и в других важных областях жизнедеятельности. Наблюдая за отдельными примерами на протяжении определенного времени, мы увидели, что острые психические отклонения проявляются незначительно, но что очень часты психосоматические нарушения в виде артериальной гипертензии, сердечных болезней, астматических симптомов, проблем с пищеварением, язвы и прочего. Из-за нарушенного состояния здоровья многие из таких больных вышли на пенсию, а некоторые и умерли от инфаркта, инсульта, суицида и пр.

Результаты представленного анализа свидетельствуют о том, что необходимо применять профилактические меры до проведения боевых действий, во время военных действий, но также необходимо длительно наблюдать за психическим и медицинским состоянием участников военных операций и после их окончания.

Литература

1. Желтов, А.С. Солдат и война. М.: Изд-во Министерства обороны СССР, 1971. 318 с.
2. Капор, Г. Ратна психијатрија. Београд: Војноиздавачки завод, 1982. 444 с.
3. Клајн, Х. Ратна неурола Југословена. Београд: Народна армија, 1953. 155 с.

4. Костић, П. Психологија борбених јединица. Београд: НИЦ Војска, 2000. 327 с.

5. Милићевић, Н. М. Карактеристике личности адолесцената са аутоагресивним тенденцијама // Годишњак за психологију. №. 1 (1). Филозофски факултет Ниш, 2002. С. 225-233.

6. Љубишић, Б. †, Милићевић, Н. М., Миленовић, М. Б. Процена успешности селекције оператора противоклопних вођених ракета (ПОВР) Војсци Југославије // 46. Научно стручни скуп психолога Србије – Сабор 1998. Књига резимеа. Аранђеловац, 1998. С. 64-65.

7. Милићевић, Н. М. Профил индекс емоција адолесцената војника са ранијим самоповређивањима // 44. Научно стручни скуп психолога Србије – Сабор 1996. Књига резимеа. Зборник радова. Друштво психолога Србије. Врњачка Бања, 1996. С. 77-78.

8. Милићевић, Н. М., Цветковић, В. Анализа узорка и мотива самовољног удаљавања из јединица // Нови Гласник – војностручни интервидовски часопис. Београд: Војноиздавачки завод, 2000. № 2. С. 13-18.

9. Самарџић, Р., Шпирић, Ж. Посттрауматски стресни поремећај // Војносанитетски Преглед. 2004. № 61(1). С. 47-57.

10. Watson, P. War on the mind: The military uses and abuses of psychology. New York: Basic Books, 1978. 534 p.

References

1. Zheltov, A. S. *A Soldier and a War*. Moscow: Publishing House of the Ministry of Defence of USSR, 1971. 318 p.

2. Kapor, G. *Military Psychiatry*. Belgrade: Vojnoizdavacki zavod, 1982. 444 p.

3. Klajn, H. *Yugoslav War Neurosis*. Belgrad: Narodna armija, 1953.

4. Kostic, P. *Psychology of Combat Units*. Belgrad: Vojska NIC, 2000.

5. Milicevic, N. M. Personality Characteristics of Adolescents with Auto Aggressive Tendencies. *Godishnjak za psihologiju* [Annual Psychology Journal]. Nis: University of Nis, Faculty of Philosophy. No. 1(1) (2002). Pp. 225-233.

6. Ljubišić, B. †, Milicevic, N. M., Milenović, M. B. The Evaluation of Selection of Anti-Tank Guided Missile Operators in Yugoslav Army. *46th Annual Conference of the Serbian Psychological Association – Sabor 1998*. Abstract book. Arandjelovac, 1998. Pp 64-65.

7. Milicevic, N. M. Emotion Profile Index of Adolescent Soldiers with Previous Self-Injury. *44th Annual Conference of the Serbian Psychological Association – Sabor 1996*. Abstract book. Vrnjacka Banja, 1996. Pp. 77-78.

8. Milicevic, N. M. & Cvetkovich, V. Analysis of Causes and Motivations of Soldiers Arbitrarily Leaving their Units. *Novi Glasnik* [New Courier – Military professional periodical of the Army of Serbia and Monte Negro]. Belgrade: Vojnoizdavacki zavod. No. 2 (2000). Pp. 13-18.

9. Samardžić, R. and Spiric, Z. M. Posttraumatic Stress Disorder. *Vojnosanitetski Pregled* [Military medical review]. No. 61(1) (2004). Pp. 47-57.

10. Watson, P. *War on the Mind: The Military Uses and Abuses of Psychology*. New York: Basic Books, 1978. 534 p.

УДК 355.01:316.6(616.89)

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-46-52

Izotov M.Z.

Turyszhanova R. K.

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF SOCIAL AND HUMAN COGNITION

Mukhtar Izotov, Doctor of Philosophy, Professor. Institute of Philosophy, Politology and Religious Studies
29 Kurmangazy St., Almaty City, 050010, Republic of Kazakhstan. E-mail: izotov.m@mail.ru

Roza Turyszhanova, Doctor of Philosophy, Professor. Turar Ryskulov New Economic University
55 Zhandosov St., Almaty City, 050035, Republic of Kazakhstan. E-mail: turyszhanova.roza@mail.ru

Abstract

The given article goes for the demarcation idea of social and intrascientific (cognitive) values. It is noted that the important component of social development is the world of things, which is created by the human in the process of writing and included into the social existence context.

At the same time, as the world is humanized, a human as a social being is usually included in the object of social cognition. As a result, the knower and the object of social cognition exist one inside the other. Therefore, there is an unbreakable bond of social cognition with values and worldview constituents. The issue of human cognition is to reveal and form the rationale for the meaning of existence and its value.

In a way of writing the article, the authors used the activity and axiological (value) approaches as a whole. The general scientific methods of hermeneutical, system and synergic analysis were also applied. The principles for the unity of scientific theory and practice, and the integration of social and human and natural sciences were principal for the given work.

Keywords: social cognition; human cognition; an object; a knower; a humanization.

Изотов М. З.,

Турысжанова Р. К.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО
ПОЗНАНИЯ

Изотов Мухтар Зиядаевич, доктор философских наук, профессор. Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки министерства образования и науки. Республики Казахстан
ул. Курмангазы, 29, г. Алматы, 050010, Республика Казахстан. E-mail: izotov.m@mail.ru

Турысжанова Роза Кималхановна, доктор философских наук, профессор. Новый экономический университет им. Т. Рыскулова, ул. Жандосова, 55, г. Алматы, 050035, Республика Казахстан. E-mail: turyszhanova.roza@mail.ru

Аннотация

В работе подвергается критике идея демаркации социальных и внутринаучных (когнитивных) ценностей. Доказывается неразрывное единство этих двух видов ценностей в развитии современной науки. Показывается, что необходимым компонентом общественного развития является мир вещей, созданный человеком в процессе труда и включенный в контекст социального бытия, т.е. все то, что называется миром материальной культуры или «второй природой». В то же время это очеловеченный мир, поэтому в объект и предмет социального познания постоянно включен субъект – человек как именно социальное существо. В итоге субъект и объект социального познания существуют друг через друга (один в другом). Отмечается неразрывная и постоянная связь социального познания с ценностями, с мировоззренческими компонентами. Задачей гуманитарного познания является выявление и обоснование смысла и ценности существующего.

При написании статьи авторы использовали деятельностный (актиологический) и аксиологический (ценностный) подходы, взятые в их единстве. Применены такие общенаучные методы как герменевтический, системный и синергетический анализ. Принципы единства научной теории и практики, интеграции социогуманитарных и естественных наук явились основополагающими для всей данной работы.

Ключевые слова: социальное познание; гуманитарное знание; объект; субъект познания; гуманизация.

1. *Unity of cognitive and value objects in social-humanitarian perception*

In modern science the activity of social-historical knowers that support the activity rules becomes decisive for the receiving veritable knowledge. It is more realized the «individual presence» in traditional forms and methods of scientific cognition. It is become aware of «theoretical loadings» of facts, its concrete-historical character; the functions of philosophical categories and principles, weltanschauung in submission and selection, and hypothesis substantiation called theories are clarified; the axiological, value aspects are disclosed in a formation and functioning of scientific methods. Not only across the influence of social institutes, capital investment politics and governmental support of science, and also value orientation systems of scientists, social-cultural and historical conditionality of scientific cognition are realized on the micro level.

The ideal system, methodological and communicative norms and rules of scientific-cognitive activity, vision and paradigm methods of world-outlook and ethical values with necessity influences to the character and results of scientific activities of researchers. It should be separately mentioned the role of a moral factor as a facility of effective influence on the explorer's conscientiousness and honesty. Methodology of science joins not only with the social psychology, but also with ethics, defined principles of it also can execute the regulative functions in scientific cognition, and also to gain a methodological role meaning of moral value which is proved in its classic aspect of edging production of this problem as a dialectics, interdependence of theoretical and practical reason.

By Kant's rules, the theoretical (scientific) reason is directed to the perception of «the world real». Practical (moral consciousness) reason is turned to «the world of due», also to norms, rules, and values. In this world the moral law, absolute freedom and justice, and human aspiration to good things reign. Basic novelty consisted here that to the practical reason, moral (valuable) consciousness was taken away special and leading role in human activity, the place and a role of theoretical reason at the same time are in a new way defined, its limits and a coverage are found out and proved. «Dangerous opportunities» of theoretical reason are shown, in particular, that it possesses unreasonable claims to solve all human problems, in all spheres of life whereas actually out of its opportunities there is a sphere due to call of duty and self-sacrifice, love, fine. Theoretical reason, owning imagination, logical and constructive opportunities, can create the illusory

worlds and give out them for real-life [3, p. 598; 4, p. 250, 274]. Practical, moral consciousness establishes a moral ban on certain forms and the directions of intellectual activity, rejects use by the subject to scientist or the organizer of theoretical reason as «tool» in any field of activity. Our time shows that it can be made in the mercenary and anti-humane purposes, for example, at destruction of ecology of the nature and the person, in experiments in public, development of ways of their destruction, etc.

So, scientific as the carrier of theoretical reason has to have «a moral manner of thoughts in a struggle», possess a critical self-assessment and high call of duty and humanistic belief. Along with important social function of moral consciousness as «intrinsic law of life», Kant put a problem of a methodological role of moral consciousness in knowledge and cognitive activity in general, having made «the moral law in us» a condition of preservation of intellectual honesty. Thus, in the base of cognitive activity the ratio of theoretical and practical reason, or in modern interpretation dialectics of cognitive and valuable things, their interpenetration, organic merge lies dialectic (by Kant's rules). Having entered concepts of «premiered knowledge», regulatory functions, «a maxim of that reason», aprioristic main conditions expressing idea of activity of the subject, and also esthetic ability of judgment, Kant closely approaches a problem of valuable, world outlook prerequisites, the bases, ideals and norms, detection of their fundamental methodological value along with empirical knowledge in formation of the theory.

Today under the values it is understood not only the «the world of due», moral and esthetic ideals, but also any phenomena of consciousness and even objects from «the world of existence», having this or that world outlook, the standard importance for the subject and society in general [see: 2]. Essential expansion and deepening of an axiological perspective in general happened also thanks to recognition of that various cognitive and methodological forms like truth, a method, the theory, the fact, the principles of objectivity, validity, substantiality, etc. which are received not only the cognitive, but also valuable status [9, p. 550-557]. Thus, there was a need to distinguish two groups of the values functioning in scientific knowledge; the first is the social-cultural and world outlook value, caused by the social and cultural and historical nature of science and scientific communities, researchers; the second is the cognitive and methodological value, which is carrying out the regulatory functions defining a choice of theories and methods, the ways of promotion, justification and check of hypotheses

estimating the bases of interpretations, the empirical and informative importance of data, etc.

Both groups are in difficult relations; sometimes they are mutually exclusive to each other, for example, in case of the attitude towards to the truth. On the one hand, the content of true knowledge wouldn't depend from whose that was interests, values and preferences, in particular, social-political or ideological, it has to be objectively neutral; with another the receiving and expression of true knowledge has the cultural and historical, philosophical and world outlook and conceptual prerequisites which are containing valuable and estimated elements. Scientific truth is the actual knowledge, laws of science, for example, physics or economies are both values for science, and for culture, society in general. Therefore the ratio of all these factors has to be presented not in the form of hierarchy of levels from an empirical study to the theory, but as an interlacing of equal components which is an axiology, methodologies and the factual confirmation which are necessary for construction and justification of the theory [7, p. 339]. Discussion about whether can be science free from values, proceeds [see, for example, 6] and is presented by two main approaches: 1) the science must be valuably neutral, autonomous, the liberation from values is a condition of receiving an objective truth, it was admitted by classical science, but today it is more and more realized as simplified and inexact; 2) it is impossible and it isn't necessary to be released from values, it is a necessary condition for formation and growth of scientific knowledge, but it is necessary to find rational forms in which their presence and influence on knowledge and activity are fixed, and also in general their role and features in each of sciences are understood. The second approach based on recognition that values in science express its sociocultural conditionality as the integral characteristics becomes defining in philosophy and methodology of science, especially in social and humanitarian knowledge.

In the last decades not only abroad, but also in domestic philosophy essential analytical work was made by identification of valuable forms and components in structure of scientific knowledge, in its prerequisites and the bases is done [see, for example, 8]. Such significant components of science as the bases, norms and ideals of research, a scientific picture of the world and style of scientific thinking (knowledge), philosophical categories and the principles, the general scientific methodological principles, a paradigm and the scientific-research program were concretized and defined, through the aid of what methodological values are realized and

“penetrated” in a form of judgments of social and cultural-historical values. Such understanding gives a possibility to the reveal deep levels of valuable conditionality of informative processes, to prove their organic unity with logical structures in the most categorical system of public and individual consciousness. The scientific knowledge and all procedures of its receiving, check and justification find the additional measurement having not only valuable, but also historical parameters. Thereby this or that extent of the mediated presence of the researcher at knowledge and cognitive activity is at the same time fixed, the system of its valuable orientations comes to light.

2. A problem of validity and rationality in the social-humanitarian sciences

One of the most important problems of the philosophy science is an issue about internal (internalism) and external (externalism) factors of the science development. Internalists (they were subsequently called cognitive scientists) make an accent on the analysis of history science as on the accumulation and consistent changing of initial units in scientific knowledge.

Internal science development logic appears as an aspiration for maximum possible communitylogical proportion, principal simplicity. Externalists (they can also be called sociologists, whereas, researches in present direction are made by the scientific sociologists mainly) investigate an influence of external factors in science development.

Valuable, axiological approach to the science is not indisputable phenomenon. A science orients on the objectiveness, consequently it is free from the values at first sight and measuring in the evaluate scale «good-bad». In principle, it is considered that there isn't forbidden themes and natural science for the science, directed to the revelation of general rules for nature, which are free from values. Compare to it culture and history have their reign of values. If explanation is necessary for the science, so to the value comprehension contributes an understanding. Inclusion values factors permits to divide out natural-mathematical and humanitarian-historical sciences.

Idea sources about science, which is free from values, goes up Galilei and R. Bacon and is connected with acceptance of autonomy, impartiality and a neutrality of science. Integrally with it as the sociocultural phenomenon promotes strengthening of power of human reason and must be directed on growth of his welfare and wellbeing. However how much scientific influence is beneficially impacted to the person and environment and how much its technological appendices are harmful, here the question is extremely sharp. Not all achievements of

a first line of science can be acceptable and socially demanded in the modern world. Therefore, there is a difficult question: Is the science for the person or against him, or maybe it is indifferent to the person?

The standard concept of science deprived of it intra scientific values and insisted on a valuable neutrality of science. However many scientists considered differently. M. Born, for example, claimed that the science and equipment destroy the ethical base of a civilization that disintegration and devaluation of ethics is a necessary consequence of growth of science. M. Polani, oppositely, rose against an impersonal-objective ideal of science, declaring that the science is done by people, and therefore, introduces all palettes of the valuable relations [10, p.90-97]. The famous philosopher of science T. Kuhn also noted a role of the values divided by creative persons, influencing a choice and changing in the course of scientific knowledge [5, p.278]. The interesting judgment belongs to K. Popper, whose thought is emphasized that the requirement of unconditional freedom from values is paradoxically, as the objective character, validity and «the freedom from values» are values [11, p.427]. In his opinion, the scientist who is free from values isn't a scientist. The point of view of the modern western philosopher of X. Lacey gives a meaning that «the science and values are only adjoined, but don't condition on each other» [6, p.39].

During the reigning and long time the demarcation of scientific knowledge and values, the fact and value are opposed to each other and exist independently. The value is eliminated from science. However, the last represents the undoubted value consisting in rational vision of the world. The scientific knowledge is value for practical activities and progressive development of humanity. Value is the knowledge and truth. Situation overcoming of cognitive values ignoring brought to the judgment of interrelations of social and intra-scientific values and were discussed actively in the scientific, sociological and methodological literature.

Discussions affected a circle of the questions about responsibility of scientists for the discoveries made by them and their application, about the interrelation of social institutes and institutes of experts, about the influence ruling the ideology to the science development in the society, about the role of valuable factors in the process of scientific search and cognitive activity, about science correlation and imperious structures, etc.

In the most general sense, value is understood as a reflection of the attitude of the activity subject towards to the result of the activity. It is important to emphasize that values aren't reduced only to moral and ethical imperatives. Substantiality, harmony,

simplicity and so forth can become values of science. Value promotes motivation of acts and actions of the person. Valuable installations, orientations and characteristics leave the mark on search process of scientific creativity. They are connected with deep experiences of the importance of the activity. It is important to emphasize that values can play both a positive, and a negative role. They can contribute to the increase of a scientist sensitivity threshold during scientific researches, they can influence to a free selection of problems, to the process of making decision or condition to the degree of compromises between science and the power. Scientists show the semantic relationship of such concepts, as value, cost and price. At the same time, value should be distinguished from that, because it brings momentary benefit and it is connected only with an advantage. Valuable is not only profitable, but also that must be correlated to the category of the purpose.

Axiology studies the researches of value. The problem of intra-scientific values is connected with a reflection of theoretical-methodological, world outlook and practical consequences, which are followed from heavy development of science. These problems were directed to awareness of necessity in the organic, intellectual expansion of science to the world of the human relations in general, to the understanding of that fact, that the scientific cognition isn't a sphere of human existence monopoly and can't dominate in the complicated life-purpose orientations. In diverse contexts of the human relations the paramount concept has these understandings: good–evil, fine–ugly, fairly–unfairly, useful–harmful. Modern methodologists made a conclusion about the nonremovability from the sphere of scientific knowledge in the valuable and estimated aspects. The scientific cognition is regulated not only by mechanisms of intellectual activity, but also by the influences going out from the world of values. About that the cognition is the value and the benefit, both the era of antiquity, and the Education era testified. I. Kant recognized a role of valuable orientations in knowledge like that, but considered necessary to eliminate this factor in individual knowledge. It was showed originally in it that it was the contradiction of theoretical and practical reason. The pure cognition must be torn off from all influences of direct practical activities.

However, intra-scientific values set not only theoretical, but first of all complete, practical and spiritual relation of the person to the world. Therefore, they are mediate structure of cognitive process. Intra-scientific values carry out the orientation and regulative functions. These are taken to them: methodological norms and procedures of scientific search; method of carrying out experiments; valuations of scientific activity results and ideals of scientific research; ethical

imperatives of scientific community. Intra-scientific values are sometimes called cognitive. Models of cognitive values are shown in the persuasion system of the scientist. The value for it is an explanatory, evidential and predictive potential of science, and also a primacy of the facts and possibility of a consistent withdrawal. A support to tradition or an authority is sometimes referred to the cognitive value. Cognitive values act as the basis of consolidation of scientists in scientific community. However, there are disputes concerning their hierarchysometimes, their various systems, and a variety of their carriers. Value system has a great significance for the definition of science criteria.

Intra-scientific values need to be distinguished from subjective values, which reflect separate personal and especially individual preferences. The valuable system dominating in this or that society has a great influence on intra-scientific values. The internal value of science is considered the adequate description, a consistent explanation, a reasoned proof, a justification, also an accurate, logically ordered system of construction or the organization of scientific knowledge. All these characteristics are connected and correlated with style of scientific thinking of an era and are in many respects socially caused. It is absolutely obvious that norms and ideals of scientific search in antiquity are better than such events in modern times and extremely unlike with the situation of the modern step of post-nonclassical science. The value of a classical world picture was a procedure of subject isolation from the object learned by it and from learning tools. The science of Modern times tried to exclude any cultural set, world outlook factors of knowledge. Transformation in intra-scientific values in a non-classical picture of the world went through the preservation of isolation in the cognitive subject and subjective stratifications went from it, united and considered communication between means and object of knowledge. The post-nonclassical picture of the world considered subject result of scientific activity in unity with learning tools, intra scientific values and the subject observer and showed that it is actually difficult to tear off knowledge from process of its receiving. For example, objects of microphysics are compound parts of observation situation, which was proved by W. Heisenberg. Consequently, essential transformations are appeared in the interpretation of the objectivity principle. The principle of objectivity was always considered as the major cognitive value. Firstly it was thought as the procedure fixing coincidence of knowledge to the object; secondly, as procedure of elimination from knowledge of everything that is connected with the subject and means of its cognitive activity. This second sense of objectivity as V. Porus

notes, in the context of the European Christian culture was connected with the idea about the sinful, «spoiled» human nature, which hangs over its informative aspirations. Such understanding of the principle of objectivity draws to itself attention: the world is completely defined, if its completeness developed with the person, but irrespective of thinking. The equivocation in understanding of objectivity is fixed in the modern science. Sometimes it is connected with the general-magnitude and inter-subjectivity. Something invariant and invariable is often meant under the objectivity. Idea of it as a combination and coincidence of a set of conditions is most widespread: logical, methodological, philosophical, etc. Independence of the subject thus remains important and fundamental line of objectivity. However, the identification of an inter-subjectivity and objectivity is insolvent as the inter-subjectivity, applying for that knowledge, was the general for all subjects (or as E. Agazzi speaks, in «a public discourse» [1]) there is an obvious conventional context. She assumes the convention, consent and the arrangement as an ineradicable element of such public discourse. It is necessary that there was “an obvious consent in a concept direction of use, and without it the scientific reasoning loses meaning”. Therefore, the strict scientific discourse is so necessary cognitive value.

Social values are embodied in social institutes and implanted in structure of society. They are shown in programs, resolutions, government documents, laws and with the definite manner it is expressed in practice of the real relations. Freedom, property rights, equality, and also society stability and its dynamics are important social values, which need certain social conditions for their embodiment and the certain public order necessary for their maintenance. Social institutes provide for the support to those kinds of activity, which are based on the values accepted for this structure. Social values can act as the basis for criticism of scientific researches, can act as a criteria for a choice of behavior standards. They are interlaced with public life, pretended to that in order to be common-mean. The important aspect of values is their articulation. Thus, there was fixed some discrepancy between values, which are articulated and expressed in words and values, also expressed in practice, real relations, behavior and action. Important social value is a well-being. There are values connected with the social recognition and respect. The system of social values is fixed in the rights, traditions, hostel norms and the business behavior. Social values are directed to such things, in order they can assist in asking principles of society stable existence, provide for the efficiency of its vital functions. The crossing of social and intra-scientific values is shown well by K. Popper. The well-known demarcation idea, which is divided into science and non-science, conducted by them into

the epistemology, had an effect, which is getting off far over the limits of purely scientific cognition. There was a need for carrying out a line of demarcation between two types of society: opened and closed, understanding thus, that they make up a material of united world historical process of the development. The falsification central idea of Popper's epistemology, acting in the role of scientific character criterion (it is scientifically, that thing which can be refutable in principle, and that thing which cannot be is a dogma), demanded a self-correction from a public organism. The falsification idea acting the main role in all modern science philosophy sets very significant landmarks of whole, society self-correction to the public analysis in the enclosure. From the falsification point of view, only political figures must speed in order their projects can be more analyzed in detail and presented to the critical disproof. The unseal mistakes and errors will cause more viable and adequate with objective conditions, and social-political decisions. A criticism crossfire, which accompanies the scientist aspiration to scientific truth, must take place in a social life towards to the real events and processes. All ideas obtaining popularity in a society must be subjected to the rational-critical discussion. Uncritical assumption of global social ideas can lead to the catastrophic consequences. The discussion of popular ideas is critical, when all reasons will be kept, and non-reasons are rejected, it can allow offering the other social strategy, including in itself all values of small organizational transformations. Thus, the social development forces can be considered as a result of Popper-epistemologist's influence to Popper-social philosopher, in the criticism value comprehension which is extremely influential, if it isn't said like movable. The criticism serves as an effective instrument of changes to the side of more rational and effective activity. The knowledge sociology particularly accentuates the connection of all knowledge forms with social existence. The science paradox is consisted of such thing, that it declares itself about the real foundation of social progress, contributing to the mankind prosperity, at the same time to the science development and technics, which was led to the consequences being a threat to its existence. Not only environmental pollution leads to the negative consequences, and the expansion of technical development does too. The avalanche-like growth of scientific information is pathogenic for human psyche with a factor. He brings to the obviously entropic consequences.

At the modern stage of science development, considerable changes are happening in the keeping region and getting information, functioning of instrument complexes and difficult self-developing man-sized systems are becoming complicated. Thereby,

strategy of scientific search must be made taking into account imperatives of human existence. Against the background the widespread recognition of modern science dehumanization, the peculiar meaning and value obtain an axiological - deductive system of the occurrence theoretical description and processes, in which the human existence of interests and parameters are presented at and considered.

An axiological approach to science shows, that it must be understood as an integral constituent part of modern social development. The scientific cognition axiology is admitted as its integral line. The science mustn't be subordinated to narrow-pragmatic interests, and monopoly of military-industrial complex. The value system prospering in the industrial society is exposed to shattering criticism. The mankind is in front of the realization of its helplessness in the control of overall-growing up technical power of modern civilization. The industrial society creates the atmosphere of mega-risks; it is focused on the consumption ideals that lead mankind to the blind alley. However, the neglect with spiritual values for the sake of the material doesn't promote harmonious development of the person. This problem was set in the production of the American philosopher, sociologist and psychoanalyst Erich Fromm «To have or be?». Together with it, there are researches of Gabriel Marcel «To be and have» and Baltazar Shtemin «The possession and an existence» which names are symptomatic and aims for the comparison of two and incommensurable value worlds in principle: the values of existence connected with the absolute value of life, and the consumer value, which is leading away into bad eternity. At first sight, the alternative, which is called life or possession, contradict the sensible meaning. Really, in order to live it is necessary to eat, drink, and possess things and to satisfy your elementary requirements. But, does it mean that the main value and life meaning is in the possession? Philosophers warn: as your life is more insignificant and the less manifestations are found by your real life, than the largest meaning is acquired by the stranger property and estranged life, and the human purpose is not to possess much, it is to be much. From Luka it was told in the Gospel: «What is the advantage of getting the whole world, and to ruin itself, or to damage itself?» Erich Fromm as a doctor-psychoanalyst supervising on the sick world is obliged to make a decision: «The possession and existence are main two methods of human life, the prevalence of one from where, it determines the differences in the individual human characters and social character types» [12, p. 45]. The consumption values bring with itself an orientation to the maximum profit achievement. In a counterbalance of this valuable system, there are other

values of civic community in the social life, directed to the assertion of speechfreedom, of a principled criticism, justice, rights for the education, professional recognition, and scientific rationalityvalues.

Conclusions

1. The human subject is usually included into the subject of social perception. Therefore, the main problem of this perception form is to understand stranger «I» not in the role of certain object, but in the role of another subject as a subject-activity beginning.

2. The social-humanitarian accent of the single, individual and unique things are on the basis of common and regular thing. This is what, that Weber in a civilized manner called a significant, individual reality.

3. The social-humanitarian perception is always a valuable-semantic assimilation and reproduction of human existence. The categories of «meaning» and «value» are keys for understanding of social perception specific. The humanitarian perception is appealed to reveal and prove the meaning and values of existence.

4. The indissoluble and permanent connection is a social perception with values and world outlook components. If these components are as outward in relation to erudition maintenance in the natural science, so they are included into the erudition self-maintenance in humanitarian science.

5. The valuable orientations confine the significant, essential thing from insignificant, inessential things for this human. These orientations act as an important factor, regulative motivation of the personality.

6. The profound development and perfection of the social perception methods and new typical tendencies formations of world and native social-knowledge must be in the center of attention of as social philosophers and so science philosophers.

7. There is an indissoluble and constantconnection of social perception with values, and with world outlook components. In the social-humanitarian sciences, they are included in the knowledge self-maintenance.

8. The valuable orientations confines the significant, essential thing from insignificant, inessential things for this human. The humanitarian cognition cooperates on the revelation, system substantiation, and existence values in great measure.

References

1. Agazzi, E. Responsibility: the Genuine Ground for the Regulation of a Free Science. *Voprosy filosofii*. No. 1 (1992). Pp. 30-40.
2. *Global Problems and Social Values*. Moscow: Progress, 1990. 496 p.

3. Kant, I. Critique of Pure Reason. *Works: In 6 Volumes*. Vol. 3. Moscow: Mysl'. 1964. 799 p.

4. Kant, I. Fundamental Principles of the Metaphysic of Morals. *Works: In 6 Volumes*. Vol. 4. Part 1. Moscow: Mysl'. 1964. Pp. 219-310.

5. Kuhn, T. S. *The Structure of Scientific Revolutions*. Boston. 1975.

6. Lacey, H. *Is Science Value Free? : Values and Scientific Understanding*. Moscow: Logos. 2001. 359 p.

7. Laudan, L. Science and Values. *Modern Science Philosophy*. Moscow: Logos. 1996. Pp. 295-342.

8. *Methods of Scientific Knowledge*. Almaty: Gylym. 1997. 160 p.

9. *Modern Philosophical Problems of Natural, Engineering and Social Sciences and Humanities*. Moscow: Gardariki, 2006.

10. Polanyi, M. *Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy*. Moscow: Progress. 1985. 344 p.

11. Popper, K *Objective Knowledge: An Evolutionary Approach*. L.: Oxford University Press. 1983.

12. Fromm, E. *To Have or Be?* Moscow: Progress, 1986. 238 p.

Литература

1. Агацци, Э. Ответственность – подлинное основание для управления свободной наукой // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 30-40.

2. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности : пер. с англ. и фр. / Сост. Л.И. Василенко и В.Е. Ермолаева; вв. ст. Ю.А. Шрейдера. М.: Прогресс. 1990. 496 с.

3. Кант, И. Критика чистого разума // Кант, И. Сочинения: В 6 т. Т. 3. М.: Мысль. 1964. 799 с.

4. Кант, И. Основы метафизики нравственности // Кант, И. Сочинения: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль. 1964. С. 219-310.

5. Kuhn, T. S. *The Structure of Scientific Revolutions*. 2nd ed. The University of Chicago Press. Chicago. 1970.

6. Лэйси, Х. Свободна ли наука от ценностей? Ценности и научное понимание / пер. с англ.: Л.В. Сурковой, В.А. Яковлева, А.И. Панченко; под общ. ред. В.А. Яковлева. М.: Логос. 2001. 359 с.

7. Лаудан, Л. Наука и ценности // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. М.: Логос. 1996. С. 295-342.

8. Методы научного познания / Отв. ред. Нысанбаев А.Н. Алматы: Гылым. 1997. 160 с.

9. Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук / под общей ред. д-ра филос. наук, проф. В.В. Миронова. М.: Гардарики. 2006. 639 с.

10. Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс. 1985. 344 с.

11. Popper, K. *Objective Knowledge: An Evolutionary Approach*. L.: Oxford University Press. 1983.

12. Фромм, Э. Иметь или быть? М.: Прогресс. 1986. 238 с.

УДК 902/904:168.522

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-53-59

Савинов Д. Г.,
Окладникова Е. А.

**АРХЕОЛОГИЯ И ГЕРМЕНЕВТИКА
(ОПЫТ СОВМЕСТНОГО РАЗМЫШЛЕНИЯ)**

Савинов Дмитрий Глебович, доктор исторических наук, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7-9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: savinov.dg@mail.ru
Окладникова Елена Алексеевна, доктор исторических наук, профессор. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия
E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Аннотация

Предлагаемая статья-диалог выросла из материала интервью, которое провела Е.А. Окладникова – археолог и социолог культуры, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, член международного совета редакционной коллегии «Научного результата» – со своим весьма известным коллегой, профессором кафедры археологии исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Д.Г. Савиновым. При подготовке этого интервью к публикации собеседники провели дополнительную дискуссию и преобразовали первичный материал в полноценный исследовательский текст. В статье уточняются перспективы современного археологического знания с точки зрения герменевтики; при этом соавторы обращаются, прежде всего, к опыту собственных исследований – древней истории и археологии степных Центрально-Азиатских обществ и Южной Сибири (Д.Г. Савинов) и археологии наскального искусства Центральной Азии, Сибири и Дальнего Востока (Е.А. Окладникова). В связи с этим выявляются возможности археологии в структуре целостного университетского образования, проектируемого как гуманитарное, герменевтико-диалогическое в своей основе.

Ключевые слова: археология; герменевтика; реконструкция; интерпретация; диалог.

Savinov D. G.
Okladnikova E. A.

**ARCHAEOLOGY AND HERMENEUTICS
(EXPERIENCE OF JOINT REFLECTIONS)**

Savinov Dmitri Glebovich, Doctor of Historical Sciences, Professor. Saint Petersburg State University
7-9 University Emb, St. Petersburg, 199034, Russia. E-mail: savinov.dg@mail.ru
Okladnikova Elena Alekseevna, Doctor of Historical Sciences, Professor. Herzen University
48 Moika, St. Petersburg, 191186, Russia. E-mail: okladnikova-ea@yandex.ru

Abstract

This article grew out of an interview, which was held by prof. Elena A. Okladnikova, an archaeologist and sociologist of culture, with a very famous colleague prof. Dmitri G. Savinov. The article clarifies the prospects of modern archaeological knowledge as primarily hermeneutic. The collaborators seek, above all, the experience of their own researches in some different fields (ancient history and archeology of the steppe of Central Asian societies and Southern Siberia, and archeology of rock-painting or petroglyphs in Central Asia, Siberia and the Far East). In this regard, the possibility of archeology in a holistic structure of university education is revealed, designed as a humanitarian or hermeneutics and dialogical in its fundamental presuppositions.

Keywords: archeology; hermeneutics; reconstruction; interpretation; dialogue.

Проблематизация качественного знания о прошлом, делающая историческую науку наукой, становится сегодня предметом размышлений многих археологов. Дело в том, что одной из насущных задач археологии, начиная с конца XIX в. стала реконструкция исторических процессов, которая опирается на археологические источники. Так, реконструкция социальных

отношений, духовной культуры дописьменных обществ, как правило, опирается на ряд априорных допущений, которые усиливаются историческими аналогиями, ожиданиями исследователя и его здравым смыслом. Но правильная теоретическая рефлексия в археологии, которая следует за анализом археологических артефактов (эмпирических

данных), часто бывает основана на интуиции, т.е. является результатом сложной, кропотливой, фундированной опытом процедуры, опирающейся на конкретно-историческую и философскую подготовку.

В середине XX в. в научных кругах сформировалось представление, что археология – это не просто сбор артефактов, их классификация и типология, о которой критически высказывался американский археолог Клайд Клакхон [2, с. 40], но область знания, которая должна ответить на множество вопросов: почему и как происходили трансформации культур (культурно-историческая археология) [1, с. 65; 10], что заставляло создателей этих культур осуществлять передвижения на большие расстояния (процессуальная археология), какие социальные структуры и отношения между социальными группами были у носителей этих культур (эволюционная археология), какие смыслы, намеренно или безотчетно, вкладывались в создаваемые артефакты (герменевтическая археология). В 1980-1990 гг. герменевтическая археология получила название пост-процессуальной [7] и была ориентирована на изучение когнитивных, символических и идеологических аспектов человеческого поведения без придания им некоторой универсально-теоретической формы. Фокус внимания исследователей здесь все больше направлялся на выявление и интерпретацию символических начал археологических познавательных практик; уточнялась своего рода познавательная незавершенность археологических культур.

Ни один ученый не может составить окончательно истинное представление о прошлом. Он будет смотреть на него с позиций собственного опыта, вполне возможно, не всегда явных для него самого – палеоэтнографических, например, предпосылок [4, с. 110; 11; 8]. На практике это означает, что эмпирические данные активно упрочиваются, перевоссоздаются археологами, которые эту культуру изучают и интерпретируют, удостоверяют собственным опытом ее фактичность. Однако понимание предпосылочной глубины познавательного опыта археолога, на которую так или иначе указывает герменевтическая археология, не может быть сведена к некоторому познавательному релятивизму; релятивистский аргумент – это своего рода антипозитивизм, отрицательная метафизика археологического знания. Здесь же дело идет о принципиально ином: под вопросом оказывается не только археологическая культура или авторы ее артефактов, но и сам

исследователь, фактически уточняющий эту культуру в ее открытом смысловом единстве, своего рода герменевтическом «бессмертии».

Д.Г. Савинов. Современная археология постепенно, но очень последовательно отходит от своей классической формы «позитивного знания», знания в пределе самодостаточного и автономного, заключающего в себе некие последние высшие истины насчет начал человеческой истории, или, напротив, знания, которое обречено на некий логический минимализм и скептицизм в отношении археологических изысканий. Все крепче становится методологическая оснастка; большее значение начинают приобретать (да уже приобрели) технически хорошо оснащенные подходы к анализу археологического материала. Становятся все более виртуозными исследовательские программы; тем самым археология как бы отдалается от человека, создателя культурных ценностей, и вольно или невольно приближается к самому исследователю – к тем методологическим условиям исследовательского поиска, от которых все более зависим теперь археолог.

Перед нами, стало быть, встают две взаимосвязанные проблемы: как возможно соотносить технико-методологическую, так скажем, стратегию археологического исследования и собственно герменевтическую, или интерпретативную стратегию анализа археологического материала.

Однако прежде чем перейти к обсуждению основной темы нашей дискуссии – археология и герменевтика – необходимо уточнить некоторые положения. Во-первых, содержание самого термина «герменевтика» не всегда было столь однозначным. Изначально, в античный период развития археологии знаний, это способ распознавания неподлинности произведений античного искусства, т.е. подделок. Сейчас это наука о подлинности. Подлинности чего? – источника (применительно к археологии – артефакта), адекватности отражения в нем исходной модели, или подлинности интерпретации исследователя, оперирующего данным артефактом? Согласитесь, что таксономия степени отражения действительности (или допущения к ней) будет различна.

Во-вторых, это достаточно сложное противопоставление содержания понятий семантика и семиотика (не говоря уже о прагматике, наиболее приближенной к способу существования артефакта).

Семиотический и семантический анализ артефакта – это два встречных взгляда на один и тот же предмет. Семантика – это взгляд на то или

иное явление древней культуры со стороны ее творца, попытка зафиксировать содержательные моменты артефакта через его авторские значения. Семиотический анализ – это способ, с помощью которого сам исследователь обобщает полученный фактический материал на теоретическом уровне. Поэтому многие семиотические определения в области древней истории и археологии ближе к культурологии, чем к археологии, и скорее касаются архетипических понятий (типа «культ мирового дерева», «культ Великой богини», «культ мировой горы» и т.п.), нежели их проявлений в конкретном обществе (в памятниках культуры конкретного общества).

Е.А. Окладникова. В своих рассуждениях Д.Г. Савинов исходит из бесспорного, на мой взгляд, тезиса: всякий археологический памятник есть культурный артефакт. При этом мы имеем дело не только со следами неких социальных или психологических законов, которые фиксируются тем или иным культурным слоем, «оседают» в нем, но с некоторым смысловым культурным единством, как бы перевоссоздаваемым в ходе археологического исследования, которое, в свою очередь, является некоторым культурно-историческим участием в исследуемом предмете. И чем отчетливее мы будем представлять себе нашу позицию, методологические приборы нашего видения, которые усиливают его в определенных аспектах, тем честнее, корректнее будет исследовательский вывод и результат. Нельзя претендовать на окончательное знание культурного артефакта, поскольку он артефакт, в котором мы принимаем исследовательское участие, но нельзя и впасть в некое познавательное уныние. На некотором ценностном уровне понимания установок современного археологического исследования требуется методологическая откровенность, сдержанность и герменевтический оптимизм.

Но значит ли это, что археология имеет своей ближайшей перспективой некую палеокультурологию, интерпретацию археологических находок посредством некоторых предзаданных органических форм культурологического знания?

Д.Г. Савинов. Установки есть всегда. Но они не фатальны, если мы соблюдаем некоторый минимум исторического самопонимания. Нельзя забывать, что археология начиналась как палеоэтнография. В категориальной базе археологии доминировали такие понятия, как «человек и среда», «народоведение», «культурный ареал». Рука человека коснулась каждого

искусственно сделанного орудия. Нет археологического артефакта – изделия, возникшего без человеческой деятельности. Значит, за каждым из них стоит человек. А человек живет в какой-то среде. Это и есть палеоэтнография, вполне семантически ориентированная исследовательская практика. Более семиотична палеоэтнология. Это немного другой ракурс изучения древности. Палеоэтнологический подход к изучению артефактов можно представить как некую социокультурную призму. Понять суть этого подхода можно тогда, когда вы, как специалист, поворачиваете «призму» нужной для вас стороной. Тогда теоретически можно получить «слепок» какого-то культурного мира, представленного конкретным этнографическим комплексом. Что же касается палеокультурологии, – я не сторонник стремительного «исправления имен», пока не исчерпаны методологические ресурсы уже существующих и вполне продуктивных исследовательских процедур. Как говорил один из выдающихся археологов современности, немало внимания уделявший теоретическим вопросам археологических исследований, Вадим Михайлович Массон: «Не надо перегружать корабль...».

Е.А. Окладникова. Несомненно, острым является вопрос о возможности сравнительных исследований, об условиях, их обеспечивающих. Вы помните, конечно, что А.П. Окладников расшифровывал семантику древних изображений Шишкинских писаниц, обращаясь к ориньякским и мадленским наскальным рисункам, мифам таежного населения Сибири и т.п. [5]. Его за это сильно критиковали, с беспощадным «позитивистским энтузиазмом». Теперь энтузиазм стих, но вопрос остался: является ли сравнительный анализ неким приемлемым способом понимания древних произведений искусства, или это только семантическая отмычка, google-переводчик своего рода – способ предварительного усмотрения и приблизительной дешифровки того, что нуждается в более тонком понимании?

Д.Г. Савинов. Я бы уточнил иначе: в более строгом и ответственном авторском понимании. Необходимо четкое определение и понимание (самим автором!) таких концептов как семантика, семиотика, прагматика, экзегетика, или, собственно, герменевтика. Все они ориентируют на различные уровни (и не стратиграфические, а чаще всего взаимопроникающие) уровни познания одних и тех же явлений. С какого уровня начинать, «От» или «До», от фактов к обобщению, или наоборот – это дело хозяйское, но это должно быть сделано со всей ответственностью, грамотно и доходчиво.

С точки зрения изучения самого материала, наверное, лучше всего двигаться историографически (как пример, в объяснении палеолитического искусства от Жак Буше де Перта до Андре Леруа-Гурана). И само собою, нужно быть весьма осмотрительным в источниковедческом отношении. Герменевтическая адекватность исследователя, вообще говоря, хорошо заметна в его отношении к источникам. Показательна, например, «критика Геродота». Рассказ Геродота о скифах, с одной стороны, является документом, а с другой стороны – компиляцией. Однако его рассказ о скифах, конечно, более документ, ибо Геродот – современник этих событий, в отличие от нас. Тем не менее, это и не источник, а обобщение всего того, что ему о скифах рассказывали. При этом информаторы Геродота были явно представителями разных социальных слоев, разного уровня информированности, возможно, выходцами из разных племен. Геродот смешал всю полученную информацию. Значит ли это, что его знаменитая четвертая книга о «Скифах» не является источником? Нет, не значит.

В этой связи весьма кстати вопрос о расшифровке А.П. Окладниковым самых древних (палеолитических или постпалеолитических) изображений Шишкинских писаниц. Дискуссия по этому поводу, поднятая А.А. Формозовым [6], так и не закончилась, но если говорить о герменевтике, то здесь прочтение глубинного смысла этих произведений А.П. Окладниковым оказывается значительно ближе к истине. «Исторический масштаб» анализа семантики изображений животных Шишкинских писаниц А.П. Окладниковым, подвергнутый критике А.А. Формозовым, показал историчность или, точнее, европоцентричность герменевтической установки последнего. Логика критических замечаний А.А. Формозова сводилась к следующему: да, есть на Шишкинских скалах крупные изображения лошади и быка. Но какое отношение к ним имеют наскальные рисунки Франко-Кантабрийской области? Между тем, именно герменевтика, пользуясь современной терминологией, позволяет с достаточной долей достоверности привлекать для интерпретации столь ранних изображений сравнительный палеоэтнографический (мифологический) материал.

Для каждой исторической эпохи существовала своя система невербальных способов передачи информации. Знание может передаваться с помощью самых разнообразных графем. Вся история культуры начинается со

знаков. Одна система графем может существовать для палеолита. В качестве таких графем можно рассматривать клавиформы или тектиформы. Это очень глубокие по замыслу идеограммы. Для эпохи бронзы это будет система геометрических знаков на андроновской керамике, меандры, солярные символы. Для скифского времени – зооморфный код. Каждая эпоха создает свою систему доминантных знаков, которые отражают мифологему общественного сознания. Соответственно, когда мы говорим о многоуровневом археологическом исследовании, то речь идет об изучении способов передачи информации, большинство из которых имеют знаково-символический, т.е. для современного исследователя древности невербальный характер.

Е.А. Окладникова. Герменевтический анализ и комплексное археологическое исследование – это разные исследовательские программы. Герменевтический анализ археологических артефактов может ограничиться способом существования артефактов, а комплексный анализ в археологии требует привлечения данных из разных областей гуманитарного, и не только, знания для изучения артефактов такого рода. При этом требуется устанавливать связи между представлениями археолога о способе существования артефакта в пространстве и времени и привлекаемыми для такого анализа данными из области психологии, социологии, антропологии, лингвистики и т.п.

Д.Г. Савинов. Теперь еще раз о комплексном исследовании: на мой взгляд, междисциплинарное и комплексное исследование – это очень близкие, но все же разные способы исследования. Междисциплинарное исследование – это работа разных специалистов по всестороннему изучению одного и того же археологического источника (памятника, культуры и прочего). Понятие комплексность подразумевает усилия одного специалиста-археолога, использующего в своей работе данные различных областей научного знания. А это методически не совсем верно, а может быть, даже вредно. Необходимо самое скрупулезное изучение «своего», т.е. одного источника, который должен быть проанализирован до конца, максимально исчерпан данным специалистом.

Только полученную в результате такого анализа модель можно сравнить с выводами в каких-то других дисциплинах.

Но когда специалист-археолог начинает листать словарь, чтобы найти все термины, обозначающие, например, название оленя в

разных языках, а затем утверждает, что «сак» – это олень в этом языке, «сак» – это олень на том языке... на самом деле это не археологическое исследование. Очевидно, комплексное исследование само по себе сейчас невозможно. Оно было достаточно перспективно только на определенной стадии развития науки. Иными словами, энциклопедистов эпохи французского просвещения сейчас нет. Тогда, во времена Вольтера и Руссо, можно было быть специалистом во многих областях, т.к. был накоплен небольшой, но конкретный объем знаний по каждому разделу науки. Сейчас все научные дисциплины стали гораздо специализированнее и шире. Поэтому комплексное исследование сегодня – это опасная вещь и совершенно иная область сравнительного языкознания, к анализу данного артефакта имеющая самое опосредованное отношение.

Е.А. Окладникова. Герменевтический анализ часто используют как синоним семиотического анализа, когда дело касается интерпретации архаических символических форм. Герменевтика в таком случае понимается весьма широко. Процедуры такого анализа выходят за рамки выявления подлинности того или иного археологического артефакта или, например, рисунка, на нем изображенного. Герменевтика понимается в таком случае как выявление семантики изображенной на артефакте сцены или персонажа, часто с помощью привлечения обширного ряда изобразительных аналогий. Цель такого анализа – найти аналогию нарисованной фигуре или объекту, история которого запечатлена верифицированным устным или письменным свидетельством.

Д.Г. Савинов. Вот, к примеру, петроглифоведение – это молодая область науки. Она не имеет законченных теорий. Она пользуется теоретическими конструкциями, взятыми из тех областей знания, к которым имеет отношение: история, археология, искусствоведение, мифология, этнография. Тут скорее следует говорить о когнитивном потенциале петроглифоведения и о предпочтениях самого исследователя. Для меня, например, по замыслу и духу ближе всего работы К.Д. Лаушкина о сюжетных композициях Онежских петроглифов [см.: 3].

Что касается теорий, то это, в первую очередь, теория композиции, изучение взаимного сочетания фигур, характера их расположения на плоскости. Перспектива в наскальном искусстве передается не таким же образом, как в живописи.

Глубина пространства определяется здесь размерами и позами персонажей, взаимным расположением фигур. Это своего рода спектакль, а для того чтобы понять спектакль, надо понять логику действия каждого актера. Надо видеть эту сцену, нужно представить, что стоишь перед ней, а изображения-актеры разыгрывают спектакль перед тобой. И здесь без теории композиции не обойтись.

Поэтому мне не нравится, когда пишут: «образ всадника», «образ кабана»... Такие работы легко писать, но для понимания сути происходящего они бессмысленны. «Всадник», «кабан», «верблюд» и прочие образы оказываются как бы выхваченными из контекста, из конкретной сцены наскального спектакля. Почему этот кабан маленький? А почему тот кабан – свирепый? А почему эта фигура человека перевернута? Это можно объяснить только когда будет проанализирована вся содержательная сторона рисунка вместе с другими участниками. Для этого очень важна хронология, ибо хронология – это инструмент выделения одновременности композиций.

В конечном счете все сводится к идее выделения изобразительного пласта, когда и создатель той или иной наскальной композиции, и ее исследователь находятся как бы в одном культурном пространстве, минуя разделяющее их время. Конечно, это очень трудно, но к этому надо стремиться.

Е.А. Окладникова. Есть такое понятие: «чувство материала». На практике оказывается, что это совсем не «чувство», а компендиум информации, которую археолог набирает в течение долгих лет учебы, а затем работы с конкретным материалом. Хорошему профессионалу достаточно одного взгляда на случайный археологический объект, чтобы это «чувство» позволило определить, принадлежит ли тот или иной археологический предмет изучаемой им археологической культуре или нет. Сложнее бывает с наскальными рисунками. Но и там, например, стоя перед скалой на Алтае или в Монголии с изображенными на ее поверхности рядом друг с другом фигурами животных разных эпох, используя это «чувство», профессиональный исследователь всегда без ошибки сможет выделить образы эпохи бронзы, раннего железа и современные граффити.

Д.Г. Савинов. Вообще, для исследований в области семантики необходимо обладать широким гуманитарным кругозором и огромным запасом сравнительных знаний и ассоциаций.

Именно ассоциаций. Утверждение о том, что что-то «навскидку» похоже, часто бывает ошибочным. Ведь время и пространство чаще всего разделяют сравниваемые явления так, что похоже быть не должно. Археологические артефакты и этнографические данные часто могут отойти довольно далеко от архетипа. Говоря о произведениях изобразительной деятельности, следует подчеркнуть, что в этом случае герменевтика – это анализ подлинности и адекватности параллелей, основанный не столько на типологическом сходстве, сколько на образном соответствии произведений искусства. Изучение эпохально-стилевых приемов, ассоциаций с учетом всего круга источников – это единственно возможный способ утверждения подлинности в работе с такими источниками.

На мой взгляд, герменевтика как подлинность интерпретации должна исходить не из анализа материала верхнего уровня, а из конкретных фактических данных. Главное здесь – промежуточная операция, а именно: построение модели, исходя из неслучайной последовательности (а лучше всего – специализированных особенностей) сравниваемых явлений. Очевидно, что суть герменевтической процедуры в археологическом исследовании заключается в том, чтобы двигаться не от теории к практике, иллюстрируя примерами те или иные теоретические положения, а от практики к теории, аккумулируя сделанные наблюдения в систему, которой можно придать определенное теоретическое обоснование.

Е.А. Окладникова. Тут возникают очень важные вещи с точки зрения современного гуманитарного образования, на мой взгляд. Археология является школой, конкретной, обстоятельной школой, уникальным практикумом гуманитарного мышления, герменевтического по своей сути. И продуктивного, и просто захватывающего.

Д.Г. Савинов. Это определяется тем местом, которое археология занимает в современных школьных и вузовских программах гуманитарного образования... или хотя бы программах культурно-исторического туризма! Мало кто из добротного образованных в гуманитарном отношении людей не слышал о «королеве» пещер с наскальной живописью, с ее неповторимыми загадками, на которые до сих пор стараются ответить исследователи. Но цветной альбом (хотя бы альбом!) на русском языке росписей Альтамыры вы днем с огнем не найдете. Последнее монографическое издание с цветными

вкладками – книга А.П. Окладникова «Утро искусства» [5], книга 1967 года, между прочим. В этом году ей уже пятьдесят исполняется. И ни одного переиздания. И с другими пещерами-гигантами примерно так же. Я уже не говорю об отечественных памятниках: в основном технические издания для специалистов, с прорисовками и т.п. А попробуйте посетить эти места. В Европе – индустрия, а у нас некий эзотерический подход, не культурно-исторический, а именно экстремальный туризм.

Е.А. Окладникова. Есть, конечно, просветы, прекрасные издания. О недавно открытой пещере Шове Вернер Херцог снял фильм, и его уже показывают у нас, но это все именно эзотерика пока. И на фоне этого – дискуссии о происхождении человека, исторических началах человеческой культуры, в которые охотно пускаются люди, но ведут их с шокирующей гуманитарной, или, точнее сказать, археологической и герменевтической наивностью. Но миссия археолога – совсем не эзотерическая. Нам есть что сказать, и мы должны многое сказать тем, кто получает сейчас социологическое, психологическое, искусствоведческое образование. И не только... Ситуация требует очевидного вмешательства со стороны гуманитарного сообщества. Требуется комплексное, конечно, решение. Но вот, на мой взгляд, совершенно нестерпимая ситуация с переводами. Мы вынуждены работать популяризаторами чужих текстов, давно уже ставших классикой. Почему не перевести шедевры археологической мысли, как переводят памятники всемирной литературы или памятники истории философии? Почему так мало переводов работ зарубежных классиков археологии, например, А. Леруа-Гурана, А. Брейля, А. Ляминг-Амперер на русский язык?

Д.Г. Савинов. Здесь пересекаются несколько проблем. Одна проблема заключается в том, что у нас до сих пор сохраняется отрицательный стереотип того, что еще недавно называли «буржуазными школами» в науке. Конечно, есть серии изданий в исторической области, но опять же в «переложении». Вторая проблема заключается в том, что для того чтобы взяться за такие переводы, нужно быть очень хорошо подготовленным специалистом, хотя бы до того уровня знаний, который использовал переводимый автор. Надо знать не только его работу, но и всю ее предысторию, обстановку, в которой писалась эта работа. Например, тот же А. Леруа-Гуран, если переводить его, не имея

представления обо всех предшествующих теориях происхождения искусства, как правило, более доходчивых и простых, (теория «простого этапа», теория «макарон», «магическая теория»), то А. Леруа-Гуран будет читаться просто анекдотически [8]. Хотя его теория происхождения искусства абсолютно революционна. Наконец, сейчас некому делать переводы. Для того чтобы заниматься переводами, надо знать язык. Школьная языковая подготовка очень слабая. Университет – бакалавриат, уровень техникума, «ликбез». Бакалавров приходится доучивать за школу. А потому уже не до переводов.

Похоже, что современная археология представляет собой симбиоз различных школ, направлений и течений научной мысли. Но ведь концепции, теории, связанные с ними методики – это инструментарий, который археологи вольны использовать в своей работе в зависимости от того, что диктует материал и какие цели ставит перед собой исследователь. Применение в работе над разными по характеру памятниками различных методик и руководство разными объяснительными теориями может быть продуктивным. Как показала практика комплексного подхода, такие приемы позволяют получить «объемное» видение предмета исследования. Данные таких разработок в области археологии могут быть не противоречащими, а взаимодополняющими друг друга. И тогда, возможно, удастся «не упустить Диогена...»¹.

Литература

1. Амальрик, А.С., Монгайт, А.Л. В поисках исчезнувших цивилизаций. М.: Наука, 1966. 279 с.
2. Клакхон, К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб.: Евразия, 1998. 352 с.
3. Лаушкин, К.Д. Онежское святилище. 1. Новая расшифровка петроглифов Карелии // Скандинавский сборник. Таллинн. 1959. С. 83-111.

¹ Выдающийся английский археолог Мортимер Уиллер полагал, «что археолог найдет бочку и упустит Диогена. Он напишет глубокие исследования по типологии бочек, он классифицирует бочки по категориям А, Б и В, он откроет народ бочек и нанесет его путешествия на географические и геофизические карты. ... Единственное, что он проглядит и не сможет не проглядеть, это одна существенная вещь относительно этой бочки – а именно, что она служила убежищем для выдающегося киника и символизировала его философию на все времена». – Цит. по: Системная классификация археологической науки [Электронный ресурс] URL:<http://www.sati.archaeology.nsc.ru/classarch2/classarch/term.php?term=39> (дата обращения: 10.02.2016)

4. Мартынов, А.И., Шер, Я.А. Методы археологических исследований. М., 2002. 240 с.
5. Okladnikov, A.P. Утро искусства. Ленинград: Искусство. Ленинградское отделение, 1967. 136 с.
6. Formozov, A.A. Человек и наука: Из записей археолога [Сетевая книга] URL: <http://qwercus.narod.ru/zz/formozov.htm> (дата обращения: 20.02.2016).
7. Binford, L. R. Archaeological perspectives // S. R. and L. R. Binford (eds.). *New Perspectives in archaeology*. Chicago, Aldine, 1968. Pp. 5–32.
8. Childe, V. G. *Piecing Together the Past: The Interpretation of Archaeological Data*. Publisher: Frederick A. Praeger. N.Y. 1956. 188 p.
9. Leroi-Gourhan, A. *The Dawn of European Art: An Introduction to Palaeolithic Cave Painting*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
10. *Method and Theory in American Archaeology*. Univ. of Chicago Press, Chicago. 1958. 280 p.
11. Wobst, H. M. The Archaeo-Ethnology of Hunter-Gatherers or the Tyranny of the Ethnographic Record in Archaeology // *American Antiquity*. 1978. № 43. Pp. 303–308.

References

1. Amal'rik, A. S. and Mongait, A. L. *Looking for the Lost Civilizations*. Moscow: Nauka, 1966. 279 p.
2. Kluckhohn, C. *Mirror for Man. Introduction to Anthropology*. St. Petersburg: Evrazia, 1998. 352 p.
3. Laushkin, K. D. Onega Sanctuary. 1. A New Interpretation of the Petroglyphs of Karelia. *Scandinavian Collection*. Tallinn. 1959. Pp. 83-111.
4. Martynov, A. I., Sher, Ya. A. *The Methods of Archaeological Research*. Moscow, 2002. 240 p.
5. Okladnikov, A. P. *The Morning of Art*. Leningrad: Iskusstvo, 1967. 136 p.
6. Formozov, A. A. *Man and Science: From the Archaeologist Records* [Online Book] URL: <http://qwercus.narod.ru/zz/formozov.htm> (date of access: February 20, 2016).
7. Binford, L. R. Archaeological Perspectives. In: S. R. and L. R. Binford (eds.). *New Perspectives in archaeology*. Chicago, Aldine, 1968. Pp. 5-32.
8. Childe, V. G. *Piecing Together the Past: The Interpretation of Archaeological Data*. Publisher: Frederick A. Praeger. N.Y. 1956. 188 p.
9. Leroi-Gourhan, A. *The Dawn of European Art: An Introduction to Palaeolithic Cave Painting*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
10. *Method and Theory in American Archaeology*. Univ. of Chicago Press, Chicago. 1958. 280 p.
11. Wobst, H. M. The Archaeo-Ethnology of Hunter-Gatherers or the Tyranny of the Ethnographic Record in Archaeology. *American Antiquity*. No. 43 (1978). Pp. 303-308.

УДК 32.019.51

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-60-65

Венидиктов С. В.

**ЕВРАЗИЙСКОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО:
УНИФИКАЦИЯ ИЛИ КООРДИНАЦИЯ?**

Венидиктов Сергей Викторович, кандидат филологических наук, доцент. Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь, ул. Крупской, 67, г. Могилев, 212011, Республика Беларусь
E-mail: venidiktov4444@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается проблема выбора стратегии информационного взаимодействия в рамках Евразийского экономического союза: возможности унификации национальных информационных систем или координации деятельности медиаструктур в странах ЕАЭС. Последовательно анализируются противоречия в медиасферах Беларуси, России, Армении, Казахстана и Кыргызстана. Утверждается, что помимо отсутствия прямого законодательного регулирования, интеграция медиасистем осложняется неоднородностью и противоречивостью развития рынка СМИ в странах ЕАЭС, различием в преобладающих моделях массового информирования, в запросах гетерогенной аудитории.

Сделан вывод о том, что на данном этапе эволюции интеграционного процесса в ЕАЭС вопрос унификации информационного пространства не является первоочередным. Предложены направления координации медиасфер стран ЕАЭС: разработка правовой базы для информационной интеграции; введение в дискурс СМИ союзных государств интеграционной тематики; создание межгосударственных медиаструктур; выработка единого подхода к общественным СМИ; определение форм и методов взаимодействия СМИ без создания межгосударственных структур; использование потенциала сетевых СМИ.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; СМИ; медиасфера; интеграция; информационное пространство.

Venidziktau S.V.

**EURASIAN INFORMATION SPACE:
UNIFICATION OR COORDINATION?**

Venidziktau Siarhei Viktaravich, PhD in Philology, Associate Professor. Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 67 Krupskaya St., Mogilev, 212011, Republic of Belarus. E-mail: venidiktov4444@gmail.com

Abstract

The article deals with the problem of choosing the strategy of information exchange within the Eurasian Economic Union: the possibility of national information systems unification or coordination of activities in the EAEU countries' media structures. The author consistently analyzes the contradictions in the media sphere of Belarus, Russia, Armenia, Kazakhstan and Kyrgyzstan. It is affirmed that in addition to the lack of direct legislative control, the integration of media systems is complicated by the heterogeneity and contradictory development of the media market in EAEU countries, the differences in the common models of mass information and in a heterogeneous audience requests.

It was concluded that at the stage of the integration process in the EAEU the question of information space unification is not a priority. Directions for EAEU countries' media coordination include: the development of a legal framework for information integration; the introduction of integration topic to the media discourse of the EAEU subjects; the creation of the interstate media structures; the development of a common approach to public media; the identification of forms and methods of interaction between the media without creating interstate structures; the use of online media potential.

Keywords: Eurasian Economic Union; the media; media sphere; integration, information space.

Эволюция интеграционных объединений в пространстве Евразии ставит политиков и общественность перед вопросами: возможна ли интеграция экономическая вне информационной, реальна ли эффективная согласованная трансформация рынков без унификации системы межгосударственной коммуникации? Не будет ли означать коммуникативная интеграция стран-участниц ЕАЭС перехода к избыточному политическому взаимодействию, что противоречит декларируемым экономическим приоритетам? Подобные вопросы приобретают особую остроту в связи с тем, что механизмы законодательного регулирования информационных сфер в документах о создании ЕАЭС прямо не прописаны. В статье 23 Договора о Евразийском экономическом союзе содержится лишь упоминание о необходимости коммуникативного взаимодействия.

Неизбежность актуализации затронутой проблемы в ближайшее время очевидна. В резолюции IX Белорусского международного медиафорума «Партнерство во имя будущего» (2014 г.) утверждается, что «фундаментальной задачей евразийской интеграции является формирование общего пространства гуманитарных ценностей, а, следовательно, единого информационного пространства»¹. В этой связи показателен опыт Европейского союза, где экономическая и политическая интеграция сопровождалась формированием общеевропейской медийной системы, а в 2016 году активно идет работа по созданию Единого цифрового рынка, который способен приносить сотни миллиардов евро ежегодной прибыли в результате снятия барьеров информационного взаимодействия². Условия ускоренного развития интеграции в ЕАЭС делают маловероятной естественную эволюцию евразийского информационного пространства, подразумевают необходимость активного участия власти в выработке оптимальной модели коммуникационного взаимодействия. Закономерный вопрос о степени подобного

вмешательства и его направленности приводит к формулировке оппозиции «унификация / координация». Другими словами, возможна ли унификация национальных информационных моделей в угоду экономическим интересам, или координация деятельности медиаструктур в странах-участницах ЕАЭС является достаточным условием интеграции? Поиск ответа на него предопределяет цель данного исследования и должен начинаться с анализа медийных систем в ЕАЭС. Подобное направление подразумевает использование методов системного анализа, экстраполяции, а также структурно-функционального метода, позволяющих выявить типологические сходства и различия, спрогнозировать перспективы взаимодействия СМИ союза. Таким образом, объектом исследования выступает информационное пространство стран-участников ЕАЭС, формально представленное СМИ, доминирующими моделями массового информирования и типами аудиторного выбора.

Согласно концепции Е.Л. Вартановой, в государствах ЕАЭС существуют три медийные модели (автор опирается на теорию Д. Халлина и П. Манчини [9]). Для России характерна евроазиатская государственно-коммерческая модель, предопределяющая смешанную форму собственности на СМИ и вмешательство государства в их деятельность. Армения отнесена к евроазиатской догоняющей модели с невысоким экономическим и технологическим уровнем, неустойчивостью рыночных механизмов функционирования СМИ и противоречивой медиаполитикой. Медиапространства Казахстана, Беларуси и Кыргызстана описываются евроазиатской патерналистской моделью с доминированием государственных структур и ограниченным влиянием рынка на деятельность СМИ [1].

Медийную систему Беларуси представляют около 1600 печатных периодических изданий (из них 70 % – негосударственные), девять информационных агентств, 273 теле- и радиопрограммы (190 государственных и 83 негосударственные). К началу 2016 г. функционировали 309 сайтов печатных СМИ Беларуси, 299 ресурсов интернет-изданий, 51 сайт радио и 33 сайта телевидения³. Лидирующее

¹ Участники медиафорума призывают принять исчерпывающие меры по стабилизации ситуации в горячих точках планеты // БЕЛТА. Новости Беларуси. [Электронный ресурс] URL: <http://www.belta.by/politics/view/uchastniki-mediaforuma-prizyvajut-prinjat-ischerpyvajuschie-mery-po-stabilizatsii-situatsii-v-gorjachih--47032-2014> (дата обращения: 06.08.2015).

² The Commission and its Priorities // European Commission. [Online] URL: http://ec.europa.eu/index_en.htm (date of access: January 13, 2016).

³ АКАВИТА.БЫ. Статистический интернет-ресурс. [Электронный ресурс] URL: <http://akavita.by/ru/top/All/All/30days/visitors/desc/All/All> (дата обращения: 06.08.2015).

положение в инфосфере республики занимает государственное телерадиовещание, что объясняется наличием финансовой и правовой поддержки, максимальным охватом территории, аккумулярованием рекламного бюджета. Телевидение, представленное восемью общенациональными каналами, доминирует как источник массово-политической информации. В «социальном» телевизионном пакете присутствуют каналы «НТВ–Беларусь» и «Россия–Беларусь», транслируемые на основании концепции и программного продукта российских «НТВ» и «Россия», а также межгосударственный телеканал «Мир».

Доступность и технические возможности коммуникационных каналов, находящихся в государственной собственности, определяют их потенциал информационного влияния на интеграционные процессы. Исследование, проведенное Министерством информации в 2014 г., показало, что белорусские телеканалы по уровню доверия аудитории (около 82 %) опережают зарубежные. Местному телевидению, а также каналу «Мир» доверие высказывают 75 % зрителей, оригинальным версиям российских телеканалов и новостным телеканалам – по 64,6 % [4]. Следовательно, для белорусской аудитории межгосударственные медиапроекты являются востребованными и авторитетными, и это позволяет предположить, что расширение присутствия СМИ ЕАЭС в медиасфере республики будет воспринято положительно.

В России зарегистрировано более 83,5 тыс. СМИ (около 90 % из них – негосударственные), функционируют более 9,5 тыс. интернет-СМИ. Для медиасистемы России характерны: сложная структура, включающая около 90 региональных систем (информационная интеграция необходима и внутри российского медиарынка); обусловленность развития состоянием рекламного рынка; коммерциализация телевидения и политизация печатных СМИ; гетерогенность территориально разрозненных медиа. Медиасистема России включает в себя федеральный, межрегиональный, региональный, сетевой (интернет) уровни, что не характерно для других стран ЕАЭС. Функционируют 19 федеральных телеканалов, наиболее влиятельные из которых, «Первый канал», «Россия» и НТВ, охватывают 98 %, 95 % и 85 % российской аудитории соответственно. Основные СМИ, определяющие информационную политику, контролируются властью либо крупными политизированными корпорациями.

Как и в Беларуси, в России наиболее востребованным СМИ остается телевидение: федеральные каналы являются важным источником информации для 98 % населения, региональные – для 88 %. Печатным СМИ доверяют 70 % россиян, интернету – около 60 %. Зарубежные СМИ пользуются невысокой популярностью: к ним регулярно обращается лишь каждый четвертый россиянин [5].

В Армении отмечается доминирование телевидения в качестве источника общественно-политической информации, действует около 40 частных телеканалов и два общественных, ретранслируются российские каналы и американский CNN. Из семи крупнейших каналов страны пять являются частными, два – общественными (Первый канал общественного телевидения и «Шогакат»). Печатные СМИ теряют аудиторию: согласно некоторым данным, регулярно читают прессу 5 % граждан Армении. Половина крупных газет в стране являются оппозиционными, отождествляя свою информационную политику с программой той или иной политической партии, что ведет к ослаблению позиций качественной периодики. Отмечается незначительное количество не зависящих от власти и от капитала информационных ресурсов, недостаток глубокой аналитики в материалах.

В медиасфере Армении длительное время отсутствовали российские СМИ и, соответственно, альтернативный взгляд как на внутривнутриполитические процессы в стране, так и на ее внешнюю политику (сейчас функционируют печатные СМИ на русском языке «Элитарная газета», «Армавиа», «Стратегии развития» и др., сетевые ресурсы aivazovskydb.com, tourismdb.ru, rapogama.am и др.). Одновременно ведущие медиаресурсы активно сотрудничают с западными СМИ и фондами. В такой ситуации объективное освещение интеграционных процессов в пространстве ЕАЭС выглядит труднодостижимым.

В Казахстане функционирует более 2700 СМИ, из которых 15 % (около 435) являются государственными. Большая часть медиа представлена печатными СМИ – около 90 % (более 1600 газет и 800 журналов), 9,5 % составляют электронные СМИ (63 телекомпании, 42 радиокomпании, 146 операторов кабельного телевидения и шесть – спутникового вещания). В стране действуют 11 информационных агентств [2]. 13 телеканалов входят в перечень обязательного общенационального

распространения. Устойчивые позиции на рынке занимают традиционно более профессиональные в сравнении с казахстанскими российские СМИ, которые имеют высокий аудиторный рейтинг, пользуются поддержкой власти. В стране принят закон, по которому с 2016 г. вводится квотирование русскоязычных СМИ на уровне 50–60 % (при этом в целом ограничивается вещание на иностранных языках). Сейчас в Казахстане вещают три адаптированные версии российских каналов: 31 канал (СТС), Первый канал Евразия (Первый канал), НТК (ТНТ), – а также канал СНГ «Мир» (МТРК «Мир»).

С 2008 г. в Казахстане происходит процесс слияния медийных компаний, инициированный крупными финансово-политическими компаниями и политическими группами. В результате часть СМИ была вынуждена уйти с медиарынка, их нишу заняли конкурентоспособные медиахолдинги. Продолжается процесс вытеснения частных СМИ, в которых содержится критика государственной власти. Согласно данным общественного фонда «Правовой медиасектор», около 90 % СМИ Казахстана (в первую очередь телевидения) получают правительственное финансирование для освещения социально-экономических проблем с точки зрения официальной идеологии⁴. Существование подобного государственного заказа, на наш взгляд, снижает объективность и аудиторную привлекательность медиа, сказывается на восприятии населением информации интеграционной тематики.

В Кыргызстане зарегистрировано более 1500 СМИ, среди них 159 газет, 25 телеканалов и 17 радиостанций. Подавляющее большинство медиа, наряду с национальным, использует русский язык. Однако в стране (впрочем, как и в Армении) аудитория информационно-аналитических русскоязычных СМИ представлена в основном интеллигенцией старшей возрастной группы. В начале 2016 г. Министерство культуры, информации и туризма начало обсуждение проекта соглашения между правительствами Кыргызстана и России о сотрудничестве в области массовых коммуникаций⁵.

⁴ В 2015 СМИ Казахстана выделено почти 43 млрд тенге госзаказа. 15 сентября 2015. // FORBES.KZ. [Электронный ресурс] URL: http://forbes.kz/massmedia/v_2015_smi_kazakhstan_vyideleno_pochti_43_mlrld_tenge_goszakaza (дата обращения: 08.02.2016).

⁵ Минкультуры предлагает увеличить объем обмена новостями между СМИ Кыргызстана и России. 6 января

Предполагалось, что телеканалы «Первый канал. Всемирная сеть» и «РТР Планета» приобретут особый статус: к ним не будут относиться ограничения в части использования русского языка и общие рамки для иностранных медиа. Однако проект не был утвержден. На наш взгляд, уравнивание в правах СМИ Кыргызстана и России, изначально не сопоставимых технологически, финансово и профессионально, чревато дальнейшим снижением авторитета национальных медиа, утратой ими влияния.

В сфере законодательного регулирования СМИ в Кыргызстане также существует практика адаптации российского опыта (например, ограничение доступа журналистов к информации), не всегда отвечающая специфике национальной медиасреды. При этом в действующем Законе 1992 г. «О средствах массовой информации» содержится запрет цензуры, ограничиваются возможности государственного вмешательства в деятельность медиа [6]. В 2011 г. была создана Общественная телерадиовещательная корпорация Кыргызской Республики (ОТРК), которая объединяет пять телеканалов, шесть радиостанций, Республиканский радиотелецентр и студию «Кыргызтеlevision». Исходя из того, что среди основных задач ОТРК названы формирование единого информационного пространства и распространение объективной информации о политике государства, этот ресурс правомерно рассматривать в качестве перспективной платформы информационной интеграции Кыргызстана в ЕАЭС. Однако финансируется ОТРК из средств бюджета, а не за счет общественных взносов, что не позволяет говорить о ней как о «традиционном» общественном СМИ.

Федеральный общедоступный канал Общественное телевидение России (ОТР) по этой же причине не может рассматриваться как общественный. Общественное телевидение, не контролируемое государством, существует в Армении, но отсутствует в Беларуси и Казахстане. Как показывает европейский опыт и деятельность межгосударственных СМИ в СНГ и Союзе Беларуси и России, общественное вещание обладает наибольшим интеграционным потенциалом в межгосударственных структурах. Создание евразийского общественного канала стало одним из предложений, высказанных

2016. // ИА АКИpress. [Электронный ресурс] URL: <http://kg.akipress.org/news:629213> (дата обращения: 09.02.2016).

участниками дискуссии по информационной политике в ЕАЭС в Интеграционном клубе при председателе Совета Федерации РФ (январь 2016 г.). Также в качестве предложений по оптимизации взаимодействия союзных СМИ были названы совместная подготовка кадров и проведение съездов выпускников «журналистских» учебных заведений ЕАЭС⁶. Необходимость создания единого информационного пространства в ЕАЭС была признана и участниками VIII Форума европейских и азиатских медиа (ФЕАМ-2015), состоявшегося в Москве в ноябре 2015 г.⁷.

Как видим, общими характеристиками медиaproстранства государств-участников ЕАЭС являются: устойчивая позиция СМИ, контролируемых государством; значительный авторитет местных традиционных СМИ в сравнении с зарубежными; доминирование телевидения как источника социально-политической информации с поддержкой государственных каналов; утрата влияния радиовещанием и печатными СМИ; рост значения интернета как источника информации; стабильное присутствие русскоязычных медиа (преимущественно, телевидения). Экспертные оценки свидетельствуют о различной степени независимости СМИ в государствах ЕАЭС. Во Всемирном индексе свободы СМИ, представленном организацией «Репортеры без границ» и включающем 180 стран, наиболее высокие позиции занимают новые члены ЕАЭС: Армения находится на 78-м месте, Кыргызстан – на 88-м. Россия в индексе занимает 151-е место, Беларусь – 157-е, Казахстан – 160-е [10]. В отчете указано, что для Казахстана характерна жесткая государственная политика в отношении интернета, ограничение деятельности оппозиционных и иностранных СМИ. Беларусь в конце 2015 г. потрясла информация о возможном создании единого государственного дистрибьютора телеканалов, что будет означать монополизацию медиарынка. В России только 14 % журналистов декларируют отсутствие

ограничений для профессиональной деятельности [7, с. 30]. В Армении существуют расхождения в степени независимости подачи информации на государственном телевидении и в сетевых СМИ. В Кыргызстане все центральные СМИ финансируются бюджетом, что предопределяет их зависимость от власти [3].

Таким образом, на данном этапе эволюции интеграционного процесса в ЕАЭС вопрос унификации информационного пространства не является первоочередным ввиду отсутствия законодательной базы и системы эффективного взаимодействия СМИ различных государств, наличия существенных различий в национальных медийных моделях. Более реальной выглядит задача координации медиасфер стран-участниц ЕАЭС, возможная при соблюдении следующих условий:

1. Разработка правовой базы для информационной интеграции. К потребностям информационного пространства ЕАЭС могут быть адаптированы отдельные законодательные акты СНГ, например, модельный закон «Об основах регулирования Интернета» 2011 г. Интерес представляет и законодательство ЕС, регулирующее медийное взаимодействие.

2. Введение в дискурс СМИ союзных государств (как центральных, так и региональных) интеграционной тематики и ее позиционирование в качестве актуального направления экономического и социально-политического развития, связанного с потребностями рядовых граждан, а не только политических элит. С этой целью возможно создание межгосударственного информационного агентства ЕАЭС с региональными подразделениями в странах-участницах союза.

3. Создание межгосударственных медиаструктур. Моделью в этом направлении могут выступать СМИ СНГ (ТРК «Мир») и Союза Беларуси и России (ГРО «Союз»), имеющие опыт координации деятельности входящих в их состав медиа различных государств. Перспективно также использование опыта европейских вещателей (Euronews, ВВС и др.) с той лишь оговоркой, что единой «западной» модели СМИ, оторванной от политических реалий и культурологической базы, не существует [8].

4. Выработка единого подхода к содержанию понятия «общественные СМИ», к правовым и финансовым механизмам функционирования подобных медиа, являющихся наиболее перспективными с точки зрения

⁶ Ставка на кадры. 28.01.2016. // ФГБУ Редакция «Российской газеты». [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2016/01/28/zasedanie-site.html> (дата обращения: 01.02.2016)

⁷ Участники ФЕАМ-2015 считают необходимым создать в ЕАЭС единое информационное пространство. 10.11.2015. // БЕЛТА. Новости Беларуси. [Электронный ресурс] URL: <http://www.belta.by/society/view/uchastniki-feam-2015-schitajut-neobhodimym-sozdat-v-eaes-edinoe-informatsionnoe-prostranstvo-169754-2015/> (дата обращения: 01.02.2016).

организационного построения межгосударственных медийных организаций.

5. Определение форм и методов взаимодействия СМИ государств-участников ЕАЭС без создания межгосударственных структур.

6. Активное и системное использование потенциала сетевых СМИ в формировании благоприятного информационного фона для интеграционных процессов; создание межгосударственных информационных интернет-порталов, интегрированных с уже действующими востребованными национальными ресурсами.

Литература

1. Варганова, Е.Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М.: МедиаМир, 2014. 280 с.

2. История становления информационного рынка в Казахстане // Медийное право. [Электронный ресурс] URL: <http://medialaw.asia/node/9139> (дата обращения: 07.02.2016).

3. Мамбеталиев, К. О состоянии СМИ Кыргызстана // Проект «Защита демократических принципов свободы слова в странах Центральной Азии». [Электронный ресурс] URL: <http://www.monitoring.kg/?pid=10> (дата обращения: 05.01.2016).

4. Медиафера Беларуси. Социологический аспект / под общ. ред. В.О. Дашкевича. Минск: Информационно-аналитический центр при администрации Президента Республики Беларусь, 2014. 98 с.

5. Рябова, Е.Л., Колесникова, Н.А. Роль средств массовой информации для формирования гражданского общества в России // Этносоциум. 2014. № 12(78). С. 19–25.

6. Сатылканова, А.Р. Законодательные основы общественного телевидения в Кыргызской Республике // Вестник КРСУ. 2015. Том 15. № 2. С. 142–144.

7. Anikina, M. Journalists in Russia // *Journalism in Russia, Poland and Sweden – traditions, cultures and research*. Journalistik, Institutionen för kommunikation, medier och IT, 2012. Pp. 13–31.

8. Gross, P. Between Reality and Dream: Eastern European Media Transition, Transformation,

Consolidation and Integratio // *East European Politics and Societies*. 2004. № 18(1). Pp. 110–131.

9. Hallin, D. and Mancini, P. *Comparing Media Systems. Three Models of Media and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 342 p.

10. 2015 World Press Freedom Index // *Reporters without borders*. [Online] URL: <http://index.rsf.org#!/> (date of access: 04.01.2016).

References

1. Vartanova, E. L. *The Post-Soviet Transformation of the Russian Media and Journalism*. Moscow: MediaMir, 2014. 280 p.

2. The History of Information Market Development in Kazakhstan. *Media law*. [Online] URL: <http://medialaw.asia/node/9139> (date of access: February 7, 2016).

3. Mambetaliev, K. The Status of the Media in Kyrgyzstan. *The project «Defense of democratic principles of freedom of speech in Central Asia»*. [Online] URL: <http://www.monitoring.kg/?pid=10> (date of access: January 5, 2016).

4. *Mediasphere of Belarus. Sociological Aspect*. Ed. by V.O. Dashkevich. Minsk: Information and Analytical Centre of the Presidential Administration, 2014. 98 p.

5. Ryabova, E. L. and Kolesnikova, N. A. The Role of the Media in the Formation of Civil Society in Russia. *Etnosotium*. No. 12(78) (2014). Pp. 19–25.

6. Sатылканова, А. Р. Legal Basis of Public Television in the Kyrgyz Republic. *KRSU Bulletin*. Vol. 15. No. 2 (2015). Pp. 142–144.

7. Anikina, M. Journalists in Russia. *Journalism in Russia, Poland and Sweden – Traditions, Cultures and Research*. Journalistik, Institutionen för kommunikation, medier och IT, 2012. Pp. 13–31.

8. Gross, P. Between Reality and Dream: Eastern European Media Transition, Transformation, Consolidation and Integration. *East European Politics and Societies*. No. 18(1) (2004). Pp. 110–131.

9. Hallin, D. and Mancini, P. *Comparing Media Systems. Three Models of Media and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 342 p.

10. 2015 World Press Freedom Index. *Reporters without borders*. [Online] URL: <http://index.rsf.org#!/> (date of access: January 4, 2016).

MISCELLANEOUS: ЭССЕ, ДИСКУССИИ, СООБЩЕНИЯ

MISCELLANEOUS: ESSAYS, DISCUSSIONS, MESSAGES

УДК 304.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-66-70

Копривица Ч. Д.
перевод **Ряпухиной В. Н.**

ЧЕРНОГОРЦЫ

Копривица Часлав Д., доктор философских наук, профессор. Белградский государственный университет
ул. Йове Илича, 165, г. Белград, 11000, Республика Сербия. e-mail: caslav.koprivica@fpn.bg.ac.rs

Ряпухина Виктория Николаевна, кандидат экономических наук, доцент. Белгородский государственный
технологический университет им. В.Г. Шухова. ул. Костюкова, д. 46, г. Белгород, 308012, Россия
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия. e-mail: viktorer_r@mail.ru

Аннотация: Статья выполнена в жанре политологического эссе и посвящена одному из наиболее острых вопросов истории самоосвобождения и государственного сплочения сербов. Черногория, как обосновывает автор, есть экзистенциальное и символическое начало этой истории; именно поэтому попытки осуществить «пересмотр ценностей» и идентифицировать черногорцев как не сербов (или даже «антисербов») в новейшей постюгославской истории Балкан являются опасным прецедентом, угрожающим историческому единству сербского мира. В статье описываются основные сюжеты новейшей «переоценки ценностей» в отношении черногорской этнополитической идентичности; отмечается, что миссия Черногории всегда заключалась в том, чтобы быть ядром сербского единства, а не разъединения. Попытки переистолковать эту миссию, рядоположить разные интерпретативные практики ее понимания, суть не более чем культурная акция, постмодернистское («послесовременное») предприятие, ангажированное извне исторического опыта сербской идентичности, неотъемлемой и уникальной частью которой является идентичность черногорская.

Ключевые слова: Черногория; черногорцы; черногорская идентичность; Сербия; сербская идентичность; пересмотр ценностей; история Сербии; самоосвобождение сербов.

Koprivitsa Ch.D.
translated by
Ryapukhina V. N.

WHO IS MONTENEGRIN?

Koprivitsa Chaslav D. Doctor of Philosophical Science, Full Professor. Belgrade State University
165 Jove Ilica St., Belgrade, 11000, Serbia

Ryapukhina Viktoria Nikolaevna, PhD in Economics, Associate Professor. Belgorod State Technological University named
after V.G. Shukhov, 46 Kostyukova St., Belgorod, 308012, Russia. Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia. e-mail: viktorer_r@mail.ru

Abstract

The article is written in the genre of political essay devoted to one of the most pressing questions of the history of Serbian self-liberation and national consolidation. As the author proves, Montenegro has an existential as well as symbolic beginning of the Serbian history; that is why all the attempts to implement "revision of values" and identify the Montenegrins as a very special or even anti-Serbian entity in the recent history of the postmodern Balkans are deeply dangerous. It is an extra precedent threatening the free spiritual unity of the Serbian world. The author of the article describes the main themes of modern "reevaluation of values" of Montenegrin identity and notes that Montenegro's mission has always been to be the core of Serbian unity, not a corpus separatum. Attempts to reinterpret this mission as one of the different interpretive practices are nothing more than a postmodern attempt of identity construction based outside the historical unity of the Serbian identity, i.e. the identity of the Montenegrin as an integral and unique part of identity of all Serbs.

Keywords: Montenegro; Montenegrin identity; Serbia; the Serbian identity; revision of values; the history of Serbia; Serb self-liberation.

Мы живем в то время, когда изо дня в день напоминает о себе нищевский игровой мотив *переоценки всех* (или почти всех) *ценностей*. Этот мотив звучит не только доктринально, из некоторой притягательной метафизической глубины. Им до слез наперчено и пропитано все живое; его жгучее обаяние дает себя знать повсюду – во всем особенном символическом тумане повседневной жизни, в котором возникают новые силуэты, прежде немислимые и недостойные, и оказывается размытым и малопривлекательным всё прежде бесспорное. В нашей новой сербской общности – или, лучше сказать, *разобщенности*, сильнее всего впечатляет стремительная переоценка и умаление былого достоинства тех, кого мы издавна именуем Черногорцами. Немногие из них, нынешних, выживших в едкой, головокружительной ауре бесчинств своих «дуклянских» собратьев (к сожалению, не только власть имущих), – не позабыли о том, что они Сербы; они со стыдом наблюдают за «ценностным поворотом» в Черногории¹. Гонимой в Черногории оказывается Сербская Православная Церковь, и создается шовинистическая антицерковная секта, в которую входят люди, давно лишённые духовного сана, – именующие себя Черногорской Православной Церковью. Разгораются албанские политические симпатии, которые становятся тем сильнее, чем сильнее оказывается неприязнь к Сербии (а с некоторых пор и к России). Сербы, жившие вдали от Черногории, всегда восхищались подлинно сербской отвагой и величием этого сербского края, его неукоснительной приверженностью сербским идеалам; сейчас на смену восхищению пришли

¹ В 1997 году началось выявление «альтернативной», не сербской идентичности Черногории: было возрождено античное, римское название части современной Черногории (Диоклетия), которое в язык переселенцев-славян вошло как «Дукля». Основы этого довольно странной квазиримской реконструкции черногорской идентичности были заложены аутсайдерами югославского научного сообщества еще в семидесятых годах XX века и тогда же поддержаны отдельными представителями черногорской коммунистической элиты. В 70-х это выглядело забавно, но к концу 90-х не признанные научным сообществом, позиционировавшие себя уже как антикоммунисты искатели несербской идентичности стали радикальными антисербскими шовинистами и основали одиозно-фарсовую Дуклянскую академию науки и искусств. С тех пор в политическом жаргоне черногорских сербов понятие «дуклянин» употребляется как уничижительное обозначение тех национально фрустрированных черногорцев, которые придерживаются антисербских политических взглядов.

горечь и негодование. Те же, кто некогда страшился сербского величия Черногории, сменили страх на презрение и насмешку; впрочем, им невыразимо приятен черногорский игровой «поворот».

Как дошло до этого? Председатель черногорского правительства Мило Джуканович решил продолжить дело Милована Джиласа² – расторгнуть договор о союзе Черногории и Сербии в рамках Союзной Республики Югославии. Нет безупречных юридических версий, объясняющих это решение; в символическом тумане заметны только силуэты игры – переоценки недостойного в достойное, преобразования личной выгоды в антисербский интерес (поговаривают, будто Джуканович принял это решение, тайно встретившись с некими представителями Запада в то же время, когда против него велся судебный процесс в Италии, где его уличали в котрабанде табака). Воспрепятствовать Джукановичу пытался тогдашний президент Черногории Момир Булатович, но трудно тягаться с человеком, для которого важнее всего личная выгода. Противостояние завершилось на президентских выборах в январе 1998 года: после первого тура Джуканович сокрушительно отставал от лидера, и тогда – между первым и вторым туром президентских выборов! – тысячи имен были внесены в списки избирателей. Выборы изобиловали нарушениями, но игра есть игра: Мило Джуканович был признан победителем. Изначально Джуканович в своей риторике делал упор на «защиту интересов Черногории» от самовластия Белграда, олицетворяемого Слободаном Милошевичем, который, кстати сказать, имел черногорское происхождение и по отцу, и по матери. Джукановичу весьма

² Милован Джилас, второй человек в Коммунистической партии Югославии (КПЮ), родом из Черногории, был идейным творцом концепции «черногорской нации», в соответствии с которой в ходе первой после Второй мировой войны переписи населения все православные, проживающие в Черногории, директивно были провозглашены «этническими» черногорцами. Впоследствии Милован Джилас известен как самый влиятельный диссидент в истории КПЮ, который в начале 50-х гг. выступил с критикой недемократических девиаций партии, за что был приговорен к тюремному заключению, во время которого он осознал свою ошибку относительно «черногорской нации». До конца своей долгой жизни этот идейный родоначальник теории несербской Черногории осуждал эту концепцию и умер как убежденный серб. Зачатки идеи о черногорской нации возникли до Джиласа, в коминтерновских кругах.

симпатизировала сербская оппозиция, которые видела в нем «борца за демократию». Но «пересмотр ценностей» шел вполне последовательно: после всплеска антисербского шовинизма и начала процесса навязывания идеи несербской идентичности Черногории и черногорцам стало ясно, что демократия, «народовластие» – ценность, которую нужно пересмотреть в пользу самовластия. После перемены власти в Сербии 5 октября 2000 года (политической ликвидации Слободана Милошевича) Джуканович, наконец, обнародовал свою цель – «независимая Черногория». В ходе переговоров между Белградом и Подгорицей последняя была абсолютной западной фавориткой. Широкая сербская оппозиция в Черногории устойчивым образом игнорировалась Западом, а в ходе проведения референдума в мае 2006 года, когда Запад сквозь пальцы смотрел на участие в голосовании тысяч «мертвых душ» и лиц, не являющихся гражданами Черногории, десятки тысяч проживающих в Сербии черногорских граждан были лишены права участия в референдуме. Так под протекторатом Запада, вовлекаемая в игру ценностей и престолов, Черногория умаляла свою сербскую индивидуальность. Поворот совершился: «независимая Черногория» была создана.

Началась другая игра. Деграция сербской индивидуальности здесь совершилась менее чем за двадцать лет и по своей скорости и радикальности оказалась одной из самых страшных за всю историю сербского народа. Далеко не все сербы-черногорцы опустили руки, но все же впадшая в независимость, «эмансипированная» от своей исторической памяти, неповторимого своего лица и самого своего исторического сербского существа Черногория с каждым днем становилась и становится все менее сербской и – в силу необходимости – все менее черногорской.

Чем же, однако, был некогда древний край – «Черная гора», – что было искони безусловным отличием черногорцев? Черногорец, исторически, – это средневековый «динарский»³ серб,

³ Динара – это гора в некогда существовавшей непризнанной республике Сербская Краина, которая сегодня входит в состав Республики Хорватия. Немецкие антропологи в XIX столетии ввели расово-антропологический тип «динарец», который охватывал население горных территорий сегодняшней Хорватии, целой Боснии и Герцеговины, Черногории и Западной Сербии. Динарцы – высокие, ширококостные, мощного телосложения, темпераментные и готовые к борьбе, хотя это можно считать характеристикой

отстаивавший свою сербскую идентичность, свой край земли вопреки кажущемуся всевластию Османской империи. Этот сербский край – территория сопротивления и свободы у подножия горы Ловчен, на Которском заливе – не был жестко устроенным автономным государственным образованием. Смежным и опорным для этого края было самобытное государство Зета, которое сербы по-соседски успешно обживали; при этом не возникало никакой «неясности» относительно своего положения ни у зетских, ни у вольных ловченских сербов, ни у иных сербских племен, ведших успешную освободительную борьбу⁴. Само же имя «Черная гора» («Черногория») появляется только в 1496 году в летописях *юго-западных сербов*, спустя почти столетие после того, как необратимо завершилась история древнего государства Зета. Во вновь появившемся имени как будто присутствовал отголосок некоего суеверия – чувства, что не надо по имени «покойного», который хотя и героически, но все же печально завершил свой жизненный путь, называть «новорожденного». Впрочем, вряд ли стоит искать в новом имени особую мистическую дальновидность воюющей братии Ловчена; здесь

всех сербов, а также представителей тех народов, которые тем или иным образом сформировались в процессе «эмансипации» сербов (хорваты, «бошняки» (сербы мусульмане) и «черногорцы»).

⁴ У сербов, пришедших на Балканы во времена переселения славян и смешавшихся с коренными жителями этого полуострова (иллирийцами, кельтами и другими), даже в средние века частично сохранились племенные социально-психологические структуры, а падение сербского государства и начало периода турецкого ига стало отправной точкой процесса ретрибализации, обусловленного возникновением пробелов после разрушения общественного уклада, характерного для средневековой жизни сербов. Вследствие этого произошло восстановление старых и возникновение новых племенных структур и иерархий, которые существовали параллельно с социальными институтами, навязанными турецкими завоевателями, и, очевидно, представляли собой реальную базу для повсеместного сопротивления. Надо полагать, что с наибольшим успехом это восстановление шло на территории у горы Ловчен – в месте первого организованного, принявшего острейшую форму и достигшего своей цели сербского антитурецкого сопротивления. Интересно, что в Черногории и по сей день существуют представления о приблизительной географии межплеменных границ, как и остатки воспоминаний о племенной принадлежности, которая, между тем, является достаточно условной. В процессе исторической эволюции черногорского государства в XIX веке племенные структуры теряли свое значение, а сегодня дают себя знать преимущественно в фольклорных реминисценциях, благодаря которым каждый в Черногории осведомлен, к примеру, насчет того, насколько представительной в социально-племенной традиции является его семья.

трудно говорить и о каком-либо осознанном стремлении к государственному «дисконти-нуитету», поскольку Зета, без сомнения, являлась автономным княжеством, а то, что сформировалось как «Черная гора», являлось отвоёванным мечом и обгаренным кровью клочком земли, где, по словам Петра Петровича Негоша, жили в состоянии «ужасной свободы», сохранению которой постоянно что-то грозило.

Исконная Черная гора не была государством, но стала им – по мере осуществления исконной и общей цели всех сербов, стремившихся к свободе и единству. Создание Черной горы являлось закономерной промежуточной стадией развития общей сербской государственности; ее собственная государственность ни в коем случае не являлась самоцелью. Черногория воплощала в себе *новое начало*: исконная средневековая «Черная гора», была то сербское, что уже больше не было «и» турецкое, т. е. не подчинялось туркам. С самого начала силы были неравны; было неясно, как долго сохранится эта уникальная территория сербской свободы. Но зажглась и со временем разгорелась искра надежды на то, что эту свободу удастся сохранить, миновать удара судьбы, который постиг, к примеру, требешан – племя, которое проживало в окрестностях современного города Никшич и в XVI в. подняло крупное и поначалу также достаточно успешное восстание. Для *черногорской территории свободы* были характерны два основных устремления: как можно дольше держать оборону и как можно больше расширить свою территорию, во вред туркам и на пользу угнетенным сербам (ловченская братия, между прочим, начала поглядывать и в сторону сербских областей, находящихся под властью Венецианской республики). С самого начала возникновения черногорской территории свободы сербы-черногорцы очень хорошо понимали, что нужно не только защищать и оберегать свою свободу, но и исполнять миссию освобождения других: соседей, родственников, друзей и знакомых, – постепенно всех сербов, где бы они ни жили и под чьей бы властью не находились. Исторически Черная гора или, позже, Черногория – это территория не только самозащиты, сопротивления внешнему игу собственными силами, но и организации неустанной борьбы за освобождение поработанных сербских собратьев.

То, что «черногорцы» освобождали «сербов», не следует понимать как историю о двух якобы разных народах, где «доблестный» народ

освобождал другой, менее «доблестный». Речь идет о том, что освободившиеся сербы стали или становились «черногорцами» уже в силу своей свободы, вследствие священной для них освободительной борьбы; это было своего рода наглядным символическим дополнением к их сербской идентичности. Летопись освободительных войн, которые вела Черногория в XVIII и XIX веках показывает, как расширение Черногории расширяло круг тех, кто становился «черногорцем», никогда при этом не переставая быть сербом. Верно также и обратное: «черногорцы» считали своей первостепенной миссией освобождение сербов потому, что сами, прежде всего и помимо всего, были и оставались сербами; в противном случае угнетение остальных сербов трогало бы их примерно в той же степени, как факт порабощения болгар. Они, завоевав свободу, стали «черногорцами», т. е. свободными сербами, с некоторой символической яркостью переживая свою свободу (подобно тому как в 1940 году голлисты «Сражающейся Франции» стали ненадолго символически «свободными французами»).

Тяготы долгого порабощения привели к тому, что свобода стала *differentia specifica* для сербов, – но не так и не для того, чтобы когда-нибудь это стало основой разделения соотечественников, людей одной сербской крови, где бы они ни жили⁵. Но именно в современной постсербской и антисербской Черногории свобода признается привилегией будто бы и не сербов – «дуклян». Впрочем, свободны ли они? Им, возгордившимся и забывчивым, ни к чему пример Крита: как же, жители его, первыми освободившиеся от турецкого ига, не сообразили, что они-то на самом

⁵ После вступления Черногории в Королевство сербов, хорватов и словенцев (будущее Королевство Югославия) в Черногории возникло федералистское движение; его главной целью было получение для края статуса федеральной единицы в составе единого государства. Необходимо иметь в виду, что федерализм в Черногории имел автономистский, а не сепаратистский характер, и его сторонники никогда не ставили под сомнение тот факт, что черногорцы являются сербами. Более того, сторонники данного движения всегда гордились тем, что в XIX столетии на просторах всех населенных сербами территорий бытовало мнение о черногорцах как о «цвете сербского народа». Когда в Цетинье, главный город Черногории, пришла весть о том, что 13 июля 1878 года в Берлине Черногория «признана» как государство, женщины принялись причитать, а мужчины отложили в сторону оружие как во время траура и проявляли видимые признаки скорби. Для черногорцев того времени это был крах мечты о «возрождении сербского царства», ради которой они жили столетиями. Тот скорбный день в современной Черногории провозглашен государственным праздником.

деле не греки, а «критяне»! Критян не обременяет необходимость признавать родство с греками, хотя, между прочим, они для этого они имеют куда больше языковых и этноисторических оснований. И никто – подумать только, никто из критян! – не догадался «реставрировать критскую государственность» так, как ее «реставрировали» в Черногории в 2006 году: никто никоим образом не додумался заклеить древнегреческих «оккупантов» так как в Черногории, где отнюдь не свободные сербы, а обособившиеся от истории и здравого смысла сербы-безумцы упорно называют средневековым «оккупантом» Стефана Неманю, родоначальника сербской монархической династии, венцом деятельности которой стало создание в XIV столетии Сербской империи во главе с царем Стефаном Душаном.

Черногория с самого начала была – не потому, что она была так задумана, «спроектирована», а потому, что так сложилось исторически – подлинным оплотом свободы сербов. Поэтому «черногорец» никогда не было именем-этнонимом, это было спонтанное, ситуативное именование серба, который временно находился в лучшем («государственном») положении, нежели его поработанные товарищи. Если бы каким-то образом исконная Черногория самостоятельно завершила историческую миссию освобождения всех угнетенных сербов, современное сербское государство, как ни покажется это невероятным черногорским националистам, называлось бы Черногорией. В ходе исторического развития части сербской старой Герцеговины стали Черногорией, и это, в понятии того времени, было счастливым воссоединением герцеговинских сербов с самой сербской частью сербского народа. Если бы осуществился план боснийско-герцеговинского восстания черногорского князя Николы Петровича в 70-х годах XIX столетия, возможно, что сегодня и восточная Герцеговина, целиком или частично, была бы Черногорией... Но судьба, постигшая Черногорию, была иной. В Первой мировой войне Черногория потерпела военное поражение, и Королевство Сербии выполнило миссию объединения всех сербов без Королевства Черногории, что стало, вероятно, величайшей фрустрацией черногорцев в XX веке и после Второй мировой войны проявилось в возникновении некой несербской, а впоследствии уже антисербской черногорской национальной идеи.

Сегодня название исторической Черногории необоснованно, узурпаторски используется для обозначения той современной «Черногории», в которой осуществляется «дуклянизация» – политический инжиниринг особой черногорской идентичности. С исторической Черногорией эта современная, небывалая Черногория имеет только общую территорию и омонимическое тождество имен. Произвольно провозглашенная, не имеющая, по существу, никакой реальной исторической основы в черногорском прошлом «черногорская идея» является опасным и противоречивым *постмодернистским анахронизмом*. Постмодернистки прихотливо выстраивается идентичность, которая не имеет никакой исторической, ценностно-позитивной или хотя бы территориально обоснованной связи с тем, к чему она апеллирует; анахроничность этой постмодернистской акции заключается в том, что черногорская государственность в своей исконной форме предшествует государственности собственно сербской, – являясь, стало быть, временным историческим уточнением последней. Как это хорошо понял и разъяснил Петар Петрович Негош, сербский народ в самом начале истории своего освобождения поместил колыбель своей государственности в Черногории – не для того, чтобы она там осталась навсегда, а тем более не затем, чтобы это временное явление сделать постоянным, лишить идентичности то, что было основой и причиной существования исторической, аутентичной в нравственном смысле черногорской идеи. Как этническая и национальная эта идея была однозначно невозможна.

Сейчас трудно представить себе новое общесербское государство, в котором воссоединились бы политически разъединенные сербские земли, да и стоит ли в данный момент? Но не праздное занятие – историческая истина, живая правда единого сербского народа. Его можно назвать прямым его именем, как народ сербский; можно именовать и героико-метафорически, черногорцами. Не стоит только погружать историю народного самоосвобождения в переливчатый и едкий, ослепляющий постмодернистский *туман* «переоценки ценностей» – становиться брейгелевскими слепыми, нелепыми странниками истории, не замечающими смертельной, разверзающейся перед ними исторической бездны.

УДК 378.147:338.48:63

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-71-76

Кушев Н. П.

**ПРАКТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ
ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ АГРОТУРИЗМА**

Кушев Николай Петрович, кандидат социологических наук, доцент. Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева; ул. Тимирязевская, 49, г. Москва, 127550, Россия
E-mail: nkushev@timacad.ru

Аннотация

В статье рассматриваются необходимость и возможности подготовки кадров для агротуризма в условиях динамичного развития туристской индустрии и особенного значения выездного туризма. Показано значение комплексного изучения подготовки кадров для агротуризма. Сделаны выводы о необходимости обеспечить внедрение компетентностного подхода, усиливать взаимосвязь теоретических знаний и практических навыков при реализации ФГОС ВО и разработку новых квалификационных требований к первичным должностям в туристской индустрии.

Ключевые слова: агротуризм; образовательные программы; туристская индустрия; компетентность; образовательный процесс; выездной, внутренний и въездной туризм.

Kushchev N.P.

**PRACTICE AND PROSPECTS OF DEVELOPING THE SYSTEM
OF TRAINING SPECIALISTS FOR AGROTOURISM**

Kushchev Nikolai Petrovich, PhD in Sociology, Associate Professor. Russian Timiryazev State Agrarian University
49 Timiryazevskaya St., Moscow, 127550, Russia. E-mail: nkushev@timacad.ru

Abstract

The article discusses the need and possibilities of training specialists for agro-tourism in the conditions of dynamic development of the tourism industry with outbound tourism possessing particular importance. The author demonstrates the importance of a complex study in training specialists for agro-tourism. The author concludes that there is a necessity of ensuring the implementation of a competence-based approach, the enhancement of relationship of theoretical knowledge and practical skills in the implementation of GEF BD, and the development of new qualification requirements to the primary positions in the tourism industry.

Keywords: agrotourism; educational programs; tourism industry; competence, educational process; vyezdnoy, domestic and inbound tourism.

По оценкам Всемирной туристской организации при ООН (ЮНВТО) Россия обладает огромным рекреационно-туристским потенциалом, превышающим аналогичные ресурсы всех европейских стран вместе взятых [5, с. 64]¹.

Природное разнообразие, история и культура Российской Федерации позволяют развивать практически все виды туризма, включая наиболее востребованные по потребительским предпочтениям: рекреационный (туризм с целью отдыха и

развлечений), агротуризм, культурно-познавательный, деловой, спортивный, экстремальный, лечебно-оздоровительный, экологический, сельский, образовательный, научный и т.д. [см.: 8, с. 8].

К тому же нельзя не учитывать, что в Российской Федерации сложилась и успешно функционирует мощная инфраструктура туристского комплекса, которая включает 11,7 тыс. гостиниц, 590 театров, 2368 музеев, почти 99 тыс. памятников истории и культуры (в 477 древних городах России), 140 национальных парков и заповедников, при этом действуют 103 музея-заповедника и 41 музей-усадьба, которые играют важнейшую роль в формировании у иностранцев привлекательного образа России [7, с. 46; 8, с. 8-9].

¹ Об этом же говорил в своем докладе Талей Рифаи, генеральный секретарь Всемирной туристской организации (ЮНВТО), на встрече с преподавателями и студентами Российской международной академии туризма (РМАТ) в г. Химки Московской обл. 9 октября 2012 года.

Постоянно растет число рабочих мест в туристической индустрии, которое превысило 3 млн (по сравнению с 2,68 млн человек, занятых в этой сфере в 2012 г.), а в соответствии с Федеральной целевой программой «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2011–2018 годы)», введенной Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 августа 2011 г. № 644, предусмотрено дополнительно создать до одного млн рабочих мест, что повлечет за собой необходимость в увеличении числа подготовленных для данной сферы экономики квалифицированных специалистов.

Следует отметить также, что, несмотря на скандалы лета 2014 г., когда пострадали десятки тысяч наших туристов из-за прекращения деятельности 14 крупных туроператорских фирм (из 1700 действующих в России), а сегменту выездного туризма был нанесен серьезный имиджевый и экономический урон, развитие туристической индустрии России не остановилось. Так, по данным Ростуризма, пятнадцать самых привлекательных для россиян стран за этот период посетило 9 576 227 наших сограждан. Следовательно, выездной туризм для граждан России не потерял своей привлекательности. А поправки в законодательство Российской Федерации, подготовленные Минкультуры России, поставили барьер для недобросовестных туроператоров.

В то же время наметилась тенденция роста внутреннего туризма за счет активного стремления все большего числа регионов страны использовать возможности туризма для своего экономического развития, в том числе и сельских территорий.

Это обусловлено рядом причин: во-первых, возвращение в состав России традиционного и любимого для всех россиян места отдыха – Крымского полуострова, только за первые 6 месяцев 2015 года здесь побывало около 3 200 000 человек;

во-вторых, из 38 млн человек, проживающих в сельской местности (26 % жителей России), при дефиците в 0,5 млн профильных специалистов (ветеринаров, механизаторов, операторов машинного доения, зоотехников и т.д.), в сельском хозяйстве (с учетом личных подсобных хозяйств) занято всего лишь около 7 млн человек.

Сельские населенные пункты находятся в упадке: за период с 1995-го по 2005 г. с карты России исчезло 20 тыс. деревень, а в 70 % из 153 тыс. оставшихся проживает не более чем

200 чел. в каждой, что с учетом массовых закрытий школ (более 20 тыс. за последние 23 года), больниц, фельдшерско-акушерских и медицинских пунктов, сельских клубов, библиотек, детских садиков, магазинов и почтовых отделений неизбежно приведет к еще большему сокращению сельского населения. И это происходит в условиях, когда средняя плотность населения России составляет 8 чел. на 1 кв. км. (от Калининграда до Урала 26 чел. на 1 кв. км.; от Урала до Камчатки менее 1 чел. на кв. км.)².

Несомненно, важным является развитие сельского туризма, способствующего сокращению безработицы в российских деревнях, развитию малого предпринимательства, созданию современной инфраструктуры, дорог, транспортного сообщения, повышению престижности проживания в сельской местности. Создание условий для развития сельского туризма в России требует государственной поддержки, которую возможно обеспечить в рамках соответствующих Федеральных целевых программ (ФЦП), такой например, как ранее реализованная «Социальное развитие села до 2010 г.», которая показала свою эффективность.

Богатый опыт развития сельского туризма в европейских странах (Австрия, Ирландия, Испания, Швейцария, Венгрия и др.) показывает его высокую социальную эффективность, и в целом развитие сельского туризма рассматривается как социальная программа для поддержки фермерских и крестьянских хозяйств в свободное от сельскохозяйственных работ время. Так, в настоящее время более 40 % фермерских хозяйств в Венгрии задействованы в организации сельского туризма, предоставляя проживание туристам и формируя программы их пребывания. Доля сельских гостиниц по отношению к общему количеству средств размещения в Венгрии составляет 5 %. В Австрии, несмотря на незначительную роль сельского туризма по сравнению с горнолыжным, культурно-познавательным или оздоровительным, 10 % фермерских хозяйств получают дополнительные доходы благодаря организации туризма в сельской местности. В альпийских районах эта доля составляет 31,6 %³.

² Н.П. Кушев. Аграрное образование и наука в XXI веке: вызовы и проблемы развития 13.11.2015 г. // О задачах агротуристского образования в связи с выступлением правительства Российской Федерации В.В. Путина на заседании госсовета 18.08.2015 г. Сб. материалов научной конференции. С. 30-36.

³ Там же.

Специалисты давно указывают, что проблема качества подготовки кадров для отрасли приобретает особую актуальность, так как создание и продвижение туристско-рекреационного продукта на отечественном и международном рынке труда немыслимо без высококвалифицированных кадров, становления и развития специализированной системы образования [см.: 8, с. 9].

Россия только начинает приобретать опыт подготовки, организации и проведения крупномасштабных мирового значения мероприятий, таких как АТЭС 2012 г. во Владивостоке, Универсиады–2013 в Казани, Олимпиады 2014 г. в Сочи, чемпионата мира по футболу 2018 г. в Российской Федерации. В регионах России очень мало специалистов высокой квалификации, способных на достойном уровне обеспечить обслуживание участников и гостей таких крупномасштабных мероприятий. Так, анализ эффективности обслуживания Олимпиады 2014 года в Сочи показал: чтобы добиться качественной организации, только в сфере гостеприимства было задействовано около 135 тыс. работников.

Эти мероприятия, безусловно, придадут импульс развитию въездного и внутреннего туризма как в принимающих кластерах, так и во всей стране. Перед вузами, особенно перед профильными туристскими академиями и университетами стоит задача подготовки кадров синхронно с созданием объектов туризма и рекреации. И, что не менее важно, эти кадры, в отличие от привлеченных волонтеров, должны остаться в созданных новых кластерах, и именно они будут отвечать за рациональное и эффективное использование туристского «наследия» мегапроектов.

Потребность в персонале, занятом на предприятиях туристской отрасли, возрастет в значительных объемах. Однако, по экспертным оценкам, сегодня около 70 % российских специалистов сферы туризма и гостеприимства не имеют базового профессионального образования. Крайне мало специалистов, имеющих опыт обслуживания международных делегаций. Также в отрасли отмечается дефицит современных менеджеров-управленцев, способных самостоятельно прогнозировать и решать профессиональные задачи в условиях обостряющейся международной конкуренции [см.: 5].

В России подготовкой кадров для отрасли занимаются более 400 учебных заведений высшего и 50 учебных заведений среднего

профессионального образования. С середины 1990-х годов специалистов по туризму стали готовить и непрофильные вузы. Исходя из потребностей отрасли еще мало средних специальных учебных заведений, осуществляющих подготовку специалистов для туристских фирм, гостиничного хозяйства и ресторанного бизнеса, других предприятий сферы туризма. Подготовку специалистов с начальным профессиональным образованием для туристской индустрии в незначительных количествах осуществляют лишь крупные сетевые турорганизации, и лишь отдельные вузы готовы организовывать проведение курсов переподготовки и повышении квалификации [6, с. 48].

Следовательно, тенденции и проблемы развития профессионального туристского образования необходимо рассматривать во взаимосвязи как процессов преобразования в сфере туристской индустрии, так и реформирования российской высшей школы.

Как уже было сказано, проблема качества подготовки кадров для туризма приобретает особую актуальность, а быстрые темпы развития туристской индустрии в России обусловили появление большого количества соответствующих образовательных организаций. Однако, по мнению специалистов Ростуризма, уровень подготовки специалистов во многих аспектах не соответствует требованиям, предъявляемым к работникам туристской сферы.

Среди существующих проблем высшего туристского образования выделяют несколько основных, которые в значительной степени влияют на качество подготовки специалистов [см.: 8, с. 9]:

- разрыв между потребностями отрасли и предложением со стороны образовательных организаций остается весьма существенным. Главной проблемой является чрезмерная академичность профильного высшего образования при явной нехватке у выпускников практических умений и навыков;

- недостаток квалифицированного преподавательского состава, имеющего опыт работы в туристской индустрии;

- учебно-методическое обеспечение учебного процесса не отвечает в полной мере реальным нуждам туристского рынка;

- не востребованность выпускников туристских вузов на рынке труда при одновременной нехватке квалифицированных кадров в туристской индустрии, что связано с отсутствием навыков практической работы у

выпускников по конкретным профилям подготовки;

отсутствие мониторинга потребностей туристского и сопутствующего бизнеса в специалистах различного профиля;

отсутствие объективной системы рейтинговой оценки профильных учебных заведений, что ведет к дезориентации молодежи при выборе образовательного учреждения;

отсутствие взаимодействия турорганизаций и вузов по вопросам организации и проведения на базе турпредприятий учебных, производственных и преддипломных практик, что не позволяет выпускникам в реальных условиях и в интересах, в том числе, турфирмы применить имеющиеся теоретические знания;

учебные программы курсов переподготовки и повышения квалификации специалистов, существующих в основном при учебных заведениях, в большинстве своем не дают необходимых, современных профессиональных знаний и умений.

Справедливости ради необходимо отметить, что в последнее время наметились положительные тенденции в повышении качества профессиональной подготовки туристских кадров [см.: 8, с. 9-10]. Современные направления модернизации высшей школы России, связанные со сменой образовательной парадигмы, интеграцией высшей школы в единое европейское образовательное пространство, кардинальным образом меняют стратегию подготовки туристских кадров. Она становится ориентированной на потребности экономической деятельности региона, конкретных работодателей и запросы субъектов рыночных отношений.

Таким образом, основной целью профессионального образования в сфере агротуризма является подготовка работников, освоивших набор компетенций в соответствующей отрасли, свободно владеющих профессиональными навыками, умеющих ориентироваться в смежных областях деятельности, готовых к постоянному профессиональному росту, социальной и профессиональной мобильности.

Достижение поставленной цели зависит от полноты реализации в России положений Болонской декларации, предусматривающей создание единого европейского пространства высшего образования. Болонский процесс является ярким проявлением интеграционных тенденций, которые интенсивно развиваются в

Европе в последние годы. В Болонской декларации предусмотрено:

установление уровневой системы высшего образования;

предоставление права представителям объединений работодателей участвовать в государственном прогнозировании и мониторинге рынка труда, разработке образовательных стандартов;

разработка профессиональных стандартов; разработка методических рекомендаций по академическому и профессиональному признанию российских документов об образовании в государствах-участниках Болонской декларации;

нормативно-правовая поддержка осуществления академической мобильности студентов и преподавателей вузов и др. [4, с. 142].

Для внедрения двухуровневой системы высшего образования (бакалавриат – магистратура) в сфере туризма, рекреации и сервиса имеются веские основания [см.: 8, с. 10-11]. В настоящее время знания устаревают очень быстро. Поэтому желательно дать выпускнику относительно широкую подготовку и научить его пополнять, обновлять знания, умения и навыки по мере необходимости. Именно на такую подготовку нацелен бакалавриат (в разных системах – от трех до четырех лет). При этом бакалавриат дает законченное высшее образование, выпускник с дипломом бакалавра может претендовать на соответствующие должности. Магистратура (обычно один – два года) предполагает более узкую и глубокую специализацию, зачастую магистрант ориентируется на научно-исследовательскую или преподавательскую работу.

За прошедшие годы в вузах накоплен определенный опыт в сфере подготовки бакалавров и магистров по направлениям (профилям): туризм, гостиничное дело, менеджмент туризма, менеджмент гостеприимства, аграрный туризм, сельский туризм и т.д.

В России в соответствии с требованиями международных стандартов результаты высшего образования формулируются в категориях «компетенция»/«компетентность». Это обусловлено необходимостью смены концепции образовательной модели со «знаниевой» на «компетентностную». В этой концепции результаты образования оцениваются не по показателям успешности освоения знаний, а по степени подготовленности личности к успешной

профильной деятельности. По мнению западных экспертов, результаты образования, выраженные на языке компетенций, – это путь к расширению академического и профессионального признания и мобильности [3].

В образовательных стандартах, разработанных в компетентностном формате, заинтересованы прежде всего работодатели. Сотрудничество вуза и предприятия туристической индустрии предполагает внесение корректив в образовательный процесс, определение оптимальной, с позиции работодателей, структуры подготовки специалиста. Привлечение представителей бизнеса к разработке новых стандартов должно избавить от присущего им недостатка – абстрактных методических конструкций [8, с. 11; 2].

Иными словами, качество профессиональной подготовки кадров для сферы туризма в целом, и агротуризма в частности, связано с формированием у них профессиональной компетентности как критерия готовности к успешной профессиональной деятельности.

В настоящее время перед высшей школой России стоит задача построения такой системы подготовки кадров, которая позволила бы обеспечить будущих специалистов набором необходимых специальных компетенций, соответствующих запросам субъектов рыночных отношений.

Профессиональная компетентность специалиста по агротуризму определяется как готовность и способность эффективно осуществлять профессиональную деятельность на основе интегрированных знаний, умений и навыков, а также личностных качеств и ценностных ориентаций, которые обеспечат ему в будущем возможность быть конкурентоспособным на рынке труда и уверенным в себе [8, с. 11; 1].

Реализация компетентностного подхода при переходе к образовательным стандартам нового поколения является своевременной и необходимой, так как интегративная оценка качества подготовки специалиста рекреационно-туристической сферы может быть наиболее полно получена только при определении его компетентности как критерия готовности к профессиональной деятельности. Важно изменение самой логики целеполагания образовательного процесса: не что знать, а что и как уметь сделать.

В связи с изложенным и в целях обеспечения качества и инновационного характера образования в сфере агротуризма

необходимо решить следующие задачи в туристической России и системе подготовки туристических кадров:

1. Обеспечить внедрение компетентностного подхода, взаимосвязи теоретических знаний и практических навыков при реализации ФГОС ВО и разработку новых квалификационных требований к первичным должностям в туристической индустрии.

2. Создать на базе лучшего зарубежного опыта систему национальной сертификации специалистов в сфере туризма и индустрии гостеприимства.

3. Сформировать систему независимой общественно-профессиональной аккредитации образовательных программ подготовки специалистов для туристической индустрии и внедрение практики общественно-профессиональной сертификации данных программ.

5. Организовать систему независимой сертификации профессиональных квалификаций совместно с профессиональными ассоциациями в туристической индустрии.

6. Обеспечить поддержку корпоративных программ подготовки и переподготовки профессиональных кадров в сфере туризма индустрии гостеприимства.

7. Разработать концепцию системы непрерывного образования в сфере туризма и индустрии гостеприимства в Российской Федерации.

8. Обеспечить переработку образовательных программ всех уровней в сфере гостеприимства с учетом опыта крупных международных мероприятий, проводимых ранее в Российской Федерации, в целях повышения качества подготовки кадров в сфере туризма и индустрии гостеприимства к чемпионату мира по футболу, проводимому в 2018 году в России.

9. Разработать программу ежегодного мониторинга количественных и качественных показателей потребности в кадрах предприятий туризма и гостеприимства в России.

10. Разработать механизм оценки качества и востребованности образовательных услуг для отрасли туризма с участием потребителей, в том числе с участием представителей ЮНВТО и других международных туристических организаций.

11. Разработать и внедрить целевую программу опережающего профессионального обучения работников для сферы туризма для их последующего трудоустройства на предприятиях туристической индустрии.

12. Создать условия для участия на паритетных началах российских

образовательных организаций в международных ассоциациях по аккредитации образовательных программ, учреждений и организаций сферы туризма и гостеприимства.

Вывод: системе аграрного туристского образования необходимо создавать на следующих принципах [см.: 9, с. 111-112]:

- ориентированность на практическую подготовку с учетом лучших мировых стандартов аграрного и сельского туризма;
- учет запросов работодателей и профессиональных стандартов (квалификационных требований);
- предоставление возможности выбора индивидуальной образовательной траектории с обеспечением непрерывности и многоуровневости сетевых образовательных программ и дополнительных сертификатов;
- применение современных информационных технологий в обучении;
- сертификация образовательных программ на основе международных стандартов качества.

Для реализации этих предложений потребуются консолидация усилий и средств государства в лице профильных комитетов Государственной Думы и Совета Федерации, Ростуризма России, Минсельхоза России, Минобрнауки России и других органов власти, работодателей, образовательных организаций, а также членов Межведомственного экспертного совета по подготовке кадров в сфере туризма и гостеприимства.

Все это приведет к обновлению организационно-экономических механизмов на всех уровнях системы образования, обеспечит ее соответствие перспективным тенденциям экономического развития туризма и индустрии гостеприимства, повысит практическую ориентацию отрасли, ее инвестиционную привлекательность и внесет свой вклад в развитие инновационной экономики страны в целом.

Литература

1. Бадарч, Д., Наранцег, Я. Методические рекомендации по внедрению кредит-системы и асинхронной организации учебного процесса / Под ред. Б.А. Сазонова. Улан-Батор: МГУНТ, 2002. 112 с.
2. Бадарч, Д., Наранцег, Я., Сазонов, Б.А. Организация индивидуально-ориентированного учебного процесса в системе зачетных единиц / Под общ. ред. Б.А. Сазонова. М.: НИИВО, 2003. 98 с.
3. Байденко, В.И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего образования (методологические и методические вопросы): Методическое пособие. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005. 114 с.

4. Болонский процесс и его значение для России. Интеграция высшего образования в Европе. Под ред. К. Пурсийнена и С.А. Медведева. М.: РЕЦЭП, 2005. 199 с.

5. Кушев, Н.П. Туризм как объект социологического анализа в современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 1. С. 63-68.

6. Кушев, Н.П. Управление качеством подготовки кадров для туристической индустрии // Вестник РМАТ. 2012. № 1. С. 48-52.

7. Кушев, Н.П. Концепция управления подготовкой кадров для туристической отрасли // Социально-экономические и научно-технические проблемы развития современной России. Сб. материалов науч. конференции. Ивановское отделение РАЕН. Иваново: Изд-во ИГХТУ, 2010. С. 46-50.

8. Писаревский, Е.Л. Актуальные проблемы и направления развития отечественной системы подготовки туристских кадров // Вестник РМАТ. 2011. № 2. С. 8-12.

9. Сеселкин, А.И. Модель инноваций в системе профессионального туристского образования (опыт РМАТ) // Вестник РМАТ. 2011. № 1. С. 111-117.

References

1. Badarch, D. and Narantsetseg, Ya. *Guidelines for the Implementation of the Credit System and the Asynchronous Organization of Educational Process*. Ulan Bator: MGUNT, 2002. 112 p.
2. Badarch, D., Narantsetseg, Ya., Sazonov, B. A. *Organization of Individually Oriented Educational Process in the System of Credits*. Moscow: NIIVO, 2003. 98 p.
3. Baidenko, V. I. *A Competence Approach to the Design of the State Educational Standards of Higher Education (Methodological and Methodical Questions)*. Moscow: Publishing of the Research Center of Training Quality Problems. 2005. 114 p.
4. *The Bologna Process and its Implications for Russia. Integration of Higher Education in Europe*. Ed. by K. Pursiainen and S. A. Medvedev. Moscow: RETSEP, 2005. 199 p.
5. Kushchev, N. P. Tourism as an Object of Sociological Analysis in Modern Russia. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. Ser.: Social Sciences. No. 1 (2014). Pp. 63-68.
6. Kushchev, N. P. Quality Management of Training for the Tourist Industry. *Vestnik RIAT*. No. 1 (2012). Pp. 48-52.
7. Kushchev, N. P. The Concept of Management Personnel Training for the Tourist Industry. *Socio-Economic and Scientific-Technical Problems of Modern Russia*. Ivanovo: Publishing of ISUCT, 2010. Pp. 46-50.
8. Pisarevsky, E. L. Current Problems and Directions of Development of the National Tourist Personnel Training System. *Vestnik RIAT*. No. 2 (2011). Pp. 8-12.
9. Sesiolkin, A. I. The Model of Innovations in System of Professional Tourist Education (the Experience of RIAT). *Vestnik RIAT*. No. 1 (2011). Pp. 111-117.

УДК 342.4

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-77-82

Пучкова В.В.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ И РОЛИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ В ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ ПАЦИЕНТОВ

Пучкова Виктория Викторовна, кандидат юридических наук, доцент. Смоленский филиал Международного юридического института, ул. Октябрьской революции, 9, корп. 1, г. Смоленск, 214004, Россия.
E-mail: viktoriya-puchko@mail.ru

Аннотация

Цель обзора, представленного в статье – анализ и оценка функционирования института ответственности медицинских работников за некачественную медицинскую помощь, а также выполнения органами государственной власти и органами местного самоуправления основной обязанности по обеспечению гарантий реализации и соблюдения прав и свобод в сфере охраны здоровья. В статье обсуждается возможность усиления роли правовых механизмов в обеспечении права граждан на жизнь и здоровье в условиях проведения реформ в сфере здравоохранения. Анализируются виды ответственности медицинских работников за причинение вреда здоровью пациентов, рассматриваются факторы нарушений этих прав, применение гарантий по их восстановлению и проведение мероприятий по предупреждению нарушений. Сделаны выводы о необходимости повысить ответственность медицинских работников в сфере охраны здоровья и усилить контроль за соблюдением врачами стандартов качества оказания медицинской помощи.

Ключевые слова: право на охрану здоровья; качество медицинской помощи; ответственность; медицинский работник; вина; противоправность действия; правонарушение.

Puchkova V. V.

IDENTIFYING THE LEGAL NATURE AND THE ROLE OF LEGAL RESPONSIBILITY OF HEALTH CARE PROVIDERS IN PATIENTS' JURIDICAL PROTECTION

Puchkova Viktoria Viktorovna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. Smolensk Branch of the International Law Institute, 9/1 October Revolution St., Smolensk, 214000, Russia. E-mail: viktoriya-puchko@mail.ru

Abstract

The aim of the given article is a research into the performance of the institute of healthcare providers, the responsibility for providing substandard medical care, the primary responsibility of public control and local authorities for ensuring the respect for human rights in public health. The article is also focused on strengthening the legal arrangements in the provision of the rights to life and health for citizens in the conditions of reforms in the health care system. The article presents the types of health care providers' responsibility for infliction of harm. It also considers the violation of the rights, the application of warranty to redress the violation of the rights, and the activities to prevent the violation. In conclusion, it is stated that there is a need to increase the responsibility of health care providers and to enhance control over the quality standards for doctors' care.

Keywords: right to health; quality of care; a responsibility; health care providers; blame; unlawful acts; offense.

Охрана конституционного права граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь является главной обязанностью всех органов государственной власти, органов местного самоуправления и всех должностных лиц¹. При

оценке эффективности деятельности медицинских организаций учитываются количество, возраст, состав населения, географическое место жительства, уровень заболеваемости и другие особенности каждого региона РФ [2].

Создание информационных систем в сфере здравоохранения направлено на обеспечение эффективной информационной поддержки процесса управления медицинской деятельностью и оказанием медицинской помощи. Система

¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета. № 7. 21 января 2009 г.

позволит решить задачи по повышению точности диагностирования заболеваний и распределения затрат на предоставление медицинских услуг и осуществление контрольных функций за обеспечением прав граждан в сфере охраны здоровья на получение качественной медицинской помощи. Также информационные системы будут способствовать повышению осведомленности граждан относительно сохранения и укрепления своего здоровья.

Если во время предоставления медицинских услуг гражданину причинен вред жизни или здоровью, наступает гражданская, административная, а в некоторых ситуациях (при наличии вины медицинского работника) уголовная ответственность. Любая ответственность наступает при причинении вреда пациенту и при наличии вины со стороны медицинского работника, если только вред не причинен в состоянии крайней необходимости, не исключаяющей ответственность, но учитывающей обстоятельства, при которых вред был причинен. Эти факты учитываются судом при принятии им решения о возмещении ущерба.

При отсутствии вины медицинский работник будет нести ответственность за причинение вреда пациенту в случае осуществления медицинских экспериментов с целью испытания и исследования новых лекарственных средств, лекарственных препаратов, медицинских изделий, так как такую деятельность медицинских организаций можно считать источником повышенной опасности. В частности, уделяется внимание не исследованным и незарегистрированным в установленном порядке новым лекарственным препаратам и методам лечения, которые относятся к источникам повышенной опасности. При испытании новых лекарственных средств повышается риск причинения вреда, в этом случае Гражданский кодекс РФ гарантирует участникам эксперимента защиту, возлагая ответственность на медицинскую организацию по возмещению компенсации причиненного вреда. Одновременно возмещается вред, который причиняется здоровью в результате неблагоприятных последствий после применения лекарственных средств, препаратов, медицинских изделий, недостаточно изученных и исследованных. Однако в случае нарушения состояния здоровья пациента вследствие обстоятельств непреодолимой силы или нарушения потребителем инструкции и правил пользования медицинской услуги или хранения лекарственных

препаратов медицинский работник освобождается от ответственности.

Следует отметить, что врачи могут быть привлечены к гражданской ответственности без вины при врачебных ошибках. В этом случае правовое значение приобретают несвоевременная и неправильная диагностика заболевания, от которой должно зависеть построение эффективных методик лечения. Кроме того, большое значение имеет плохая организация тактики оказания медицинской помощи больным, в результате которой могут возникнуть неблагоприятные последствия, являющиеся основанием для возмещения вреда.

В гражданском праве существует разнообразное понимание вины. Следует отметить, что понятие вины можно рассмотреть как сознательный отказ нарушителя от соблюдения норм закона, в частности, в сфере охраны здоровья. Кроме того, при определении наличия вины следует учитывать обстоятельства, при которых нарушитель не принимает никаких мер по предотвращению отрицательных последствий, возникших в результате противоправного его поведения. При этом ответственность за причинение ущерба при наличии вины наступает на основании гражданского законодательства (ст. 401 ГК РФ)².

Важнейший критерий, определяющий понятие врачебной ошибки, — наличие (или отсутствие) вины врача в причинении вреда здоровью пациента. *Противоправность действия* (бездействия) медицинских учреждений (работников) выражается в форме несоблюдения норм законодательства и других актов (приказов, инструкций), регламентирующих деятельность врачей и медицинских организаций.

Следует рассмотреть виды уголовной ответственности, к которой на сегодняшний день могут быть привлечены медицинские работники и фармацевтические работники. Уголовная ответственность наступает в следующих случаях³:

За причинение смерти по неосторожности (часть вторая статьи 109 УК РФ). Например, в Калуге рассматривалось уголовное дело относительно медицинского работника, по специальности анестезиолога-реаниматолога,

² Гражданский кодекс РФ (часть 1) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ. // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Описание и классификация (в соответствии со статьями УК), а также основные примеры даны на основе развернутого комментария С. Перова, аналитика портала Право.Ру [3].

действия по оказании медицинской помощи которого привели к смерти пациента. В ходе судебного заседания было установлено, что врач не надлежащим образом оказал медицинскую помощь больному, что привело к негативным последствиям, которые выразились в смерти больного. Ненадлежащее оказание медицинской помощи выразилось в построении неэффективной тактики обследования, что привело к установлению неверного диагноза, а как следствие, привело к неправильному лечению. Бездействия врача привели к остановке дыхательной и сердечной деятельности у больного, в результате чего он умер. Исследовав все доказательства по данному делу, Калужский районный суд применил часть вторую статьи 109 УК РФ и приговорил медицинского работника к двум годам условно.

За причинение тяжкого вреда здоровью. Например, в Краснодаре врачи проявили себя как неквалифицированные работники, что выразилось в некачественном оказании медицинской помощи девочке С., которой на тот момент было два месяца. Из-за ненадлежащего исполнения врачами своих профессиональных обязанностей пришлось ампутировать ребенку руку, так как неправильно был введен катетер, в результате чего возникли осложнения, следствием которых явилась ампутация. На основании части второй статьи 118 УК РФ суд приговорил виновных врачей к году лишения свободы в колонии-поселении.

За заражение ВИЧ-инфекцией (ст. 122 УК РФ). Так, в Калининградской области медицинскому работнику было вменено в вину халатное исполнение своих профессиональных обязанностей, что привело к заражению пациента вирусом иммунодефицита человека. Заражение пациента произошло в результате переливания крови. Медицинский персонал больницы допустил медицинскую ошибку, проявив халатное отношение к своим обязанностям, использовав в качестве донора молодого человека без медицинского обследования и применив прямое переливание. Донор оказался инфицированным ВИЧ и гепатитом «С». В соответствии со статьей 122 УК РФ в отношении медицинского работника было возбуждено уголовное дело.

За незаконное производство аборта (ст. 123 УК РФ). Например, в Тюменской области медицинский работник, специализирующийся в гинекологии, совершил медицинскую ошибку при выполнении своих профессиональных

обязанностей. За данную ошибку суд приговорил медицинского работника к девяти месяцам лишения свободы и лишил права заниматься профессиональной деятельностью в области медицины сроком на один год.

За неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ). Например, Уссурийским судом Приморского края медицинскому работнику было вменено в вину неоказание медицинской помощи больному, поступившему в приемное отделение, которому было отказано в госпитализации. В результате неоказание своевременной медицинской помощи больному привело к неблагоприятным последствиям, а именно, к его смерти. В соответствии с частью второй статьи 124 УК РФ, судом был вынесен приговор в отношении медицинского работника, на основании которого врач был приговорен к двум годам лишения свободы условно. В Ульяновскую областную детскую клиническую больницу поступила гражданка Н. с ожогом головы после окрашивания волос. В результате неправильного диагноза ее 2 недели лечили от аллергии, запустив правильное лечение. Когда ее перевели в ожоговый центр, было уже поздно, она лишилась волосяного покрова головы. Дело было возбуждено по части первой статьи 103 УК РФ.

Незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью. Например, Тверским судом Москвы было установлено, что медицинский работник, специализирующийся в косметологии, оказал некачественные медицинские услуги женщине, которая обратилась к нему за оказанием косметологических услуг, в результате чего был причинен вред, выразившийся в испорченной внешности. В соответствии со статьями 235 и 238 УК РФ суд приговорил медицинского работника к трем годам лишения свободы условно.

Отдельно необходимо выделить случаи причинения пациентам вреда медицинскими работниками, к которым применяют статьи 292 (Служебный подлог) и 293 УК РФ (Халатность).

Тем не менее Государственная Дума в марте 2009 года приняла решение об исключении из уголовного кодекса пункта, регулирующего уголовную ответственность медицинских работников за причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности. Одновременно были приняты поправки к статье 124 УК РФ относительно норм, направленных на установление ответственности за неоказание помощи больному. Данные изменения нанесли

большой вред защищенности пациентов, так как исключают уголовную ответственность медицинских работников в случае нанесения пациенту вреда средней тяжести. Необходимо отметить, что уголовные дела в отношении медицинских работников прекращаются в 70 % случаев [3]. При этом чаще всего врачам инкриминируются преступные деяния, ответственность за которые регламентирована вышеуказанными статьями уголовного законодательства.

В нашей стране ответственность медицинских работников за оказание некачественной медицинской помощи также установлена гражданским законодательством. В результате возникновения неблагоприятных последствий при оказании медицинской помощи пациент имеет право требовать возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда. Возникновению гражданской ответственности соответствует наличие таких признаков, как вред, убытки, причинно-следственная связь между действиями или бездействием медицинских работников и вредом. Гражданская ответственность регламентирована статьями 1064-1101 ГК РФ⁴ и статьями 14-17 закона «О защите прав потребителей»⁵.

Вред по гражданскому законодательству представляет собой всякое умаление какого-либо блага или охраняемого законом интереса. В гражданском праве выделяют два вида вреда: материальный вред, который направлен на возмещение затрат, потраченных на лечение, и моральный вред, направленный на компенсацию физических и нравственных страданий. Понятие «вред здоровью» означает любое повреждение и травму человека, связанную со здоровьем. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело с целью восстановления нарушенного права. В сфере охраны здоровья под убытками можно понимать неблагоприятные последствия, возникшие в результате некачественного оказания медицинской помощи, за которое пациент имеет право требовать возмещение убытков. Под возмещением убытков следует понимать меру гражданско-правовой ответственности.

В соответствии со статьей 151 ГК РФ моральный вред рассматривается как физические

и нравственные страдания. Именно здесь возникают проблемы, так как в нашей стране отсутствуют конкретные стандарты по определению размера возмещения морального вреда. В связи с этим суд при вынесении решения о компенсации морального вреда руководствуется требованиями разумности и справедливости. При этом судом учитывается характер, степень страданий и степень вины причинителя вреда. В сфере здравоохранения причинителем вреда является медицинский работник, оказавший некачественную медицинскую помощь и причинивший нравственные страдания. Даже при решении суда в пользу пострадавшего, когда доказана вина и у медицинской организации имеются денежные средства для возмещения вреда за действия или бездействия медицинских работников, судом устанавливаются небольшие суммы, которые не покрывают затраты на сбор доказательств, юридическую помощь и затраченное в процессах время [3].

Ответственность наступает также за отказ предоставить надлежащего качества медицинские услуги и за оказание медицинских услуг ненадлежащего качества. *Качество медицинской помощи* – это совокупность характеристик, отражающих своевременность оказания медицинской помощи, правильность выбора методов профилактики, диагностики, лечения и реабилитации при оказании медицинской помощи, степень достижения запланированного результата [6]. Данное понятие регламентировано Федеральным законом «Об основах охраны здоровья в РФ»⁶.

В процессе предоставления медицинских услуг большое значение имеют те последствия, которые могут возникнуть при несоблюдении требований по оказанию медицинской помощи медицинскими работниками и причинно-следственная связь между действиями или бездействием нарушителя и последствиями. *Правонарушение* – противоправное, виновное деяние, нарушающее какие-либо нормы права. Как и любое правонарушение, оно имеет основные признаки, которые охватываются понятием «состав правонарушения». Основные признаки состава правонарушения это объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона. *Объектом правонарушения* в процессе

⁴ Гражданский кодекс РФ (часть 2) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.

⁵ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (редакция от 13.07.2015) «О защите прав потребителей» [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/

⁶ Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. № 5639. 2011. 23 ноября.

выполнения медицинской услуги будут являться жизнь и здоровье пациента, которые регулируются и охраняются правом. *Объективной стороной* будет являться факт причинения вреда (ущерба) пациенту и его размер, а также причинно-следственная связь между деянием и наступившими последствиями. *Субъектом* является правонарушитель в сфере здравоохранения, а именно медицинская организация, медицинский работник причинившие вред жизни и здоровью пациента. *Субъективной стороной* является противоправное действие (бездействие) медицинского работника по отношению к пациенту в сфере оказания медицинской помощи. В результате предоставления некачественной медицинской помощи у пациента возникает право требовать возмещение ущерба в полном объеме. Причем гражданским законодательством предусмотрено, что пациент вправе требовать как возмещения реального ущерба, так и возмещения упущенной выгоды.

Причинение вреда возможно в форме умысла и неосторожности. Следует больше уделить внимание причинению вреда с неосторожной формой вины, которая вызывается ошибкой по отношению субъекта к пациенту. Это связано с тем, что умышленного причинения вреда жизни и здоровью пациента практически не наблюдается. При гражданско-правовой ответственности не имеет значения, в какой форме причинен вред (умышленно или по неосторожности), или вред был причинен при отсутствии вины. В любом случае медицинская организация, медицинский работник должны нести ответственность за свою деятельность. В тоже время наличие в практике ненаказуемых врачебных ошибок не означает, что врачи могут избежать ответственности, или у них есть право на небрежное выполнение своих должностных обязанностей [5]. Врачи обязаны не использовать понятие врачебной ошибки в свою пользу, а оказывать медицинскую помощь пациенту во всех случаях, с соблюдением профессиональных обязанностей.

Врачебные ошибки и дефекты оказания медицинской помощи: социально-экономические аспекты и потери общественного здоровья активно обсуждаются в международной правовой и научно-правовой литературе [см.: 5 и др.]. Например, американский суд требует от эксперта обосновать небрежность, которая наблюдается в действиях медицинских работников, в результате которой возникают неблагоприятные последствия. Преступная небрежность

определяется американским комментарием к Уголовному кодексу и руководству по уголовному праву. Также уделяется внимание определению преступной неосторожности («recklessness»), под которой подразумевается неосознанное поведение врача относительно неблагоприятных последствий, наступление которых он предвидел, но рассчитывал на то, что они не наступят [1, с. 39-43]. Каждый врач в нескольких штатах США должен подтвердить свою квалификацию путем получения лицензии, дающей право заниматься медицинской деятельностью. Получить лицензию могут только в том случае, если врач участвует в образовательной программе, направленной на получение знаний в области снижения риска дефектов [8; 9].

В США существенное значение имеют современные медицинские технологии и профессиональные знания врачей, от которых зависит качество и безопасность оказываемой медицинской помощи [7]. С целью повышения качества оказываемых медицинских услуг созданы Агентство по исследованиям здравоохранения и качества (AHRQ) и Центр по повышению качества лечения и безопасности пациентов (CQIPS). Действия по оказанию медицинской помощи каждого врача должны соответствовать стандартам качества. При соблюдении требований, содержащихся в стандартах качества оказания медицинской помощи, медицинский работник может избежать ответственности при возникновении неблагоприятных последствий в ходе лечения. За рубежом под стандартом лечения понимается комплекс факторов, определяющих качество оказания медицинской помощи [4, с. 65]. Следует отметить, что у нас таких программ нет, и это тормозит развитие системы здравоохранения. Как было сказано выше, в результате причинения вреда здоровью пациента в ходе осуществления лечения возникают физические и моральные страдания. При этом пациент теряет трудоспособность, возникают материальные затраты в связи с покупкой лекарственных средств и дальнейшего лечения. Поэтому возникает необходимость в возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда.

Таким образом, представляется необходимым введение в Российской Федерации образовательных программ, которые будут направлены на обучение специалистов в сфере снижения риска дефектов, неблагоприятных

последствий лечения и на повышение квалификации специалистов в области медицины. В случае возникновения неблагоприятных последствий и причинения вреда здоровью пациента необходимо повысить ответственность медицинских работников в сфере охраны здоровья и усилить контроль за соблюдением врачами стандартов качества оказания медицинской помощи.

Литература

1. Ерофеев, С.В. Медико-правовые аспекты оценки качества медицинской помощи: сравнение отечественной и зарубежной практики // Медицинское право. 2006. № 1. С. 39-43.
2. О критериях оценки эффективности деятельности медицинских работников // Медицинский вестник. Портал российского врача. 06.04. 2007. [Электронный ресурс] URL: http://www.medvestnik.ru/news/o_kriteriyah_ocenki_effektivnosti_deyatelnosti_meditsinskih_rabotnikov (дата обращения: 01.02.2016).
3. Перов, С. «Врачебная ошибка» вне закона... // ПРАВО.Ru. (ООО «ПРАВОДник») 4 августа 2009 г. [Электронный ресурс] URL: <http://pravo.ru/review/view/14897/> (дата обращения: 01.02.2016).
4. Пучкова, В.В. Правовое регулирование ответственности медицинских работников за некачественное оказание медицинской помощи (монография). Смоленск: Маджента, 2012. 92 с.
5. Шарабчиев, Ю.Т. Врачебные ошибки и дефекты оказания медицинской помощи: социально-экономические аспекты и потери общественного здоровья // Международные обзоры: клиническая практика и здоровье. 2013. № 6. С. 14-31.
6. Шаяхметова, А.Р. Договор возмездного оказания медицинских услуг: проблемы теории и практики. Дис. ... канд. юридических наук: 12.00.03. Екатеринбург, 2012. 150 с.
7. Gruppen, L.D., Mangrulkar, R.S. and Kolars, J.C. The promise of competency-based education in the health professions for improving global health. doi: 10.1186/1478-4491-10-43 [Электронный ресурс] Published online 2012. Nov. 16. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3543172/> (дата обращения: 01.02.2016).
8. Hatlie, M. J. Climbing 'the learning curve': new technologies, emerging obligations // JAMA. 1993.

Vol. 270. P. 1364–1365.

doi: 10.1001/jama.1993.03510110104041.

9. Villie, K. De. Medical malpractice in twentieth century United States. The interaction of law, technology and culture // International Journal of Technology Assessment in Health Care. 1998. Vol. 14. No. 2. P. 197–211.

References

1. Erofeev, S. V. Medical-legal Aspects of the Evaluation of the Quality of Care: a Comparison of Domestic and Foreign Practice. *Meditsinskoe pravo*. No. 1 (2006). Pp. 39-43.
2. On the Criteria of Assessing the Performance of Health Care Providers. *Meditsinskiy vestnik*. The Russian Doctor's Portal. 06.04. 2007. [Online] URL: http://www.medvestnik.ru/news/o_kriteriyah_ocenki_effektivnosti_deyatelnosti_meditsinskih_rabotnikov (date of access: February 1, 2016).
3. Perov, S. «Medical Error» Outside the Law ... *PRAVO.Ru*. August 4, 2009. [Online] URL: <http://pravo.ru/review/view/14897/> (date of access: February 1, 2016).
4. Puchkova, V. V. *Legal Regulation of the Responsibility of Health Workers for Poor Quality Health Care*. Smolensk: Magenta. 2012. 92 p.
5. Sharabchiev, Yu. T. Medical Errors and Defects of Medical Care: Socio-Economic Aspects and the Loss of Public Health. *Mezhdunarodnie obzory: klinicheskaya praktika i zdorovie* [International Review of Clinical Practice and Health]. No. 6 (2013). Pp. 14-31.
6. Shayakhmetova, A. R. *Contract for Paid Health Services: Theory and Practice Problems*. Diss. ... Candidate of Legal Sciences. Yekaterinburg. 2012. 150 p.
7. Gruppen, L. D., Mangrulkar, R. S. and Kolars, J. C. *The Promise of Competency-Based Education in the Health Professions for Improving Global Health*. doi: 10.1186/1478-4491-10-43 [Online] Published online Nov. 16. 2012. URL: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3543172/> (date of access: February 1, 2016).
8. Hatlie, M. J. Climbing 'the Learning Curve': New Technologies, Emerging Obligations. *JAMA*. Vol. 270. 1993. Pp. 1364–1365. doi: 10.1001/jama.1993.03510110104041.
9. Villie, K. De. Medical Malpractice in Twentieth Century United States. The Interaction of Law, Technology and Culture. *International Journal of Technology Assessment in Health Care*. Vol. 14. No. 2 (1998). Pp. 197–211.

УДК 7.011.2

DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-83-86

Сараева Л.П.

**ФЕНОМЕН МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА
(ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

Сараева Любовь Павловна, кандидат философских наук, доцент. Белгородский государственный институт искусств и культуры, ул. Королева, 7, Белгород, 308033, Россия. E-mail: Saraeva.Lubov@yandex.ru

Аннотация

Чтобы выявить социокультурные характеристики музыкального фольклора, автор осуществляет комплексное исследование, сочетающее этнологический, фольклористический, феноменологический, системный и психологический подходы, включая анализ проявлений «бессознательного». Показано, что музыкальный фольклор способствует осознанию этнокультурных основ, постижению волевых, нравственных, эстетических и интеллектуальных способностей человека. Взгляд на музыкальный фольклор как на явление действительности, в котором соотносены художественное и нехудожественное начала, соответствует его природе, изначально связанной с реальностью бесчисленными узлами. Обзор открывает перспективу изучения новых аспектов социальной и культурной актуальности музыкального фольклора, пути углубления, конкретизации и развития совокупных знаний о нем, о музыкальном мышлении и музыкальной культуре как специфических социокультурных явлениях.

Ключевые слова: музыкальный фольклор; коммуникативные связи; механизмы поведенческой активности; ритуальная коммуникация; художественная коммуникация.

Sarajeva L. P.

**PHENOMENON OF FOLK MUSIC
(PHILOSOPHICAL AND CULTURAL ASPECTS)**

Sarajeva Lyubov Pavlovna, PhD in Philosophy, Associate Professor. Belgorod State Institute of Arts and Culture 7 Koroleva St., Belgorod, 308033, Russia. E-mail: Saraeva.Lubov@yandex.ru

Abstract

In complexity of the ethnological, folkloristic, phenomenological, system, and psychological approaches attracting "unconscious" the musical folklore finds its sociocultural characteristics. It promotes understanding of ethnocultural, mental bases, and comprehension of strong-willed, moral, esthetic and mental abilities of the person. The view of musical folklore as on the reality phenomenon in the ratio of the art and inartistic beginnings in it corresponds to its nature which is initially connected with reality uncountable bonds. It is about studying of new aspects of social and cultural relevance of musical folklore, about deepening, a specification and development of cumulative knowledge of it, musical thinking and musical culture as the specific sociocultural phenomena.

Keywords: folk music; communication links; the mechanisms of behavioral activity; ritual communication; artistic communication.

Задача адекватного понимания феномена музыкального фольклора предполагает рассмотрение его как неотъемлемой части духовной культуры и культуры в целом, а также в его отношении к самой действительности, и в этом смысле лежит в русле общих тенденций развития философско-культурологической мысли.

Известно, что еще в конце второго – начале первого тысячелетия до нашей эры ведийские жрецы с помощью гимнических интонаций воспевали созидательные силы Природы. В

шестом веке до Рождества Христова греческий мыслитель Пифагор усматривал тождество музыкальной гармонии и иерархических процессов Космоса («музыка сфер»). Уход от космоцентрической точки зрения софистов Антифонта, Гиппия, Протагора, которые объединили мироздание с Человеком как его венцом, подчеркнул сознательное и деятельностное антропологическое влияние на окружающий мир, в том числе с помощью музыки. В мифологии сохранились имена

греческого певца Орфея, главного персонажа карело-финского эпоса Калевала Вяйнямейнена, играющего на кантеле, музыкантов из древнерусских повествований Леля, Садко, Бояна – культурных феноменов прошлого. К фактологии относятся также состязания хоров на греческих религиозных празднествах в честь Диониса; популярность в древние времена хорового пения в Риме, Египте, Индии, Вавилоне; песенное содержание славянского обрядового фольклора, – везде и всюду человеческие воззрения на мир доносились через интонационные практики народов, в которых отражались их переживания.

Особое значение в понимании феномена музыкального фольклора имеет организационно-мобилизующая природа музыки, проявившаяся в разных историко-культурных контекстах. В Средневековье пение было консолидирующим инструментом, объединяющим и примиряющим людей через унисон их голосов. Хор являлся формой единодушия и единомыслия, но никак не музыкальной эстетической формой: от певчих не требовалась чистота интонации, достаточным считалось единение веры и души поющих. В философии Нового времени пение (искусство) рассматривается Дж. Вико одной из первичных ипостасей человеческого познания через посредство фантазии, чувства, страсти – изначальных познавательных инструментов в постижении сути вещей, играющих не менее важную роль, чем разум. Характерное для этого времени представление любого культурного занятия способом созидания человеком самого себя и формой взаимодействия с окружающим миром показывает пение («музыкальный фольклор» в рамках данной статьи – Л.С.) средством общения и формой коммуникации при изначальном равенстве народов в поэтическом творчестве. Данная идея немецкого философа-просветителя Й. Гердера высказана им на страницах сборника «Народные песни» (1778-1779 гг.).

Исторически подвижный характер музыкального фольклора отражает историческая, социально-бытовая, культурная этнографическая фактология, представленная в трудах Дж. Фрезера, Э. Тайлора и представителей отечественной мифологической школы – И.М. Снегирева, И.П. Сахарова, А.Н. Афанасьева, донесших информацию о мифологических способах освоения мира. Следы подобных явлений содержатся в ряде равноуровневых текстовых источников времен открытого господства язычества, к коим относятся свидетельства византийских историков (IV в.),

арабских географов (VII-XII вв.), католических миссионеров (XI-XIV вв.), русских летописей и поучений против язычества (XI-XIV вв.); польские и русские записи о пережиточных формах этнографического порядка XV-XVII вв., фольклорные славянские материалы, как, например, священное сказание русского народа «Голубиная книга» (XVIII в.), архаичное ядро которого формировалось в XII-III вв. до н.э. [7, с. 623]; с середины XIX века это дополняется археологическими и этнографическими артефактами.

Познание славянской языческой духовной культуры осуществляли русские исследователи мифологической школы (А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, А.А. Потебня, О.Ф. Миллер), исторической школы (В.Ф. Миллер и др.), сравнительно-исторической школы (начиная с А.Н. Веселовского). Обнаружение связи древней письменности с христианством, устных форм (в пределах языческих традиций) – с мифологическими схемами, а также признаков космогонии в разнообразных формах фольклора (сказка, былина, пословица, песня и т.д.) способствовало формированию Ф.И. Буслаевым концепции многоуровневого исторического, а точнее, культурно-исторического процесса. Анализ вопросов иерархичности, цикличности, системности славянского миропонимания был осуществлен Б.А. Рыбаковым. В структуралистском направлении взаимосвязь общеславянских и индоевропейских обрядов выявили В.В. Иванов, В.Н. Топоров, Н.И. Толстой. Опосредованное отражение астрологических практик в космогонических текстах установили О. Ройтер и М. Мюллер. Благодаря этим изысканиям музыкальный фольклор обрел статус антропологического, социального, а в целом – специфического человеческого феномена, помимо ранее сформировавшегося к нему отношения как к неотъемлемой части культуры в соответствии с представлениями ведийской и античной мысли, философией Нового времени. Несомненно, масштабная работа с фольклорным материалом позволила в дальнейшем уйти от его очевидных культурных особенностей, сконцентрировав философско-культурологическое познание на специфических его отношениях с действительностью, с ее упорядочивающими, регламентирующими и организующими сторонами.

В трудах Н.А. Бердяева, Н.Я. Данилевского, И.А. Ильина, И.В. Киреевского, В.В. Розанова, П.А. Сорокина, Е.Н. Трубецкого, С.Л. Франка, П.А. Флоренского, А.С. Хомякова –

отечественных философов, религиозных мыслителей, историков и социологов – были увязаны культурологические универсалии о непреходящем и вечном с конкретно-историческим содержанием и развитием отдельных форм человеческой деятельности. Примером здесь является точка зрения выдающегося русского мыслителя Н.Я. Данилевского на качественную сторону духовной природы народов, структурирующейся по культурно-историческим типам, которые показывают «свой быт и нравы, свои религиозные воззрения, свой склад мысли и чувств» [4, с. 124]. Определяемые Н.Я. Данилевским через термин «цивилизация» культурно-исторические типы суть главная форма человеческой организации пространства и времени, с помощью которой народности и национальности достигают возможной многосторонности проявления человеческой природы в рамках замкнутой духовной общности, существующей в собственной шкале координат: этнографических, исторических, нравственных.

Формирование национального мышления (и значимость языческого периода в истории русского народа) рассмотрено в трудах И.В. Киреевского, Н.А. Бердяева. Первый отмечал в особенностях русского мировосприятия синтез язычества и православия, в результате которого «христианство не уступало разума язычеству, но, проникая его, подчиняло своему служению всю умственную деятельность мира настоящего и прошедшего, во сколько он был известен» [6, с. 309]; второй выделял в национальных особенностях русской души противоположные «природную, языческую <...> стихию и аскетическо-монашеское православие» [1, с. 30-31], переключаясь в этом с мыслью В.В. Розанова об одинаковой «вкорененности» в русском типе христианства разных элементов и направлений. Собственно национальные особенности процесса познания в амплитуде от его целостности (определяемой мыслителем понятием «живознание» на основе разума, чувств, воли) до потери его неделимости отмечается А.С. Хомяковым. Поиск черт национального своеобразия культуры в процессе самопознания характерен для Н.С. Трубецкого. Самопознание преподносится им как высшая доступная человеку мудрость, так как, постигая самобытность, «человек (и народ) может быть уверен в том, что действительно осуществляет свое назначение на земле, что действительно является тем, чем и для чего был создан» [8, с. 36]. Самобытная национальная культура народа, по

утверждению философа, позволяет ему «познать самого себя» и «быть самим собой». Ее создание является истинной целью для людей, так же как «целью отдельного человека, принадлежащего к данному народу, является достижение образа жизни, в котором полно, ярко и гармонично воплощалась бы его самобытная духовная природа. Обе эти задачи – народа и каждого его отдельного индивидуума, теснейшим образом связаны друг с другом, взаимно дополняют и обуславливают друг друга» [8, с. 36-37].

Следует подчеркнуть, что историко-философский и историко-культурный анализ музыкального фольклора, освобождая от экономических, политических, идеологических, социальных факторов – внешних и производных относительно его сущности – подготовил почву для выявления его социокультурной атрибутивности. Актуализация позитивного знания развернула философско-культурологическое познание от сущностных характеристик музыкального фольклора к вскрытию связей между его фактами и явлениями, то есть к его феноменологичности, способности культурных артефактов информировать о человеке через деятельностное влияние индивидов друг на друга, так как «чем больше оказывается сфера бытия, наполненная человеческой деятельностью, тем яснее проявляются как свойства объективной действительности, так и значение и функция Я» [5, с. 108]. Объяснение «данности» феномена дает Э. Гуссерль, выделивший функциональную его сторону, а методом феноменологических изысканий провозгласивший «приведение к ясности», то есть поиск соотношения «способа данности» и форм «осознания данности» [3, с. 686].

Преодоление традиционного понимания объективности знания как «бессубъектности» и «внесубъектности» находим у Г. Гадамера, показавшего феномен универсальности отношения к миру в изначальной человеческой вовлеченности в бытие, когда «сказываемое» в языке понимается через него же [см.: 2, с. 516]. Языковой характер человеческого опыта мира определил герменевтическое отношение к реальности, составленной слоями бытия, актуализировал показ объективных и всеобщих оснований концептов «рациональность», «знание», «истина», «реальность», морально-нравственных категорий с их относительным значением к специфической концептуальной схеме, парадигме, типу культуры и т.д. в многочисленных формах человеческого освоения мира. Среди последних – язык, нравственность,

историческое сознание, философия и в том числе – искусство.

Все это представляет многоуровневость феномена музыкального фольклора в осмыслении структуры мышления. В этой структуре миф, сказание, поэзия, по словам М. Хайдеггера, относятся к памяти. Рассматривая память не как «просто психологически понимаемую способность удерживать прошедшее в представлении» [9, с. 139], философ подчеркивает бесценность мифа, которому он дает название «самое старое, самое раннее» не только в значении отсчета, но и потому, что тот имеет основание в мышлении. Служа субстратом нашей цивилизации, миф (с точки зрения способов наблюдения и размышления) показывает единство мыслительных процессов современного человека и первобытного. Как видимый, доступный наблюдению социокультурный феномен, музыкальный фольклор сохраняет в себе национальные характерные черты языка, менталитета, темперамента и т.д., осуществляя и накапливая в себе социокультурный опыт. Он отражает генезис становления человека как человека культуры.

Сквозь призму философско-культурологического познания музыкальный фольклор раскрывает основные ценностные, содержательные, мировоззренческие установки, его регулятивно-адаптивную и коммуникативную подоплеку, объясняя, почему произведения народного музыкального творчества, запечатлевшие историческое время своего создания, способны выходить далеко за пределы этого времени, быть понятными и близкими для людей других эпох и других культур в неразрывной цепи исторических событий; почему осуществляемая в музыкальном фольклоре через интонационную выразительную сферу трансцендентальность является условием феноменологического его становления.

Литература

1. Бердяев, Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика. 2008. 320 с.
2. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы

философской герменевтики. М.: Прогресс. 1988. 704 с.

3. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука // Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн.: Харвест, М.: АСТ. 2000. С. 668-743.

4. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Сост. и комм. Ю.А. Белова. М.: Институт русской цивилизации. 2008. 816 с.

5. Кассирер, Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга. 2002. 280 с.

6. Киреевский, И.В. Критика и эстетика / сост., вступ. ст. и примеч. Ю.В. Манна. М.: Искусство. 1979. 439 с.

7. Серяков, М.Л. Голубиная книга – священное сказание русского народа. М.: Алетейя. 2001. 664 с.

8. Трубецкой, Н.С. Об истинном и ложном национализме // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. Антология. М.: Наука. 1993. С. 36–48.

9. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге / Пер. с нем. под ред. А.Л. Доброхотова. М.: Высшая школа. 1991. 192 с.

References

1. Berdyaev, N. *Russian Idea*. St. Petersburg: Azbuka-klassika. 2008. 320 p.
2. Gadamer, H.-G. *Truth and Method*. Moscow: Progress. 1988. 704 p.
3. Husserl, E. *Philosophy as a Rigorous Science. Logical Investigations. Cartesian Meditations....* Minsk: Harvest, Moscow: AST. 2000. Pp. 668-743.
4. Danilevsky, N. Ya. *Russia and Europe*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii. 2008. 816 p.
5. Cassirer, E. *The Philosophy of Symbolic Forms. Volume 2. Mythological Thinking*. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. 2002. 280 p.
6. Kireevskiy, I. V. *Criticism and Aesthetics*. Moscow: Iskusstvo. 1979. 439 p.
7. Seryakov, M. L. *Pigeon Book – the Sacred Legend of the Russian People*. Moscow: Aleteia. 2001. 664 p.
8. Trubetskoy, N. S. On the True and False Nationalism. *Russia between Europe and Asia: Eurasian Temptation. Anthology*. Moscow: Nauka. 1993. Pp. 36–48.
9. Heidegger, M. *Conversations on a Country Road*. Moscow: Vysshaya shkola. 1991. 192 p.